

Ж-14038
П 326463

ISSN 0453-7998

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

393' 97

**СОЦІОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ
СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА:
МЕТОДОЛОГІЯ, ТЕОРІЯ,
МЕТОДИ**

2-50

ISSN 04553-7998 Вісник Харківського
університету. Соціологічні дослідження
сучасного суспільства: методологія,
теорія, методи. 1997. № 393. 1-250

V.N. Karazin Kharkiv National University

00297380

3

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ISSN 0453-7998

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

№393'97

Соціологічні дослідження
сучасного суспільства:
методологія, теорія, методи

Заснований у 1983 р.

Харків
ХДУ
1997

Черговий випуск Вісника складається з двох розділів. В першому розділі представлені роботи викладачів та аспірантів Харківського університету та інших вузів, в яких розглядаються проблеми теорії та методології, результати соціологічних досліджень актуальних проблем сучасного суспільства.

Другий розділ містить роботи учасників Міжнародної літньої школи молодих соціологів "Соціальна структура та соціальні зміни у суспільстві, що трансформується" (вересень, 1997 р.)

Для викладачів, наукових працівників, аспірантів, студентів, для всіх, кого цікавлять проблеми сучасного суспільства та соціологічної науки.

Редакційна колегія: канд. філос. наук, доцент Ніколаєвський В.М. (відп. редактор), канд. філос. наук, доцент Арбеніна В.Л. (відповід. секретар), д-р філос. наук, проф. Якуба О.О., д-р соціолог. наук, проф. Бакіров В.С., д-р філос. наук, проф. Шкода В.В., канд. філос. наук, доцент Андрющенко А.І., канд. соціолог. наук, доцент Кізілов О.І.

Адреса редакційної колегії: 310002, Харків, вул. Міроносицька, 1, соціологічний факультет ХДУ.

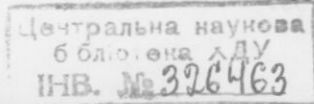
Тел.: 45-76-51, 45-75-55, 45-73-68; e-mail: sociology@univer.kharkov.ua

(057) 2-45-74-05 Якуба О.О.

© Харківський державний університет

© Східноукраїнський Фонд соціальних досліджень

Ж-14038 1997

ТРАНСФОРМАЦІЯ СОЦІАЛЬНОЇ РЕАЛЬНОСТІ І ЗМІНИ В СОЦІОЛОГІЧНОМУ ПІЗНАННІ

Наприкінці двадцятого сторіччя все більш помітні глибокі зміни фундаментальних структур соціального буття. Індустріальна цивілізація наближається до своїх історичних меж, поза якими життя людини починає зазнавати величезних деформацій і перевантажень, потребує нових форм цивілізаційного розвитку, що докорінно змінюють всю соціокультурну динаміку суспільства, трансформують основні форми індивідуального і колективного існування людини. Соціально-рольовий спосіб людської життєдіяльності, який підпорядковує особистість функціональним імперативам суспільних структур поступово відходить у минуле. Із елемента, деталі, "гвинтика" соціальної мегамашини, деперсоналізованого агента соціально-інституціональних дій людина перетворюється на реального суб'єкта власного життя. Відбувається перебудова механізмів соціокультурної ідентифікації особистості. Руйнуються традиційні соціально-групові структури, йде "відрив" від них індивідів, що супроводжується не тільки зростанням відчуття особистісної свободи, але й нерідко психологічним дискомфортом, ностальгією за колишньою "груповою приналежністю", гострим почуттям самотності. Розпад характерних для індустріального суспільства систем зовнішньої детермінації життєдіяльності людини (технологічних, економічних, культурних, ідеологічних, психологічних та інших) не тільки послаблює її залежність від соціокультурного середовища. Він зазначає дещо більшого — виникнення зворотних ліній детермінації — залежності соціальних структур від становища духовного світу особистості, від процесів, які відбуваються в її свідомості. Поворот від детермінаційного пріоритету соціальних структур над людською індивідуальною життєдіяльністю, різке зростання ролі особистості в функціонуванні цих структур означає зміну онтологічних характеристик соціальної реальності, перетворення її з моністичної на плюралістичну, на таку, що не має виразного внутрішнього членування, важко піддається однозначному моделюванню та прогнозуванню. Замість стійких соціальних структур, які виступають жорстким каркасом соціальної реальності і диктують мотиваційно-змістовний та ціннісний характер людської поведінки, виникає новий стан суспільного життя. Його онтологічні характеристики краще дозволяють зрозуміти модель І. Пригожина "порядок через флуктуацію", яка включає до фундаментальної наукової картини світу

Бакіров В.С. — доктор соціологічних наук, професор, зав., кафедрою прикладної соціології Харківського держуніверситету

такі риси, як разупорядкованість, несталість, нерівновага, спонтанність і такі інші [1]. Одна з відмінних рис нової соціальної реальності є та, що предметом її духовного і практичного засвоєння стають особливі об'єкти (економічні системи, державні та політичні інституції, різні соціальні спільноти та ін.), розвиток яких пов'язаний з проходженням точок "біфуркації", цебто таких, які з однаковою ймовірністю зумовлюють той чи інший тип, напрям, спосіб подальшого розвитку [2].

Людство безумовно стоїть на порозі нового, невідомого, незмірно складнішого типу соціальності. Він породжує нові механізми людської взаємодії і спілкування, принципово змінює взаємини особистості і соціума, викликає до життя нову методологію соціологічного пізнання.

Класичні соціологічні схеми були такі: об'єктивна, чітка стратифікація суспільства, яка зумовлена характером праці та її розподілом; об'єктивна, чітка структура інтересів соціальних груп; їх віддзеркалення в системах ідеології або утопії і повернення цих імпульсів у поле дії економічних та соціально-політичних закономірностей.

Соціологічні теорії епохи індустріалізму, таким чином, виключали з свого методологічного арсеналу принцип індивідуальної людської суб'єктності, індивідуальної людської незамінності. Індивід явно чи неявно розглядався як деталь соціального механізму, елемент зовнішнього порядку соціальних дій і взаємодій. Це була парадигма суспільства як "дому людини", який може бути більш — менш зручним, просторим, але все ж таки зовнішньою оселею людини. А коли це так, то завдання соціального пізнання — шукати, вимірювати, пророкувати різні безсуб'єктні перемінні величини соціального життя людини.

Тенденція формування нової парадигми соціологічного пізнання мабуть в тому (і це, наприклад, намагається підкреслити етнометодологія, феноменологічна соціологія в цілому), що вона заперечує абсолютизацію зовнішньої соціальної реальності, потребує розглядати не "людину в соціальному світі", а "соціальний світ в людині". Якщо в індустріальному суспільстві людина виростає із соціальних умов, то зараз "соціальний світ" починає виростати із людини. Це відбувається завдяки тому, що кожен індивід набуває таку автономність і неповторність, що він визволяється від безумовності зовнішніх соціокультурних впливів, детермінується з середини, і робить це таким чином, що зовнішня логіка суспільних структур втрачає здатність жорсткого визначення соціальної поведінки. Соціальний світ стає емерджентним, тобто постійно виникаючим і зникаючим (сінергетичним). Духовні процеси набирають силу, все менше піддаються об'єктивним детермінаціям, перетворюються на самостійні системи, в яких кожна особа здатна відігравати самостійну детермінуючу роль. Тому зростає інтерес

соціолога не тільки до духовно-масових процесів, але й до процесів духовно-індивідуальних, духовно-унікальних. Розвиток і збагачення інтелекту людини, її творчої енергії, духовних якостей стає фундаментальним технологічним принципом виробництва і відтворення суспільного зв'язку, суспільної цілісності, зумовлює увагу соціології до особисто-індивідуального, духовно-унікального. Як пише у цьому зв'язку Г.Г.Ділігенський, "...дуже важливо зараз у всі сфери суспільного знання — економічну науку, історію, соціологію — органічно включити проблеми людини як індивіда з його внутрішнім світом. Тому, що цей внутрішній світ перетворюється тепер в один з найважливіших і ведучих компонентів всього суспільного історичного розвитку" [3].

Величезне значення набувають в нових умовах соціального життя людини проблеми духовного, ціннісного консенсусу, взаємодії ментальностей, "життєвих світів". Звідси зростаюча увага дослідників до феноменологічного способу соціологічного пізнання, який виріс з критики об'єктивуючих методів, притаманних індустріальній соціології. Спроби застосувати феноменологічні підходи до аналізу індустріальних соціальних відносин були дещо передчасними, залишали враження лише "неформальної поведінки" в товаристві соціальних науковців. Але іншого змісту і методологічних відтінків вони набувають, коли мова йде про становлення постіндустріальної соціальної реальності і постмодерністської культури.

Становлення нової соціальної реальності потребує не простого уточнення або доповнення окремих методологічних підходів в соціології, але перетворення загальної парадигми соціологічного пізнання, створення дослідницьких програм, які орієнтують на: 1) перегляд фундаментальних теоретичних уявлень щодо людини як продукту соціального середовища і розповсюджених в ньому культурних моделей поведінки; 2) аналіз механізмів вільного ціннісного самовизначення індивіда як умови соціальної цілісності; 3) визначення плюралізму культурних світів і подолання усіх форм локального культурцентризму; 4) дослідження людської активності у полі дії загальнолюдських культурних імперативів; 5) вивчення антропогенних факторів організації соціального життя; 6) проникнення в "мікросвіт" повсякденності і в механізми його взаємодії з соціально-груповими, соціетальними і мегасоціумними структурами суспільних відносин; 7) гуманітарну експертизу економічних, соціально-управлінських та інших проєктів і програм, розробку соціально-гуманітарних соціальних технологій.

Соціологічне пізнання епохи індустріалізму спрямоване на розробку методів управління раціонально організованим, жорстко детермінованим соціальним механізмом. Чи залишається це завдання в новій соціальній реальності, яка втрачає ознаки механічної організації? Людина — і це очевидно — не відмовиться від спроб

впливати, діяти на хід соціальних процесів, спираючись на результати наукового пізнання. Але, враховуючи докорінні зміни в соціальній онтології, це пізнання має відмовитись від суто інженерного, технократичного пафосу, звернути увагу на інтерпретативні, нарративні, дескриптивні способи пізнання, які дозволяють пильно вдивлятися в глибини людської духовності, яка самовизначається і перетворюється на детермінанти соціальних структур.

Потреба у "гнучких" методах соціального пізнання виникає тоді, коли воно спрямовано на об'єкти, які не піддаються формалізації, або тоді, коли формалізований опис об'єкту не має як теоретичного, так і практичного сенсу. Наприклад, усі намагання зробити формалізований соціологічний опис духовного світу людини, її свідомості, при уважному розгляданні виявляють свою неадекватність і умовність, бо вони припускають насильне і довільне втиснення нескінченно складних і багатих за своїм змістом, мінливих і рухливих духовних, моральних, емоційних станів до шкал, з деякою кількістю числових значень. Таке вивчення і такий опис суб'єктивного, ціннісно-смыслового аспекту діяльності були мабуть достатніми для аналізу десуб'єктизованих соціальних систем індустріального суспільства, з його "агентними" (а не "суб'єктивними") формами і способами людського існування. Але перетворення свідомості взагалі і індивідуальної свідомості зокрема на зумовлюючий фактор суспільного життя веде до пошуку і широкого використання таких засобів його дослідження, які не пов'язані з подальшим посиленням формалізації, квантифікації, математизації, алгоритмізації та ін. З опису середньостатистичних тенденцій духовного життя та скіль завгодно витонченого оперування його формалізованими характеристиками акцент переноситься до проникання у феноменологічні глибини свідомості, до поринення в "життєві світи" і ментальні структури повсякденності. Необхідні для цього методологічні підходи та відповідні їм методики накопичувались в соціальному пізнанні протягом більш ніж півтора століть. Але вони розвивались не як практично затребуємі інструменти пізнання, а скоріше, як духовний опір технократичному світоглядові, який уречевляв людину. Серед таких підходів, наприклад, герменевтика. Ставлячи питання про процедури осягнення смислових структур людського життя герменевтика зосереджується на різних суб'єктивних формах проявлення суспільної практики, розшифровує представлені в них цінності, норми, ідеали, вірування і таке інше. Таким чином вона дає змогу побачити ті аспекти та зв'язки об'єктивного та суб'єктивного, особистісного і надособистісного, які ухиляються від об'єктивізуючих, "пояснюючих" методик.

Крім герменевтики, яка зорієнтована на процедури розшифровки та інтерпретації соціокультурних текстів і підтекстів, особливе значення набуває біографічний метод, який відомий з початку

століття, проте дуже рідко застосовується сьогодні, наприклад, в соціології. Біографічний метод побудований на вивченні щоденників, особистого листування, автобіографій, мемуарів, сповідей, на глибинних інтерв'ю. Він служить більш глибокому з'ясуванню і осмисленню суб'єктивних мотивів, інтенцій, ціннісних підстав людської поведінки. Спроби формалізувати таку інформацію за допомогою контент — аналізу доки що особливих успіхів не принесли.

Все це відкриває дорогу другій з двох альтернативних стратегій вимірювання соціальної реальності, яка є, як показує В.Б.Моін, суто особистісним процесом, за яким повністю відкидається сциєнтистський камуфляж "об'єктивності" і дослідникові надається повна свобода: він може обирати будь-яку методику, навіть зовсім ненадійну з точки зору традиційних показників точності, стійкості, валідності [4].

Відхід від формалізуючих і оречевляючих соціальну реальність методик, зростаюче значення "гнучких" методів зближують наукове соціальне пізнання з різними позанауковими його формами. Виникає дуже складна методологічна проблема взаємодоповнення "жорстких" і "гнучких" методів, поєднання наукових і позанаукових підходів, використання в соціальному пізнанні таких засобів, як соціально-гуманітарні експертизи і діагностики, ситуаційні аналізи, рольові та імітаційні ігри, соціодрами.

Соціологічне пізнання, таким чином, має пережити не тільки ґрунтовну методологічну революцію, але й серйозно переглянути свій методичний арсенал. Від безумовного пріоритету методів, спрямованих на осягнення об'єктивних структур і зовнішніх рамок людської діяльності, "просіваючих" соціальну реальність крізь "сито" формальних характеристик, треба рухатись до розробки, осмислення і більш широкого застосування також й "гнучких", "якісних" методів, які здатні зберігати субстрат суспільного життя, уловлювати відтінки і інтонації повсякденного існування людини. Цим можна було нехтувати в жорстких конструкціях індустріального суспільства. Але цього не можна не брати до уваги у спробах направляти і контролювати розвиток нестабільних, емерджентних систем постіндустріальної епохи.

Література:

1. Тоффлер О. Наука и изменение (предисловие) // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М., 1986. С. 20.
2. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (позиции и последствия) // Вопросы философии. - 1991. № 3. С. 3-28.
3. Дилигенский Г.Г., Лекторский В.А. Проблемы целостности мира (диалог) // Вопросы философии. - 1990. № 12. С. 42.
4. Моин В.Б. Две стратегии измерения // Социологические исследования. - 1989. № 6. С.116.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.

Существует два различных пути для изучения социальных процессов, происходящих в пост-социалистических обществах в Восточной Европе и странах бывшего Советского Союза.

Первый путь, часто используемый отечественными и зарубежными специалистами в области экономики и политики, состоит в рассмотрении происходящих изменений как политических и экономических *переходных периодов* от тоталитарной политической системы и централизованной экономики к плюралистическому демократическому обществу, основанному на рыночной экономике.

Мы уже имеем опыт использования различных "переходных" подходов на благо догматизированных идеологий. Но даже оставив в стороне политические моменты, с точки зрения чистой методологии, все "переходы" от существующей точки развития к предполагаемому будущему состоянию вызывают легкое подозрение. Использование этой категории обычно предполагает нормативное отношение к изучаемым процессам. Предполагается, что и состояние общества в стартовой точке перехода, и будущее состояние известны. И люди работающие с этими предположениями, часто имеют соблазн безапелляционно выработать "неотвратимые" цели перехода.¹

"Переходный подход" часто упрощает комплексный процесс до частичных изменений в нескольких сферах социальной жизни. Обычно политические, экономические и социальные изменения рассматриваются как параллельные, без понимания их взаимозависимости.

С этой точки зрения такие процессы выглядят относительно простыми. И все, что требуется в этом случае — это добрая воля и энергия, а также институциональные, материальные и юридические средства для политического и экономического реструктурирования. Поверхностное знание начальных условий и реальных социальных сил ведет к недооценке потенциального социального конфликта.

Мы предлагаем определять проблему как *социальную трансформацию*. Мы определенно знаем что-то о начальной точке и первоначальной фазе текущих процессов в нашей стране и у нас

¹ Sztompka, P. 1992. "Dilemmas of the Great Transition", in *Sisyphus. Social Studies*, Vol.VIII

есть идеи о направлении ее будущего развития. Эту идею или образ мы создаем, как правило, в контраст прошлому и в сравнении с развитыми странами. Мы не можем полностью отбросить нормативный подход, особенно в начале нашего анализа. Однако, мы не можем сказать, что нам известно все о старом порядке, от которого мы уходим сейчас, и что мы можем игнорировать его сильное влияние на настоящее. Только взгляд в "зеркало заднего вида" может показать нам действительные проблемы нашего общества. В то же время мы должны прояснить наш сравнительно абстрактный и нечеткий образ будущего. В любом случае не существует какого-либо одного возможного будущего для пост-социалистических стран. Скорее есть несколько вариантов, зависящих от условий и преобладающих тенденций. Эти возможные варианты "будущего" — самые разнообразные, но существует одна центральная тенденция содержащаяся в нормативном образе.

Развитие нашего общества — это не только сумма политических, экономических и культурных факторов. Это еще и трансформация социальной структуры, т.е. многообразия социальных связей через взаимопроникновение всех сфер социальной жизни: экономики, политики, материальной и духовной культуры, и жизненных стилей. Изменения в одной сфере очень часто ведут к неожиданным результатам в других сферах социальной жизни, которые приводят к еще большему усложнению дороги в будущее.

Если этот подход к пониманию происходящих изменений правилен, то он требует адекватной методологии исследования. Без недооценки роли нормативных элементов в создании теоретического обоснования для исследования трансформационных процессов, мы должны попробовать непредвзятое, тщательное, комплексное эмпирическое исследование, которое позволит опровергнуть наши теоретические предположения. Один из таких методов — историческое и кросс-культурное сравнение. Для нас является очевидным, что специфические черты социологии — ее комплексность и сбалансированное использование теоретических и эмпирических подходов — внесут вклад в возрастание роли этой науки в изучении пост-социалистических социальных трансформаций.

Какой же вид общества мы пытаемся трансформировать? В течении последних двух или трех десятилетий было много попыток ответить на этот вопрос, основываясь на эмпирическом знании по этому поводу. Может быть есть смысл подытожить ответы, предложенные различными социологами — представителями как пост-социалистических стран, так и многими другими.

1. Первый ответ был дан официальной советской социологией и механически повторен многими влиятельными социологами во всех социалистических странах. Это также явилось основой для совместных исследований. Согласно этой теории общество

разделялось на два неантагонистических класса (рабочий класс и колхозное крестьянство), а также на дружественную им "вспомогательную" прослойку — интеллигенцию. Единственное приемлемое развитие заключалось в гомогенизации социальной структуры. Во многих странах эта схема доминировала в официальной социологии до середины 80-х и множество социологов, особенно открыто ее не критикуя, просто заменили ее на нео-марксистские классовые схемы.

2. В 1960-х и ранних 70-х были сделаны попытки применить стратификационные модели построенные на меритократических принципах. Позже появились гипотезы о возможной технократизации государственной бюрократии и о вовлечении интеллектуалов в процесс управления, но и они не были реализованы на практике.²

3. Во второй половине 80-х были попытки применить различные версии неомарксистских и неовеберлианских классовых моделей. Они были более убедительны чем сталинский вариант, но, поскольку они отражали социальную реальность слишком непохожих западных стран, не могли применяться к обществам советского типа без значительных изменений.³

4. Специфичность плановой экономики заключается не только в государственном регулировании капитала, но также и в широко распространенной, сложной и искусственной системе перераспределения. Пытаясь определить социальные функции перераспределения мы находим, что оно помогает получать незаслуженные привилегии и позиции для относительно немногочисленной и не очень квалифицированной политической элиты "нового класса": для относительно многочисленной и относительно неквалифицированной группы рабочих, занятых ручным трудом; а также для, в равной степени, неквалифицированных служащих, особенно тех, кто занят организацией перераспределительного процесса. Это та ситуация, которая описана в концепциях статусного разложения, статусной неустойчивости, эгалитаризма, анти-меритократической системы, дестратификации и т.д. Начиная с 80-х годов и, особенно, сейчас мы испытываем увеличение их важности в социологических исследованиях. Это одно из доказательств представленного ранее тезиса о том, что только пост-социалистическая трансформация раскрывает скрытые механизмы старого режима.

5. Только некоторые социологи интересующиеся проблемами

² Machonin, P. et al: *Czechoslovak society. Sociological Analysis of Social Stratification*. Bratislava: Epocha 1969

³ Strmiska, Z.: "Change and Stagnation in Soviet-Patterned Societies. A Theoretical Framework for Analysis," in *Research Project Crises in Soviet-Type Systems*. Study 1989, No. 15-16

малых частных предпринимателей, а также проблемами так называемых "серой" и "черной" экономик, смогли предвидеть в 80-х годах возникновение частной собственности и классическую модель классового общества.

6. Немногие из социологов интересующихся социальным развитием в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе заметили серьезную напряженность между этническими группами и регионами.

Рассматривая пути возможного социального развития нашей страны мы обычно сравниваем шансы неоллиберальных и социал-демократических стратегий в системной трансформации. Мы думаем, что существует много необоснованного оптимизма, что касается будущего и настоящего нашей страны. Как мы знаем, спектр политических сил широк и фрагментирован. И не так трудно определить, по крайней мере абстрактно, возможные пути развития.

1) Должна быть принята в расчет сильная тенденция к сохранению перераспределительной, уравнивательной и бюрократической социальной системы. Хорошо знакомая коалиция бюрократов и неквалифицированных работников, заинтересованных в уравнительном распределении, попытаются сохранить старую практику. Эта группа достаточна единодушна и ее программные цели могут найти поддержку среди коммунистов, левых популистов, христианских демократов, националистов, правых популистов, и, в определенной степени, среди основных центристских политических групп. Эта очень мощная тенденция является одним из основных препятствий на пути к эффективному и демократическому современному обществу. С другой стороны, большие массы населения видят в ней избавление от тяжелых последствий радикальных реформ.

2) Вторым основным развитием было бы укрепление демократическо-плюралистических принципов политической системе и в рыночной экономике смешанного типа. Роль государства во многих сферах экономики и социальной жизни должна повыситься. Одним из основных принципов мог бы быть принцип социальной справедливости, косвенно регулируемый демократическим государством.⁴ Это, естественно, социал-демократическая стратегия, но многие другие политические силы, особенно либеральные движения, заимствуют из нее. Здесь правда существует опасность скатиться к уравнительному популизму и перераспределительному бюрократизму.

3) Третий путь можно назвать либерально-демократической реструктуризацией общества. Демократическое и плюралистическое государство должно открыть дорогу для развития индивида, частной

⁴ Morawski, W. 1991. "Democracy and the Market on the Threshold of Great Transformation", *Sisyphus. Sociological Studies*, Vol. VII

собственности, рыночных отношений, и ограничить себя до регулирования и скромной социальной политики, "сети социальной безопасности". Главным результатом этого должен стать сильный средний класс частных собственников и союзных ему социальных групп. Потенциал этого пути для создания эффективной экономической системы в ближайшем будущем вызывает серьезные сомнения.⁵

4) Либерально-консервативная тенденция, часто ассоциируемая с крайне правым политическим радикализмом, использующая государственный аппарат для поддержки экономических реформ, нацелена на быстрое создание классической капиталистической системы. Создание класса буржуазии — это только начало, и существует множество вопросов по поводу источников для формирования подобного класса, на которые еще не найдены ответы. Этот вид социальных изменений теоретически ведет к идее, что это приведет к эффективной рыночной экономике, но до сих пор мы не можем найти этому подтверждения в Украине. Различные представления о классе марксистского или веберовского происхождения могут быть использованы для понимания этой тенденции.

5) С социологической точки зрения необходимо упомянуть то, что редко упоминается: аполитичная молодежь, разочарованные интеллектуалы, и социально отчужденные индивиды избегают рассмотрения своих социальных позиций и ролей в официальной системе.⁶ И усиление или ослабление этой тенденции будет зависеть от относительных успехов трансформации, от классовой или групповой стабильности, и от социальных конфликтов. Этот феномен не должен игнорироваться, так как он может стать более типичным в будущем.

Вместо двух-трех тенденций в рамках нормативно представляемого процесса перехода, действительность социальной трансформации порождает множество различных результатов. И более того, абстрактные тенденции не существуют в социальной практике в своей "чистой" форме, но являются "смешанными" как результат социального и политического сотрудничества, деятельности коалиций, борьбы и конфликтов. Вот почему они возникают в различных комбинациях, в процессе компромисса и внезапных поворотов. Это делает будущее еще более неопределенным.

После этих выводов мы должны вернуться к роли социологии в изучении трансформационных процессов. Нынешнее состояние

⁵ Alexander, J.C. 1990. "Real Civil Society: Rethinking Democratic Capitalism in Eastern Europe". The New Republic

⁶ Dahrendorf, R. 1990. *Reflections on the Revolution in Europe*. London: Chatto Windus

общества и амбициозные планы на будущее требуют от нас максимально непредвзятого и осторожного исследования социальных изменений. Мы должны избегать преждевременного теоретического классифицирования ситуаций, процессов и стратегий, с которыми мы имеем дело. Нам необходимо использовать все важные теоретические концепции применимые в прошлом, в настоящем, и в обозримом будущем: классовые концепции и концепции стратификации; концепции, описывающие демократические политические системы; концепции, имеющие дело с социальным контекстом рыночной экономики; концепции тоталитарного и бюрократического общества; социологические теории этнических и региональных отношений, и т.д. Но прежде, чем мы придем к обобщениям, мы должны наблюдать, собирать данные на основе международных и исторических сравнительных исследований. Только такая основа позволит нам критически рассмотреть теоретические гипотезы и сделать более определенные выводы, осторожно сформулировать социальные прогнозы или даже сделать непредвзятые социально-технологические рекомендации.

Якуба Е.А.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Социологическое изучение современного общества в Украине требует уяснения природы, характера и механизмов, происходящих процессов.

Уже в начале 90-х годов было очевидно, что изменениям подвергается вся система, все виды общественных отношений, т.е. процессы изменений носят всеобщий, всеохватывающий характер.

Изменения социально-классовой структуры свидетельствуют, что по своей природе эти процессы могут рассматриваться как глубокая трансформация общества. Возникли новые классовые образования (предприниматели, коммерсанты, фермеры, маклеры, брокеры и др.). Изменился статус и ранее существовавших групп. Особенно резко ухудшилось положение работников высококвалифицированного умственного и физического труда. Самые различные средние слои в силу обнищания переместились в низший класс. Это привело к разрушению устойчивого среднего класса. Чрезвычайно возросла социальная поляризация на бедных и богатых.

Якуба Е.А. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социологического факультета Харьковского государственного университета

Процесс трансформации социальной структуры является сложным и противоречивым. Поляризация сочетается с размытостью границ социальных групп. Интенсивность развития одних социальных групп сочетается с медленным становлением других, в частности, среднего класса. Если разрушение основ старого произошло сравнительно быстро, то созидание, в целом, протекает медленнее и неравномерно.

Как известно, социальная структура — это единство социальных групп и социальных институтов. Взаимодействие социальных групп осуществляется в соответствующих институциональных формах, которые придают им устойчивость и определенность. Развитие социальных институтов отстает, что связано со сложностью процессов социального созревания групп. Большая часть новых социально-классовых образований являются маргинальными, ибо не сразу усваивают социальные ценности, нормы, социальные роли, которые вытекают из нового статуса. Так, большая часть предпринимателей выполняет функции, связанные не с развитием производства, а с развитием торговли, посредническими операциями.

Появляется маргинальность у старых групп, так как изменение в разной степени затрагивает различные стороны их жизни. Интеллигенция, например, по материальному положению, социальной защищенности отброшена в низший класс, но она не перестала быть носителем культуры, ее социально-культурный потенциал выше нежели у других групп. Таким образом, изменение материального положения не обязательно приводит к изменению в социально-профессиональном плане. Новые позиции в системе управления не обязательно могут вести к изменению материального положения или реальной роли.

Все это необходимо учитывать при анализе изменений социально-классовых образований в условиях трансформации.

Могут ли протекающие процессы рассматриваться как процессы модернизации?

Да, поскольку был поставлен вопрос о реформировании общества, направленном на то, чтобы догнать современные развитые страны. Вместе с тем, это не сознательное перенесение готовых образцов, моделей и достижений развитых стран, контролируемое политической и экономической элитой. Специфика предшествующего исторического развития делает такое перенесение невозможным.

Процесс трансформации — это сложное переплетение стихийных и сознательных процессов. Это действия не только элитных групп и носителей инновационной деятельности, но и стихийные процессы массового поведения, социальные последствия реформ и т.д. Переход к новым видам отношений зависит не только от уровня

социальной зрелости, активности элиты, но и от уровня социального сознания, культуры масс людей, от их отношения к проводимым реформам, к собственному положению, формам деятельности и т.д.

В анализе сложных изменений плодотворным является обращение к понятию социального механизма трансформации. Т.И.Заславская рассматривает социальный механизм экономической сферы как сложное взаимодействие социальных групп как субъектов экономической деятельности с системой экономических институтов общества и факторов, воздействующих на экономические процессы. [2] В социальной области соответственно это социально-классовые образования и система социальных институтов, выражающих и защищающих интересы социальных групп и факторы, воздействующие на эти процессы.

Важнейшим элементом социального механизма трансформации является социальная зрелость групп. Становление социальной группы — это длительный и сложный процесс ее социального созревания. Он предполагает осознание своего положения, общности интересов, ценностей, т.е. формирование особого социального сознания. Группа становится социально зрелой, когда она осознает свои собственные интересы, ценности, формулирует нормы, цели и задачи деятельности. Р. Дарендорф в связи с этим выделяет скрытые и открытые групповые интересы. К.Маркс говорит о превращении "класса в себе" в "класс для себя". Именно осознание интересов превращает группу людей в самостоятельный субъект социального действия.

В группе постепенно социальные эмоции, ожидания, чувство солидарности преобразуются в определенные мировоззренческие ценностные позиции. Осознание интересов приводит к формированию требований, выработке общегрупповых целей, программ их достижения.

При социологическом измерении этого процесса большое значение имеет анализ самоидентификации и восприятия группы как качественно определенной целостности другими.

Изучение изменений социально-классовых образований в 1996 году в городе Харькове¹ показало, что более всего представители различных социальных групп идентифицируют себя с семьей, родственниками (67,8%), с друзьями, приятелями (63%). Вдвое меньше ощущают взаимосвязь с людьми одинакового положения. В какой-то мере, это показатель недостаточной социальной зрелости.

Сравнение отношения к своему статусу в предшествующий

¹ Было опрошено 978 человек, применена районированная, трехступенчатая выборка с учетом распределения населения по полу, возрасту, образованию, роду занятий.

период, в настоящее время и фактического положения свидетельствуют, что большинство склонны отнести себя к более низкой группе. Так 42,9% респондентов из группы специалистов-гуманитариев отнесли себя к низшему классу, в то время как в предшествующий период таких было только 1,8%. Разрушение чувства единства характерно и для квалифицированных рабочих. Анализ ответов относительно желаемого социального положения говорит о том, что социальные притязания тем выше, чем выше место в реальной социальной иерархии.

Развитие социальной зрелости зависит от институционализации духовных процессов, от создания организаций, движений защиты и поддержки интересов группы, например, профсоюзы или ассоциации предпринимателей.

Интересно проследить, через какие институциональные формы пытаются выразить и защитить свои интересы современные социальные группы. Остро нуждаются, например, в собственных организациях мелкие предприниматели, группы интеллигенции и т.д.

Об уровне социальной зрелости свидетельствует отношение к реформам. Важно при этом разграничивать принятие идеи изменений и отношение к конкретным формам ее реализации, способность действовать в новых условиях и реальное обращение к инновационной деятельности.

Социологические исследования 90-х годов позволяют увидеть определенную динамику в развитии социального сознания. Практически все слои поддерживают рыночные реформы. Индекс поддержки по всему массиву опрошенных в 1996 году в г. Харькове составил + 0,291. Первое место среди рыночников занимают предприниматели, коммерсанты и т.п. Второе место — студенты вузов, далее военнослужащие, руководители, специалисты, квалифицированные рабочие. В группе "антирыночников" — лица, занятые трудом низкой квалификации, пенсионеры. На развитие рыночных ориентаций существенное влияние оказывает образование и уверенность в своих профессиональных способностях. В старших возрастных группах признание необходимости перехода к рынку сочетается с требованием усиления государственного контроля над ценами. Отношение к приватизации и предпринимательству тоже зависит от возраста. В частности, положительное отношение к приватизации крупных предприятий наблюдается только в группе до 26 лет, к крупному предпринимательству — до 50 лет. В социальном сознании идет борьба различных представлений о социальной справедливости, о формах обеспечения прав и свобод.

Социальная зрелость сознания и деятельности различных социальных групп зависит от развития институциональных форм выражения и защиты социальных интересов. Поэтому становление

социально-классовой структуры как целостности органически связано с развитием гражданского общества.

Для постсоветских обществ, преодолевающих тоталитаризм — это отказ от всеобъемлющего государственного регулирования. Исследователи гражданского общества подчеркивают, что гражданское общество противостоит в этом плане государству. [1] Гражданское общество определяется как сфера внегосударственных отношений как особая сфера социального общения. [3] В Философском словаре гражданское общество рассматривается как "совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т.д. Это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства государства и произвольной регламентации деятельности этих граждан и организаций со стороны государственной власти". [4] З.Т. Голенкова убедительно показывает, что гражданское общество — это совокупность особых социальных связей, субъектами которых выступает гражданин и гражданские (неполитические, негосударственные) организации. [1]

Гражданское общество символизируют общественные и самодеятельные организации, добровольные общества, клубы, ассоциации, движения. Процесс их развития связан с самоорганизацией групп, т.е. идет снизу, носит естественный характер. Но это не исключает необходимость модернизации, т.е. целенаправленного воздействия на социальные процессы, в направлении развития автономии различных сфер, институтов, ассоциаций, поддержки саморегуляции. Более того в современных условиях в связи с разрушением ранее существующих организационных и нормативных структур, трудностями социального созревания целенаправленное воздействие на развитие гражданского общества приобретает все большее значение. Становление гражданского общества неразрывно связано с развитием демократии и предполагает поиск гражданского согласия на основе координации множества интересов различных групп в условиях правового общества.

Литература:

1. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // СОЦИС, 1997, № 3.
2. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации Российского общества // Социологический журнал, 1995, № 3.
3. Трансформация социальной структуры и стратификация Российского общества. - М., 1990.
4. Философский словарь. - М., 1990

ПОНЯТИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА И РОЛЬ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В отечественной публицистике и научной литературе последних лет понятие "средний класс" часто представляют в качестве общепризнанной, канонической категории зарубежной социологии. Однако на самом деле социологи Запада длительное время дискутируют относительно границ, степени однородности и даже самого факта существования среднего класса, который обычно определяется как охватывающий тех, кто занят преимущественно умственным трудом разных уровней сложности (those in non-manual occupations) [1].

Социологи США рассматривают средний класс как рассеянный слой между высшим и рабочим классами в системе стратификации. Членство в среднем классе, по их мнению, обуславливается определенными доходом, престижем, профессиональным уровнем умственного труда, стилем жизни, властью или известной комбинацией этих факторов. Некоторые социологи предпочитают термин "средние классы", употребляя множественное число как показатель разнообразия экономических интересов и жизненных стилей внутри этого слоя. Например, могут выделяться высший, низший, старый (предпринимательский) и новый (бюрократический) средние классы. Другие американские социологи предпочитают термин "средняя масса" (middle mass), который подчеркивает нарастающую гомогенизацию жизненных стилей и исчезновение различий между средним классом и рабочим классом [2].

В британской социологии дискуссия подпитывается двумя моментами. Во-первых, ведется непрерывный спор относительно марксистского представления о том, что в обществе существуют два главных класса и поэтому остается слишком мало социального пространства для существования настоящего, подлинно среднего класса. Во-вторых, рост сфер занятости, обычно связываемых со средним классом, также вызывает споры. Например, с 1911 по 1981

Чернецкий Ю.А. — доктор социологических наук, зав. кафедрой экономики и финансов Харьковского филиала Украинской Академии государственного управления при Президенте Украины
Заричковская М.В. — магистр государственного управления, соискатель кафедры социологии Харьковского государственного университета

Чернецкая Т.Н. — преподаватель кафедры социологии и права Харьковского государственного политехнического университета.

год доля группы работников физического труда в занятом населении Великобритании упала с 80 до 48 процентов, в то время как доля высшего слоя работников сложного умственного труда (higher professionals) возросла с 1 до 3 процентов, низшего слоя работников сложного умственного труда (lower professionals) — с 3 до 9 процентов, конторских служащих (clerks) — с 5 до 15 процентов. Имеется две основных линии в споре. Сторонники первой подчеркивают, что средний класс достаточно велик и имеет оплату и условия труда, более благоприятные по сравнению с рабочим классом, но менее благоприятные по сравнению с высшим классом. Это относительное рыночное преимущество среднего класса часто объясняется наличием образовательной и профессиональной квалификации. Другая и более популярная точка зрения сводится к тому, что средний класс состоит из большого числа отдельных сегментов, причем один из этих сегментов в реальности представляет собой часть рабочего класса, другой (меньший) — часть высшего класса, оставляя относительно небольшую группу действительно посередине. Вторая точка зрения поэтому ставит под сомнение значимость различия между физическим и умственным трудом [3].

В недавнем исследовании коллектива британских социологов [4] подчеркиваются весьма важные моменты. Авторы доказывают, что необходимо отделять конторских служащих от работников, которые оказывают персональные услуги, например продавцов; только положение последних в трудовой сфере приближается к положению рабочего класса. Правда, остается не столь ясным, находят ли эти изменения в рыночной и трудовой ситуации для некоторых "беловоротничковых" профессий выражение в изменяющихся убеждениях, политических действиях, отношении к членству в профсоюзах и воинственности "белых воротничков".

Однако несомненным остается тот факт, что, в противоположность работникам рутинного умственного труда, верхние слои среднего класса, особенно высшая группа работников сложного умственного труда и высшие менеджеры, имеют в западных обществах высокую заработную плату и весьма определенные перспективы служебного роста, менее продолжительную рабочую неделю, лучшие пенсионное обеспечение и пособия по болезни. Их трудовое положение также предпочтительнее, дает им гораздо большую независимость, степень контроля над другими и возможность использовать свою квалификацию. Положение этой группы занятых во многих отношениях подобно положению традиционного высшего класса работодателей, и некоторые социологи утверждают, что только менеджеры среднего звена, мелкие бизнесмены и низшая группа работников сложного умственного труда действительно составляют средний класс [5]. Как бы то ни было, именно средний класс является ключевым компонентом социальной базы существующего строя.

Ведущие отечественные специалисты доказывают, что в советском обществе также имелся достаточно многочисленный средний класс. Привилегированный его слой составляли представители среднего звена бюрократии, в частности руководители средних по размерам и значению предприятий, организаций, структурных подразделений аппарата. К среднему классу принадлежали также офицерский состав армии, идеологические работники разных рангов и видов, лица "свободных профессий", верхушка культурно-просветительской, педагогической интеллигенции, особый привилегированный слой персонала, обслуживавшего номенклатуру [6].

Сегодня в Украине средний класс фактически ликвидирован, по крайней мере социальное пространство его существования сузилось до предела. Так, по данным обследования 2322 домашних хозяйств, проведенного по репрезентативной для Украины выборке Киевским международным институтом социологии, 5,2 % респондентов заявили, что денег у них "достаточно на еду, одежду, обувь, но не хватает на покупку дорогих вещей", еще 0,7 % ответили: "Мы можем покупать дорогие вещи, но не все, что захотим" [7]. Вот эти 6 процентов населения можно с большой долей условности отнести к среднему классу современной Украины.

Между тем именно средний класс способен и призван выступать главной социальной опорой, гарантом необратимости рыночного преобразования экономики, демократического переустройства общества. Поэтому усилия управленческих структур должны быть направлены на его возрождение, формирование на новой, здоровой основе социально ориентированного рыночного хозяйства. Только поставив во главу угла создание полноценного среднего класса, можно успешно решать задачи посткоммунистической трансформации украинского общества.

Литература:

1. См., напр.: Abercrombie N., Urry J. Capital, labour and the middle classes. - L., 1983; Hall R. H. Occupations and the social structure. - Englewood Cliffs (N. J.), 1975; Merton R. K. Social theory and social structure. - N. Y., 1968; Savage M., Barlow J., Dickens P., Fielding T. Property, bureaucracy and culture: Middle class formation in contemporary Britain. - L., 1992.
2. The encyclopedia of sociology: New and updated. - Guilford (Connecticut), 1981. - P. 180.
3. The Penguin dictionary of sociology / Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. - 3rd ed. - L. etc., 1994. - Pp. 264-265.
4. Marshall G., Rose D., Newby H., Vogler C. Social class in modern Britain. - L., 1988.
5. The Penguin dictionary of sociology. - P. 266.
6. Якуба О. О. Соціологія. - Харків, 1996. - С. 35.
7. День. - 1997. - 5 июня. - С. 1.

ЦЕННОСТНЫЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ И СОЛИДАРНОСТИ В РЕСТРУКТУРИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Современная Украина переживает процессы становления новой социальной субъектности. Социальная трансформация общества, глубокий социально-экономический кризис породили массовое попадание людей в ситуацию фрустрационных ожиданий, описанную Р.Мертоном [7, с.81-105], — ситуацию, при которой декларируемые общественные цели порождают определенные ожидания, однако общество не способно предложить средства для их достижения. Такая ситуация существенно изменяет онтологию жизненного мира, затрудняет процессы психологического единения личности и окружающего мира (К.Левин), разрушает сложную систему их взаимоотношений. В. Франкл удачно заметил, что “человек не свободен от условий. Однако он свободен выбирать позицию по отношению к ним” [8, с.77-78]. Данный выбор позиции по отношению к быстро меняющимся условиям социального окружения и представляет собой процесс социально-ценностной идентификации, отождествления людьми своих ценностных систем с системами общественных идеалов. Процесс социально-ценностных идентификаций в эпоху современности приобретает новую качественную определенность: он бросает вызов идее завершенности, поскольку достигнутый обществом уровень саморефлексии создает бесконечное множество позиций, с высоты которых личность описывает общество не обязательным для других образом [6, с.42]. Процесс социально-ценностных идентификаций способен замещать социально-групповые, классовые идентификации в ситуации деструктурированного социального пространства, разрушенных привычных групповых солидарностей и тем самым выполнять, помимо функций социальной ориентации и самореализации, защитную функцию сохранения “Я-концепции”, ее встроенности в жизненный мир.

Выбор позиции по отношению к окружающему миру в условиях фрагментированного социокультурного, идеологического пространства, распространения социальной аномии оказывается особенно драматичным. Различные подструктуры, социально-психологические модели целостной “Я-концепции” (“актуальное Я”, “потенциальное Я”, “динамичное Я”, “идеальное Я”) попадают под неодинаковое влияние фрустрационных факторов [4], что повышает внутриличностную конфликтность, отражающуюся в целом и на

уровне социальной напряженности. Преодоление конфликтности затрудняется высокой инерционностью “идеального Я” (тип личности, каким по представлениям человека он должен был бы стать, исходя из представлений о социально одобряемых нормах и ценностях) и в определяющей мере зависит от развитости “потенциального Я” (личности, способные актуализироваться в случае изменений жизненного мира). Изменения представлений “идеального Я” и актуализация потенциальной личности находят непосредственное преломление в социально-ценностных идентификациях. Данные же идентификации играют роль важнейших системообразующих оснований процессов структурирования социального пространства, в чем-то предшествуют, в чем-то дополняют, в чем-то замещают проявления социально-классовых солидарностей в трансформирующемся обществе.

Анализ процессов социально-ценностных идентификаций позволяет глубже понять характер изменений социального пространства. Интересные работы в данном направлении осуществлены рядом исследователей и исследовательских коллективов [3]. Однако они, обратив внимание на существенные черты и рисковый характер указанных процессов, лишь усилили актуальность осмысления масштабности, глубины и направленности идентификационных изменений. В ходе социологического изучения динамики социально-классового пространства крупного города Украины (1 этап исследования был осуществлен в 1996 году в г. Харькове под руководством Е.А.Якубы) нами была предпринята попытка рассмотреть — какой же вырисовывается картина социально-ценностных идентификаций в условиях переструктурирования социального пространства под воздействием трансформационных процессов. Предлагаемые ответы на данный вопрос были получены с использованием метода итераций на массиве опрошенных 1170 человек по общегородской выборке, репрезентирующей население по признакам пола, возраста, образования, рода деятельности, уровня дохода (ошибка выборки составила 5%). Ниже приведены проявившиеся системы групповых ценностей, ранжированные в порядке убывания по их солидаризирующей силе (последняя рассчитана по факторным нагрузкам, определившимся после процедуры математического вращения факторов-признаков, значение факторной нагрузки колеблется от 0 до +1).

1. Система ценностей “патриотизма / интернационализма” — солидаризирует группы на основе ценности гражданства в противоположности украинского / российского, СНГ, СССР. Данная разделяемая ценность оказалась наиболее сильным объединяющим фактором (факторная нагрузка 0,709)

2. Система ценностей профессионализма, в основе солидаризирующего влияния которой лежат ценности общей

профессиональной деятельности, значительно представлены ценности индивидуализма (факторная нагрузка 0,655)

3. Национально-этнические ценности (факторная нагрузка 0,644).
4. Система "корпоративно-коллективистских" ценностей, солидаризирующее влияние которой базируется на ценностях принадлежности к отдельному трудовому коллективу (0,634).
5. Ценности социального статуса (факторная нагрузка 0,539).
6. Система идеологических ценностей (факторная нагрузка 0,512).
7. Ценности "соседства" — активизируют ситуативные установки и не предполагают определенную стратегию поведения. (Факторная нагрузка составила 0,496).
8. "Поколенческие" ценности — объединяют на основе специфических ценностей поколений, сформировавшихся в период взросления, юности-молодости. Наиболее заметно проявляются среди представителей пожилого и молодого возрастов. (Факторная нагрузка 0,493).
9. "Партийные" ценности — солидаризирующее влияние на основе ценности конкретных партий, общественных объединений (0,406).
10. Гедонистические ценности — объединяют на основе ценности получения удовольствия прежде всего через эмоциональные переживания в кругу близких людей, друзей (факторная нагрузка 0,251).

Обращает внимание высокое солидаризирующее влияние ценностей профессионализма Уход в профессиональную деятельность и профессиональное окружение способно стимулировать творческие и конкурентные потенции личности, ее самореализацию в условиях резко изменившихся социальных возможностей. Представляется тревожным доминирование солидаризирующего влияния ценностей патриотизма/интернационализма, играющих роль сильного конфликтогенного фактора в современной Украине. Относительно низкая объединяющая сила "партийных" ценностей объясняется, по-видимому, слабой развитостью гражданского общества и его институтов, низким авторитетом политических партий и общественных организаций, несформированностью института политических партий, сильной внутрипартийной динамикой (что характерно для большинства ныне существующих партий в Украине).

Метод вращения факторов (при количестве итераций 11) позволил выделить наиболее значимые реальные ценностные группы (см. табл.1), среди которых:

- 1) группы "гражданства". Наиболее интегрированы группы на основе ценности российского или СНГ—гражданства (факторная нагрузка 0,848). Следующие по весу — группы на основе ценности идентификации с гражданами европейских государств (0,842). И лишь на третьем месте по значимости — ценность украинского гражданства (0,744). Однако если еще в 1993-1994 годах около

половины харьковчан не осознавали своего гражданства, ощущали себя в качестве "людей на перепутье", и только 16% относили себя к гражданам Украины [1, с.4], то сегодня, как видно из приведенных данных, ситуация существенно изменилась. Данные факты свидетельствуют о неуклонном процессе осознания населением Украины собственного гражданства. Вместе с тем среди харьковчан все еще очень сильными остаются предпочтения российского гражданства и России как "наследницы" СССР.

Таблица 1.

**Доминантные признаки ценностных групп,
определившихся после вращения матрицы факторных
нагрузок при количестве итераций 11**

Признаки идентификации.	Факторные группы			
	Граждан- ства 1	Корпорат.- профессион. 2	Ста- тусные 3	Партийно- идеологич. 4
1.С гражданами России, СНГ	0,848	—	—	—
2.С гражданами европейских государств	0,842	—	—	0,106
3.С гражданами Украины	0,744	—	—	—
4.С людьми своей национальности	0,295	—	0,550	—
5.С коллегами по работе	—	0,755	—	0,031
6.С людьми своей профессии	—	0,709	—	—
7.Со своей компа- нией, друзьями, приятелями	—	0,659	—	—
8.С людьми своего поколения	—	0,367	—	—
9.С людьми одинакового соц. положения	—	—	0,667	—
10.С людьми таких же идеологических взглядов	—	—	0,586	0,115
11.С членами партии, организации	—	—	0,552	0,287
12.Со своей семьей, родственниками	—	—	—	—
13.С людьми, живущими по соседству	—	—	—	—

К группам "гражданства" относятся и группы, в основе объединения которых лежат этнические ценности. Однако степень их солидарности в пространстве г. Харькова невысокая (факторная нагрузка 0,295), что говорит не столько о реальном влиянии данных групп как субъектов социальных действий, сколько об их потенциальном значении. Эти ценностные группы могут проявляться скорее как "группы в себе", чем "группы для себя";

2) "корпоративно-профессиональные" группы. Интегрированы, прежде всего, на основе корпоративно-коллективистских ценностей, ценностей общения с коллегами по работе (0,755), с людьми своей профессии (0,709), со своей компанией, друзьями (0,659), а также на основе ценностей поколений (0,367). Примечательно то, что характеристики данных групп по существу совпадают с объективно-субъективными характеристиками соответствующих социально-классовых, профессиональных групп, что еще раз подтверждает реальность данных образований;

3) "статусные" группы. Объединяются на основе ценности статуса либо сходных эмоциональных переживаний, характерных для определенных социальных слоев, иерархически расположенных в социальном пространстве города. Однако социальный статус является подлинной ценностью лишь для "высших" слоев общества. "Низшие" слои и частично "средние" объединяются прежде всего на основе негативных чувств, связанных с соответствующими статусами. Такое распределение — результат сильной дистанции в социальных возможностях между высшими слоями современного украинского общества и средними и низшими. Последние же в своем социальном положении подобны.

Для статусных групп значимы идеологические ценности (факторная нагрузка 0,586), ценности партийного предпочтения (0,552), национально-этнические ценности (0,550). Однако величина факторных нагрузок свидетельствует о том, что указанные выше ценности интегрируют немногим более половины опрошенных представителей "статусных" ценностных групп. Статусные группы сегодня существуют в значительной мере как "группы в себе", не видя в обществе однозначно приемлемой идеологии и политической силы, способных отражать их специфические интересы;

4) партийно-идеологические группы. Объединяются на основе ценностной партийной принадлежности (0,287), разделяемой идеологии (0,11). Их интегрированность невелика. Возможно, это, помимо ранее приведенных факторов, и естественное следствие резких трансформационных процессов в обществе, отклонения маятника массовых установок на идеологизацию в сторону деидеологизации, акцентирования экономических интересов и активности как факторов выживания в переходный период.

Вторичный анализ эмпирической информации приводит к выводу о том, что солидарность "идеологических" групп достигается прежде всего через предпочтения возможных путей развития общества в

дихотомии капиталистический/коммунистический путь. Доминирует группа ориентированных на капиталистический путь развития общества и рыночные отношения ("рыночников" более трети опрошенных — 37%). Близка к ней по численности группа тех, кто видит преимущества в смешанном пути, развитии частной собственности под контролем государства и поддержке государственного сектора экономики (33%). Существенно отстает по численности группа ориентированных на коммунистический путь развития, ликвидацию всех элементов рынка ("коммунисты") — около 13%. Наиболее целостны идеологические позиции и ценностные предпочтения в группах "коммунистов" и "рыночников". В ценностном же сознании группы ориентированных на смешанный путь преобладают скорее изменчивые настроения, чем устойчивых позиций. Ценности частного предпринимательства, рыночных отношений, индивидуальной ответственности, дифференциации доходов в зависимости от трудового вклада становятся на сегодняшний день сильным объединяющим фактором. Величина их факторных нагрузок, полученная после вращения факторов при количестве итераций 8, составила от 0,704 до 0,593. Это — инновации, происшедшие в социальном пространстве в последние 2-3 года. И если еще в начале 1994 года мы фиксировали размытость "рыночных" групп [5, с.78-79], то в настоящее время можно говорить не только об их существенном распространении, но и об их определенности. Носителями рыночных ценностей являются прежде всего высшие и средние слои общества (см. табл.2). Продолжают играть сильную объединяющую роль антирыночные и эгалитарные ценности (их факторные нагрузки соответственно 0,752 и 0,725), однако масштабы их распространения в пространстве города за последние годы несколько снизились. К данным ценностям примыкает ценность отрицания политических компромиссов (0,352).

Таблица 2

Распределений предпочтений социальных слоев путей экономического развития Украины (в % к массиву опрошенных)

Социальные слои	Предпочтения экономического пути			
	рыночный	смешанный	антирыноч.	не опред.
	1.	2.	3.	4.
1. "высшие"	46,7	37,8	11,1	4,4
2. "средние"	46,8	30,2	8,6	14,4
3. "низшие"	17,3	21,4	21,4	39,9
Суммарная доля в массиве	37,0	33,1	12,9	17,0

В определенной мере в социальном пространстве города получили распространение солидарности, отражающие ценности гуманизма, европейской культуры и гражданства. Однако, интегрированность их незначительна (0,106).

Итак, современное социальное пространство активно структурируется по *ценностным* основаниям. Фактор ценностных ориентаций оказался одним из наиболее нагруженных среди факторов идентификации. Формирующиеся групповые солидарности в значительной мере сохраняют традиционные черты советского общества (ценности коллективизма, в том числе и коллективной ответственности, равенства в социальном положении, преференции нравственных регуляторов, государственной собственности и контроля). Вместе с тем активно восприимчивы к социокультурным новациям. Такой характер солидарностей сегодня, возможно, замедляет процесс социальных изменений, но при этом, опять-таки возможно, обеспечивает более устойчивый, основательный переход общества, сохраняющий специфичность его культуры. Ценностные группы продуцируют как высокую инерционность, так и значительную социальную активность. Мы наблюдаем появление множественных очень подвижных локальных групп, объединяющихся по разделяемым ценностям. Такое социальное пространство проявляет диффузную солидарность и поиск композиции разделенных, иногда пересекающихся, иногда конфликтных социально-пространственных образований. При этом необходимо учитывать, что ценности (тем более декларируемые) не носят нормативного характера и не определяют достаточно жестко поведение людей. Приведенные данные говорят скорее о том, какой идеальный на сегодняшний день образ ценностной идентификации люди хотели бы разделять, чем о том, какими ценностями они будут руководствоваться при выборе поведения. Это — характеристики "воображаемых сообществ", самоназначенные члены которых готовы признать сверхиндивидуальный авторитет или же авторитет созданного ими же коллективного дискурса [2, с.190-191]. В этом же состоит и существенное отличие ценностных групп от реальных социальных групп, способных соединять ценностное сознание с ценностно ориентированным поведением, тем самым целенаправленно конструируя свое жизненное пространство.

Литература:

1. Арбенина В.Л., Сокурская Л.Г. Политика Украины в представлениях харьковчан, их политические ориентации // Харьковские социологические чтения-94. - Харьков: САУ, 1994.
2. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. - London: Routledge, 1992/
3. Дученко О.Н., Мотыль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности / Социологические исследования, 1995, №4; Злобина О.Г., Тихонович В.О. Особистість

- сьогодні: адаптація до суспільної нестабільності. - Київ: ІС НАН, 1996; Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996; Климова М.Г. Изменение ценностных оснований идентификации (80-90-е годы) // Социологические исследования, 1995, № 1; Макеев С.О. Соціальна ідентифікація. - Київ: ІС НАН, 1996; Социальная идентификация личности / Под редакцией В.Ядова, вып.1,2. - М.: РАН, Институт социологии, 1993.1994; Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал, 1994, № 1.
4. Hogg M., Abrams D. Social identifications. - London: Routledge, 1988.
5. Куценко О. Имидж кандидата в депутаты // Современное общество, 1994, №4.
6. Луман Н. Наблюдения современности // Социологический журнал, 1994, №1
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура (фрагменты). - Киев: Абрис, 1996.
8. Франкл В. В поисках смысла. - М., 1990.

Победа Н.А.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Происходящие в Украине глубокие трансформационные изменения связаны с перераспределением собственности, формированием частного и государственного капитала, появлением новых субъектов управления и общим изменением социального пространства. В связи с возрастающей в условиях рынка свободой действий, инициативой коммерческих структур и необходимостью личностной самореализации государство все в меньшей степени "планирует" социальную жизнь. Социальные институты еще рассматриваются некоторыми исследователями как самодостаточный механизм, действующий от имени государства независимо от интересов различных слоев населения, а властвующие элиты — в качестве систем, моделирующих экономическую и духовную сферу наподобие типичной административной системы. Но это скорее издержки технократического мышления жесткого структурно-функционального подхода, чем упрощенческое понимание эволюции перехода от государственного социализма к гражданскому обществу.

2. В результате совокупной активности новых субъектов управления предполагается воспроизвести порядок и взаимодействие социальных институтов, но уже на новой социальной и экономической основе. В политическом плане они должны соответствовать нормам гражданского общества по примеру наиболее развитых стран Западной Европы и США. Однако экономические, политические и

правовые реформы способны принести эффект в поступательном движении украинского общества, только при условии их относительно синхронного развития, и только в значении их социального контекста, ибо слишком долго страна живет в состоянии неудовлетворенных потребностей основных групп населения.

3. При всей противоречивости технологической и отраслевой модернизации наиболее запаздывающей оказывается социальная модернизация. Она выражается в тяготении институтов власти к авторитаризму и использовании репрессивных социальных технологий, обусловленных неосвоенностью демократической культуры, в сложности построения собственной государственности: попытках форсировать процессы формирования гражданского общества; в жесткой борьбе за передел собственности и формировании корпоративных интересов, требующих поддержки в правительстве.

Классические методы описания и измерения социальных феноменов эффективны для стабильного общества и недостаточны для транзитивного. Научный и практический интерес сосредотачивается вокруг адаптационных механизмов, так как они в значительной степени обеспечивают выбор собственного пути и способы интеграции в мировое сообщество. Стратегической исследовательской задачей становится изучение адаптационных ресурсов основных общественных групп. Ресурс новых собственников формируется не только из накопленного капитала, но и переданных социальных связей, ценностей, которые оказываются востребованными в новой экономической и политической ситуации. Они позволяют им стать социально мобильными, быстрее освоить новые роли, занять ключевые позиции в институтах производства и власти, лучше ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве, быстрее "присваивать" среду.

4. Этнический фактор, как вид социального ресурса, оказывается одним из значимых в общем процессе трансформаций, хотя проявляется не столь очевидно и носит скорее латентный, чем выраженный (демонстрационный) характер.

Постановка проблемы. На фоне общих структурных изменений в Украине перемены в среде этно-социальных отношений носят умеренно позитивный характер. Самостоятельная структурная управленческая единица — министерство по делам национальностей преобразована в Управление по делам национальностей с делегированием специальных государственных полномочий местным органам власти. Наряду с ними широкое развитие получили социальные организации с задачей выявления общественных инициатив. Возрождение национальной украинской культуры, развитие этнокультурных обществ возложенное на них призвано консолидировать различные слои населения на основе общенациональных идей. Одна из основных задач, вытекающих из

указанной структурной перестройки — найти механизм взаимодействия государственных институтов и общественных организаций, способы финансирования для более полного удовлетворения потребностей различных этнических групп.

Изменившееся геополитическое положение Украины, стремление интегрироваться в европейское и мировое сообщество активизируют взаимоотношения с другими государствами, прежде всего с теми, которые оказываются в зоне приграничных территорий. Русские, этнические поляки, немцы, болгары, мадьяры, гагаузы, румыны, компактно проживающие на территории Украины, оказываются проводниками межгосударственного взаимодействия. Они не только связаны с исторической Родиной духовно, но хотят сохранить и укрепить этническое своеобразие в условиях новой государственности Украины. В свою очередь, Россия, Германия, Польша, Болгария, Турция, Венгрия поддерживают соответствующие этнокультурные общества в Украине, некоторые — финансируют их программы, вовлекая в зону своих экономических и политических интересов. Социальное самочувствие этнических меньшинств ныне, более чем ранее, зависит от стабильности и качества жизни в государствах, являющихся их исторической Родиной. Идентификация с государством Украина сильно корректируется благополучием родственников за рубежом или друзей, эмигрировавших в советский или постсоветский период. Следовательно, социальный ресурс и адаптационные возможности указанных групп должны быть обозначены в новых потребностях и ориентациях.

Позиционные различия этнических групп в период государственного социализма имели в основе номенклатурно-статусный принцип, ныне они приобретают статусно-ролевую значимость. При этом государственная служба по-прежнему оказывается приоритетной и более привлекательной для представителей титульной нации. Практически отсутствует знание о том, как идет экономическая и политическая дифференциация в разрезе этнических групп.

В рамках СССР государственность титульных наций выражалась скорее в пространственно-территориальных и политических символах, чем в социально-культурных. Принципиально важным оказывается знание о иерархии социальных идентичностей для различных этнических групп в современный период и о научных критериях самой идентификации.

Обобщая можно сказать, что фокус внимания и выбор проблемы связаны:

- с необходимостью описать структуру нового типа в разрезе этно-национального фактора в понятиях, соответствующих настоящему времени (для этого предлагаются к обсуждению критерии этнической

самоидентификации).

- рассмотреть тенденции, характеризующие этнополитическую и социально-культурную консолидацию различных групп, характер и степень различий между ними;
- представить типологические группы, выражающие способы адаптации этносов к новым условиям и диапазон их самореализации.

5. Социальное пространство региона — как поле этно-национальных взаимодействий. Известно, что пространство, называемое территорией, и пространство социальное не тождественны друг другу. Они сопрягаются, поскольку общность, проживающая на определенной территории имеет свою специфическую систему взаимосвязей в отличие от экономических, производственных, административных. Социальность выражается в определенных смыслах, меняющихся исторически и ситуационно. Чем раньше индивид “вступает в игру” на поле этого пространства, тем более очевидным кажется оно ему. П. Бурдьё говорит о таком пространстве как о поле социальных позиций (1). У Дж. Тернера пространство — поле интеракции: “своим размещением в пространстве люди сигнализируют друг другу о своих намерениях и ожиданиях” (2). Однако Тернер сосредотачивается на локальном понимании пространства и поэтому у него индивиды “договариваются об использовании пространства: кто какую территорию занимает, кто, куда и как часто может передвигаться” (3). В этом смысле территориальное пространство, с точки зрения проявления социального, стоит в одном ряду со стереотипизацией, т. е. не только устойчивостью, но и статичностью сообществ.

На микроуровне действительно первично представление о социальном пространстве как о поле определенных мест, в рамках которых происходит коммуникация. Здесь целостность и единение более “зримы”. На макроуровне ощущение сопричастности теряет значение и автоматизм размещения противопоставляется знанию о территории и более того — знанию о социальном пространстве. Для индивида социальная и коммуникативная компетентность означает необходимость знания о конъюнктуре рынка труда, потребительских ориентациях, этническом составе населения, уровне образованности и интеллектуальной значимости среды. Для исследователя — это знание о социальной структуре, системе ценностей, поведенческих стереотипах как о некой целостности. Они представляют собой средства коммуникации, позволяют понять социальные ресурсы и смыслы перемещений. Таким образом, социальное пространство — это фиксируемая переменная, баланс ресурсов и их ограничений.

Влияние территорий концентрируется в единицах,

обозначаемых регионом. Можно сказать, что регион — это пространство, трансформирующееся на пересечении наиболее важных национально-государственных и межгосударственных систем, что свидетельствует о его функционировании на социальном и социальном уровнях. Факторами, определяющими формирование регионов в качестве социальной целостности, являются наряду с традиционными экономическими показателями, направления развития бизнеса и размещение зарубежных инвестиций, функционирование научных комплексов на базе новых технологий и современных рыночных моделей, информационные и телекоммуникационные системы и гибкие людские ресурсы. Они обеспечивают взаимодействие на основе современного знания о территориях и сопротивляемость бюрократическим структурам. Децентрализация — основная характеристика развития регионов. Сама способность региона гибко работать в системах государственного и межгосударственного уровня, привлекать людские ресурсы независимо от их этнической принадлежности может быть принята как исходная его значимости и обоснования в качестве современной цивилизационной единицы.

Социальная целостность региона зависит от того, будет ли он функционировать только как пространство размещения или будет одновременно создавать поле разного рода перемещений, которые продуцируют лучшие условия жизни. Согласно расчетам фирмы "Empirica", проведенным в связи с формированием концепции Европейского Союза, в течении 10 — 15 лет в страны Центральной и Западной Европы прибудет 4-5 миллионов человек. Их физическое размещение состоится, но лучшие условия жизни, из-за которых они мигрируют, наступят значительно позже, и они в очень сильной степени будут зависеть от доли прироста ВВП в конкретных странах и от межрегиональных государственных взаимодействий.

Социальная идентификация у мигрантов с новыми местами жительства растянется на еще больший период. Чтобы оценить меру этой идентификации с регионом необходимо знать уже в нынешней ситуации мотивы его привлекательности как для взаимодействующих субъектов, так и для тех, кто стремится освоить новую среду.

6. Социальное пространство и уровни регуляции этно-социальных отношений. Итак, анализируя социальное пространство региона или конкретного типа поселения (города, сельской местности) и рассматривая его как поле проявления потенциальных возможностей для всех этнических групп, являющихся субъектами действия, можем выделить три уровня управления:

- институциональный, на котором концепция этно-социальной политики формируется государственными органами;
- общественно-организационный, где концепция

определяется различными общественными организациями, исходя из актуализированных интересов титульной нации или национальных меньшинств;

- личностный или самоорганизационный, на котором пересекается взаимодействие первых двух уровней и формируются статусно-ролевые позиции.

Первичной точкой отсчета, предопределяющей современное знание об этно-социальных отношениях в пределах определенного региона являются социальные показатели компактности расселения различных этнических групп, численность и динамика их роста, идентификация по признаку родного языка (по результатам Всесоюзных переписей населения), наличие материальной базы культуры (школ, выпуск специальных изданий), организаций, консолидирующих сообщества по этническому признаку и т.д.

На этапе предварительной проработки материала в научном исследовании социального самочувствия этнических меньшинств необходимо также выявить основные противоречия в размещении и перемещении этносов, связанные с внутренней и внешней политикой государств. Так этнических немцев, принявших царский указ о заселении степных районов Приазовья и Причерноморья в конце 70-х годов XVII столетия, устремившихся в Украину и наживших за столетие значительный капитал, ждали имущественные и правовые репрессии в связи с Первой мировой войной, когда Германия была противником России. В связи со Второй мировой войной этнические немцы высылались в трудовые армии, также как и мадьяры, чехи, а их семьи были искусственно разделены. После Отечественной войны они не были допущены в вузы, структуры власти, вынуждены были менять фамилии и демонстрировать свою нелояльность к ФРГ. Специфичны противоречия для других этнических меньшинств до и после перестроечного периода. После горбачевской перестройки и в связи с приобретением государственности этно-национальная политика в Украине изменяется. Однако не все депортированные народы реабилитированы. Эмиграция носит то политический, то этнический характер, не отработаны механизмы реализации прав этнических меньшинств и т.д.

Социальными показателями институционального уровня регуляции могут быть: документы правительства о возвращении и мерах по обустройству депортированных народов, о создании этнокультурных обществ и фондов, поддерживающих этно-социальное развитие меньшинств, создание межправительственных комиссий и избрание региональных и Высших представительных органов национальных меньшинств; специальные законодательные документы, в том числе Конституция Украины, в которых определены принципы

этно-социальных отношений, а также обязанности граждан, проживающих на ее территории, независимо от этнической принадлежности. Социальные показатели институционального уровня концентрируют знание о ресурсном, организационном и правовом обеспечении развития этнонациональных групп в современном государстве Украина. Они являются фундаментом концепции этно-социальной политики.

Специальные этно-социальные образования интегрируют групповые интересы этнических меньшинств. Они разнообразны по формам и целям. Вместе с тем, они так же представляют основные сферы жизнедеятельности. Объективными социальными показателями служат данные об истории заселения тех или иных земель, предметах материальной и духовной культуры народов, их связях с исторической Родиной, традициях и практической работе по Возрождению языка, литературных памятников, конфессиональных отправлений, предпринимательских и коммерческих структурах, специальные информационные теле- и радиоцентры и др. Анализ форм деятельности этнических обществ, как и на институциональном уровне, предполагает наличие концептуальной основы.

Личностный или самоорганизационный уровень регуляции этно-социальных отношений связан с самоидентификацией по ряду параметров сопряженных с двумя указанными выше.

7. Критерии самоидентификации. В самом общем виде понятие идентификация означает формирование социального интереса в соответствии с теми социальными институтами и социальными организациями, которые участвуют в социализации индивида. Выработка позиции: признание базовых общественных ценностей своими, языковая компетентность и информированность, освоение социального пространства на основе знания о нем в конечном счете заканчиваются отнесением себя к той или иной группе, отождествлением с ней. Гибель идентификаций связана по крайней мере с двумя факторами: на личностном уровне — с сильными социально-позиционными и социально-психологическими изменениями; на социальном — резким изменением окружающей общественной среды. В обоих случаях мир для человека и человек для самого себя перестает быть значимым и понятным. Его поведение не отвечает более институциональным требованиям и нормам. Прошлое превращается в набор событий и фактов. Исчезает будущее, поскольку прошлое не работает на него, разрушается система ценностей, закрепляемая социальными институтами и являющаяся основой планирования будущего. Распад СССР — пример разрушения идентификаций на социальном уровне. Постсоветское пространство — поле для новых культурных моделей, призванных восстановить мир как целое, иное, чем ранее, но равным образом упорядоченное и целостное. Суверенное государство Украина — социальное

пространство для новых идентификаций.

Идентификация в этническом аспекте — это личностно-типологическая [4] и групповая (оценка адаптации различных этнических групп применительно к новой для Украины системе рыночных отношений). Она связана со статусно-ролевой значимостью личности и с возможностью самореализации в экономической, политической, и социокультурной сферах. Как для нации важно самоопределение на каждом новом рубеже, так значимо оно и для каждой этнической группы.

Национальная идентификация в современном понимании связывается с национальным самосознанием, гражданством и гражданственностью. Этнонациональная политика от моноэтнической направленности переходит к реализации идеи этнического плюрализма и культурной идентичности. Для оценки этнонациональной консолидации или степени дифференциации важно выявить отношение различных этнических групп к институтам власти, к законодательным актам и действиям, к глобальным, республиканским или локальным событиям, касающимся качества жизни этносов.

Для более глубокого представления о характере этнических отношений на межличностном уровне критерии самоидентификации сформированы по следующим основаниям:

I. Собственно этнический (социально-биологический): чистота рода (национальность отца, матери, супруга(и)); личностное отнесение к определенной этнической группе (номинальная самоидентификация); гордость этнической принадлежностью; позиция этноцентризма ("в мире нет людей, лучше, чем представители моего этноса"); позиция этнорадикализма (значимость степени влияния на государственные решения по этническому признаку); позиция толерантности

Сочетание эмоциональных и рациональных (позиционных) элементов позволяет сформулировать критерии коммуникационной эффективности, которые впоследствии станут основанием ряда типологий.

II. Этно-исторический: общность происхождения; память об исторической Родине; привязанность к исторической Родине; гордость за историческую Родину; привязанность к Украине; гордость за Украину.

III. Этно-политический.

Активность политической позиции: национально-радикальная ("Украина должна принадлежать только украинцам"); национально-патриотическая ("Украина должна принадлежать тем, кто в ней родился"); толерантно-демократическая ("Украина может принадлежать всем, кто приезжает, принимает ее гражданство и соблюдает Конституцию").

Самоощущение после распада СССР (выраженное в оценках по девятибалльной шкале): представителем этнической группы; гражданином Украины; "советским" человеком; гражданином мира.

Отношение к политическим партиям, движениям, политическим силам (разделяют программы, представления): национал радикалов, национал патриотов, демократов, социалистов, коммунистов, не имеют политических симпатий.

Эмиграция (разрыв идентификации по политическим или этническим мотивам)

IV. Этнокультурный (символы интеракции)

Традиционная культура; этнокультурное своеобразие: общность языка, национальные традиции, обычаи, литература, искусство, общность религии.

Языковые факторы: степень языковой компетентности (украинского, русского, иностранного языка, языка этнической группы), степень практического использования языков, мотивы поддержания знания языков.

Система ценностей: базовых, инструментальных.

Этническое взаимодействие: значимость признания этнических меньшинств представителями титульной нации, социальная дистанция между этническими группами (шкала Богардуса),

Духовные интересы и свободное время: диапазон деятельности, избирательность видов культурной деятельности, устойчивость видов культурной деятельности.

Конфессиональная принадлежность: соотношение этнической и конфессиональной принадлежности.

Значимость вхождения в этнокультурные общества: принадлежность, этнокультурная сплоченность, социально-культурные и социально-политические ориентации.

8. Некоторые тенденции самоорганизационных процессов в сфере этнонациональных отношений. Рассмотрим некоторые тенденции в сфере этнонациональных отношений на примере Южного региона Украины.

Специфика его субкультуры вытекает из исторических тенденций заселения края (определивших его многонациональный состав) структуры экономических и хозяйственных связей (ориентированных на открытость морских портов и преимущественное развитие отраслей инфраструктуры), геополитического положения (большой объем в территории пограничных районов, обязывавших к толерантности в этнических отношениях и служивших одновременно естественным основанием их бытия).[5]

Исследования кафедры социологии Института социальных

наук в южно-украинском регионе зафиксировали самую высокую среди социальных идентификаций — идентификацию с этнической группой¹. По оценкам 2/3 респондентов мотивы такой тесноты связей объясняются возросшим отчуждением населения от институтов государства, их неспособностью защитить интересы простого человека. В этой ситуации этническая община или группа единомышленников, объединенная по этническим признакам, выступает более надежной точкой опоры в преодолении экономических и бытовых трудностей.

Сопоставление этнических групп по этнобиологическим (корневым) признакам показывает, что старшее поколение (55 и ст.) почти во всех этносах является на 2/3 однокоренным (мать и отец одной национальности). Этнически чистые семьи в этой возрастной группе у украинцев встречались в 81 случае из 100, у русских — в 73, у болгар — в 79, у евреев — в 77, у молдаван — в 76, у поляков — в 75, у немцев — в 62. В новом поколении этнонациональные семьи сохраняются только у половины украинских семей (51%), в 40% — русских, в 19% — болгарских, 44% — еврейских, 35% — молдавских, 25% — польских, 15% — немецких и т. д.

Если принять во внимание этническую принадлежность супруга или супруги, то в сторону украинской этничности дрейфуют прежде всего русские (40%), молдаване — (28%), в сторону русской — немцы (29%), болгары (27%), поляки (25%), украинцы (16%). Евреи почти равными долями входят в украинскую и русскую культуру (14 и 14%), но более ориентированы на другие культуры.

Отмечена новая тенденция — восстановление этнонациональной ориентации в супружестве молодого поколения. Для более полного представления о характере этно-социальных и этнокультурных ориентаций в семейных и родственных связях представлен блок корреляций.

Специфично для сегодняшней социально-политической ситуации в Украине проявление гражданской и политической идентификации.

На фоне преобладания этнической идентификации (54,4%; И+0,47) достаточно сильной оказывается идентификация с гражданством Украины (38,7%; И+0,22). Советским человеком продолжает считать себя почти каждый пятый (22,1%), а общая степень идентификации с советской общностью со знаком минус (И-0,37). Территориально ощущает себя частью населения, живущей

¹ Исследование проводилось в июле-августе 1996 г. Выборка 545 человек, репрезентативная для Южно-украинского региона. Основными объектами исследования были города Одесса, Николаев, Херсон, Измаил, Белгород-Днестровский; Арцизский, Саратовский, Болградский сельские районы.

в европейской системе, примерно треть, однако идентифицируют себя с европейской цивилизационной системой значительно меньше (И-0,15). Национально патриотические чувства выражены достаточно отчетливо у большинства этнических групп, проживающих на территории Украины. По результатам опроса испытывают привязанность к Украине 63% украинцев южного региона, 50% — русских, 54% — болгар, 61% — молдаван, 48% — евреев, 38% — немцев, 57% — поляков. (индексы соответственно: +0,44; +0,21; +0,26; +0,35; +0,12; —0,01; +0,28). Идет поиск новых моделей идентификации. Все большее значение начинает играть регион, конкретное место жительства, локальная среда. Проблемы нового нациеустройства, поиска конструктивных общенациональных идей, стратегия этнонациональных отношений, взаимодействия государственных и этнокультурных организаций находятся в состоянии становления.

Собственно политические ориентации населения южно-украинского региона претерпели существенные изменения. По результатам сравнительных международных исследований "Барометр новых демократий", организованных Обществом Пола Лазарсфельда (Вена) и Центром социальной политики (Университет Страдклайд, Глазго), а также фонда "Демократические инициативы", проведенных в Украине и России в 1995 г. [6] большинство населения положительно оценивали коммунистический режим и менее 1/3 положительно относились к нынешнему. Исследователи высказывали предположение о том, что такие оценки очень сильно зависели от изменения границ государств и уровня объединительных тенденций. При всем этом большая часть (3/5) не хотела бы возврата к прошлому тоталитарному правлению и считала, что важные экономические решения должны приниматься по рекомендациям специалистов.

Данные исследований по этносоциальным отношениям в южном регионе Украины, проведенные в 1996., свидетельствуют о том, что нарастает число лиц, признающих действия политических партий неэффективными. Почти 2/3 населения отмечает, что они не разделяют никаких политических симпатий (64%). В тоже время впервые отмечена тенденция равновесия демократических (центристских) и левых сил. Позиции демократов разделяют 15,4% населения, коммунистов (9,3) и социалистов (4,9) — 14,2%. Национал патриоты и национал радикалы вызывают интерес у 3% населения. Примечательно, что электорат двух основных этнических групп по обозначенным позициям практически не отличается (среди украинцев: тяготеет к демократам — 13,1%, к социалистам и коммунистам — 14,5%; среди русских — 18,4 — 19,4). У других этнических групп такие различия существенны (у евреев 20% — 10%; у болгар 12 — 25,5%; поляков — 25% — 12%; немцев — 17,1% — 7,4%).

В структуре социо-культурных факторов, определяющих

идентификацию с этносом, наиболее значительными оказываются язык, историческая Родина (свидетельствующая об общности происхождения), традиции, обычаи, литература и искусство. Однако не для всех этнических групп они одинаково значимы. Так для самих украинцев, проживающих в южном регионе, язык, как инструмент консолидации (34%) имеет значимость после таких факторов, как историческая Родина (50,4%), национальные традиции, литература и искусство (47,4%)

Для русских, ставших национальным меньшинством в условиях нового суверенного государства, он, напротив, приобрел большую значимость (62%) и определяет приоритеты в сплоченности этнических групп. Историческая Родина, национальные традиции значимы лишь для трети этнических русских. Запрет языка в исторической ретроспективе для украинцев, и непризнание русского языка вторым государственным для этнических русских и русскоговорящих этнических групп воспринимается как угроза идентификации. Для старших возрастных групп, где наблюдается языковое размывание (у немцев, поляков, болгар, евреев) значимость языка в качестве объединительной силы осознается меньше. У молодых, наоборот, появляется интерес к знанию языка этнической группы. Он становится инструментальной ценностью (выезд на заработки в другие страны, возможность эмиграции) и выходит на первое место в значимости идентификационных факторов.

Общая языковая компетентность населения Южно-Украинского региона достаточно высока. Типичным является знание трех языков (украинского, русского, языка какой либо другой этнической группы или иностранного). Однако степень языковой компетентности неоднозначна. Читают, говорят, пишут на русском языке — 95% от числа опрошенных респондентов, на украинском — 46%, на языках этнических меньшинств — 32%, на иностранных — 8%. В индексах эти значения соотносятся как: 0,99; 0,48; 0,40; - 0,43.

Практическое использование языков более проблематично: думают на украинском языке — 46%, общаются в семье — 17%, читают литературу, газеты, журналы — 38%, готовят документацию — 17%. Думают на русском языке — 79%, общаются в семье — 64%, читают литературу, газеты, журналы — 62%, готовят документацию — 42%. Особенно проблематично практическое использование языка и у национальных меньшинств: думают на нем 21% и столько же общаются в семье; читают специальную литературу — 15%. Соотношение практического использования языка по расчетам индекса составляют для украинского — 0,47; для русского + 0,92, для других этнических групп +0,23.

В ориентациях на продолжение образования детьми прослеживается тенденция усиления значимости украинского языка (в 1991 г. 18% родителей хотели, чтоб их дети обучались только на украинском языке, в 1996 г. — 35,6%). Сохраняется приоритет

русского языка (59,7%), уравнивается значимость обучения на иностранном языке и языке этнических меньшинств (25,2 — 23,2%).

Система ценностей служит одним из самых значимых факторов консолидации этнических групп. Несмотря на возрастной уровень социальной дифференциации и повседневные трудности, связанные с отсутствием работы, невыплатой зарплаты или проблемами безопасности, основными базовыми ценностями названы здоровье (+0,94), мирная обстановка в стране (+0,85), счастливая семейная жизнь (+0,85). Их разделяют все этнические группы. Выдвижение их на первый план приближает Украину к европейским и мировым стандартам и одновременно символизирует о сочетании личностных и гражданских идеалов. Следующий блок ценностей: материально-обеспеченная жизнь (+0,84), наличие верных друзей (+0,83), уверенность в себе (+0,69), свобода (+0,70), самостоятельность в суждениях (+0,66), интересная работа (+0,65), подчеркивает значимость свойств коллективизма, сформированного прежней эпохой и определенную меру индивидуализма как знака нового времени и нового порядка. Такие ценности как чувство долга (+0,45), познание (+0,38), занимают 11-12 места в шкале ценностей, а значимость общественного признания (+0,38) и социальной справедливости (+0,29) оказывается на последнем месте.

В блоке ценностно-нормативных индикаторов результирующими и одновременно перспективными в оценке адаптационных ресурсов этнических групп выделяются конструктивные факторы. Они получены в результате выявления отношения респондентов об изменениях по основным сферам жизнедеятельности за последние пять лет. Население Южно-Украинского региона позитивно оценило реализацию прав, связанных со свободой слова, собраний, печатных изданий (+0,65); появившиеся возможности для проявления инициативы и самостоятельности (И +0,37), а также признание Украины на международном уровне, ее вхождение в европейские структуры (+0,25) и обеспечение возможности передвижений и выезда за рубеж граждан Украины (+0,25). Вместе с тем реальное положение этнических групп внутри страны (-0,09) оценивается ниже, чем завоевания прав и свобод, передвижения за границу. Общая оценка уважения человеческого достоинства негативная и различий по этому вопросу между этническими группами практически не существует (-0,62 украинцы, -0,74 русские, -0,69 другие этнические группы). Не обнаружено сильной разницы между этносами и в восприятии общих социальных условий: возможность получения работы, образования, медицинского обслуживания, приобретения жилья. Все значения индекса отрицательны (-0,77; -0,64; -0,84; -0,61). Что отражает ситуацию экономического кризиса в стране относительно равное положение этносов. Наиболее сильные различия между украинцами и другими этническими группами в возможностях приобретения жилья (-0,78; -0,53). В то же время украинцы более позитивно оценивают

открывшиеся возможности для проявления самостоятельности и инициативы (+0,37; +0,29 (у русских)).

Выводы.

1. Социальное пространство в рамках которого взаимодействуют этносы значительно расширилось, что повлекло за собой более высокую миграцию и мобильность.

2. Запаздывающая социальная модернизация в сфере этно-социальных отношений проявляется в медленной реконструкции государственных социальных институтов, отсутствии концепции этно-социальной политики, слабые взаимосвязи государственных и общественных организаций; неотработанности механизма реализации прав этнических меньшинств.

3. Исследование социального самочувствия этнических групп, связанного с новой социальной политикой суверенного украинского государства только начинается. Важно, чтобы наряду с различием исследовательских подходов, была некая стратегия, позволяющая выявлять тенденции, характерные для наиболее типичных регионов Украины и способная служить основанием для социальной политики в сфере этнических отношений.

Литература:

1. Bourdieu P. Distinction. I. ets. 1984. p II, 2-3.
2. Turner I.H. Analytical Theorizing. // Social Theory Today // Ed. By Giddens, I.H. Turner. Stanford. Cal. 1988. P. 176.
3. Turner I.H. Analytical Theorizing. // Thesis II M. 1994. N4 Scientific Method. p. 119.
4. Шульга Н.А. Этническая самоидентификация личности. Киев, 1996, с. 8-15.
5. Одесі - 200. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 200 - річчю міста. Одеса - 1994. ч. I-II.
6. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М. ВЦИОМ, 1996. Информационный бюллетень №4, с 15-17; Політичний портрет України. Київ, 1996, №17, с.41.

Лантух А.П.

МАРГИНАЛЫ И МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В научной литературе и в публицистике последних лет все больше внимания стали уделять маргиналам и маргинальности как проблемам, которые присущи нашему обществу. Объяснение этому мы находим в самом содержательном определении этих дефиниций. Понятие "маргинал" впервые появилось во Франции во время

Лантух А.П. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Харьковского медицинского университета

студенческих волнений 60-70-х гг. Этим именем существительным стали называть тех, кто сам отвергает общество, либо оказывается им отвергнутым. Данное явление породило и состояние маргинальности. Маргинальность — это результат конфликта индивида или социальной группы с общественными нормами, выражение специфических отношений с существующим строем.

Само понятие “маргинальность” берет исток из позднелатинского слова *marginālis* — находящийся на краю и латинского — *magro* — край, граница, боковик. Исходя из этимологии последних, в философской и социологической литературе этими понятиями стали обозначать промежуточность, “пограничность” или периферийность по отношению к каким-либо социальным общностям /классовым, национальным, культурным/. В силу этого маргиналы — это люди, вырванные из своей социальной, национальной и культурной среды, не способные быстро перестроиться, а также приспособиться к другой среде и находящиеся в некотором промежуточном измерении. Сам же маргинал — это индивид, потерявший принадлежность к определенной социальной группе, без последующего вхождения в иную социальную общность, а его культура неадекватна его социальному статусу. Это человек, который утратил свою идентичность, незыблемую уверенность в том, кто он такой, поэтому он бывает столь воинственным и настойчивым в подтверждении и доказательности знания своей нации, своей социальной группы, своей религии. Ещё в 20-е гг. американский социолог Р.Парк, обозначая понятием маргинал положение мулатов, считал, что “маргинальная личность” обладает рядом характеристик: беспокойством, агрессивностью, честолюбием, эгоцентричностью [6, с. 341].

Истоки маргинальности лежат в пределах социума, который находится так же в промежуточном, а точнее в переходном состоянии. Это болезненное состояние, которое находит выражение в разрегулированности и деформации общества, охватывая самые широкие его социальные слои, институты, нормы и ценности. В системе координат, например, постсоветского общества, в условиях болезненного реформирования всех сфер жизни, что сопровождается падением и так невысокого жизненного уровня значительной части населения, при одновременном безнаказанном грабеже государства, коррупции, которая поразила все структуры и эшелоны власти, в массовом сознании происходят сдвиги, которые очень опасны для демократических преобразований, а именно, усиливается политическая пассивность и безразличие, ибо люди “нагружены” витальными проблемами выживания, которые доминируют и “давят” их каждодневно и ежечасно. Другими словами, создается живительный “компост” для проявления и существования маргинальности.

Маргинальность не возникает вне резкого реального или

вымышленного столкновения с окружающим миром. Она предполагает несколько маршрутов своего появления: либо это разрыв всех традиционных связей и создание собственного, совершенного иного мира; либо это примыкание к какой-либо социальной группе и мимикриализация к ней; либо постепенное вытеснение или насильственный выброс за пределы законности, т.е. превращение в аутсайдера. Классическим примером процесса маргинализации является история Советского Союза. Она весьма показательна. Эпохальные сдвиги в социальной структуре общества, произошедшие в результате революции 1917 г. и последующих преобразований, привели к образованию в каждом общественном классе маргинальной прослойки. Это наблюдалось по границам рабочих класс — колхозное крестьянство; рабочий класс — интеллигенция; колхозное крестьянство — интеллигенция. Маргинальность в последних двух случаях выражалась в том, что люди умственного труда не являлись носителями интеллекта, духовной культуры, были односторонне развиты, имели узкую специализацию. Другими словами — это были технократы.

Причинами маргинализации послужили, во-первых, миграционные процессы в результате социалистической индустриализации, коллективизации, раскрестьянивания, гигантомании /строительство заводов-заводов/, сопровождавшиеся обрывом социальных связей и отсутствием инфраструктуры; во-вторых, редистрибуция как волевое изъятие центральной властью прибавочного продукта с целью его последующего натурального перераспределения; в-третьих, ломка гражданского общества через борьбу с любым инакомыслием /религией, инновациями в искусстве, культуре и т.д./ . Всё это даёт основание выделить несколько встречных направлений маргинализации: это движение снизу вверх, т.е. образование маргинальных верхов. Как пример можно привести формирование советских органов власти. П.Сорокин по этому поводу пишет, что по всей стране старая политическая и правительственная власть была уничтожена или низложена за 2 года русской революции, а “высочки” заполнили высшие ранги политической аристократии. За 5-6 лет большинство людей, которые были до революции “никем”, стали “всеми” и поднялись на вершину политической, экономической и профессиональной “аристократии” [4, с. 381]. Правительством В.И.Ленина есть тому наглядным доказательством; это движение сверху вниз, т.е. образование маргинальных низов из индивидов, теряющих потребность в работе и круге общения, соответствующем их культурному уровню, наряду с падением самого культурного уровня, при резком изменении социального статуса. М.Булгаков в 20-е гг. в газете “Накануне” опубликовал очерк “Киев-город”, где отмечал, “что в Киеве целая пропасть старушек и пожилых дам, оставшихся ни при чём. Буйные боевые годы разбили семьи, как нигде. Сыновья,

мужья, племянники или пропали без вести, или умерли в сыпняке, или оказались в гостеприимной загранице, из которой не знают, как обратно выбраться, или "сокращены по штату". Никаким компомам старушки не нужны, собес не может их накормить, потому что не такое учреждение собес, чтоб в нём были деньги. Старушкам, действительно, неумоготу, и живут они в странном состоянии: им кажется, что всё происходящее — сон. Во сне они видят сон другой — желанную, чаемую действительность" [2, с.38]. Как видим, советский этап развития дал обществу три типа маргинала: по духу /попадая в новые условия жизнедеятельности он лишается своего культурного компоста/; по социальному статусу /изменив социальный статус, сохраняет свою культуру/; дихотомный маргинал, т.е. сочетающий первый два типа.

Однако маргинализация это подвижный процесс. Поэтому он имеет свою направленность. Так, с одной стороны, — это полнейшая деструктивность: разрушение социальности, деградация, дезорганизованность, депрофессионализация /"маятниковая миграция", такая как "поездники", "вахтовики", "шабашники"; распространение неквалифицированного исполнительского умственного труда, физического, в основном женского, как рабочие дорстря, путейцы, подсобники; с другой — это конструктивный аспект маргинализации, что является приводным ремнем механизма общественного прогресса, т.е. создание новых общественных структур, что придаёт обществу импульс движения вперёд.

Маргинальные группы со временем обретают статусную определённую. При этом они характеризуются устойчивостью, стабильностью, выработкой имиджа, ментальности, кодекса чести. Однако эта тенденция не является конструктивной. Она привносит в общество дискомфорт и нестабильность, т.к. маргинальные группы, пытаясь компенсировать свою "промежуточность", натягивают "маску" той или иной нации, культуры, религии, они пытаются имитировать чужой образ жизни, переключивая его и искажая до неузнаваемости.

Наглядным примером могут быть стахановцы 30-х гг. Американский историк Р.Майер в статье "Стахановское движение и сталинизм" отмечал, что стахановцы — в основном были выходцы из деревни, в большинстве своём малокультурные, с низким уровнем образования. Как правило, они только недавно пришли на производство. Типичным для этой среды был подсобный рабочий средней квалификации. Нередко это были представители маргинальных социальных групп, испытавших дискриминацию /бывшие середняки, члены кулацких семей, беспризорники, национальные меньшинства/. Они, как правило, были молоды. Подавляющее число стахановцев не состояло в Коммунистической партии. Их политическое сознание сводилось к аффектированной

вере в Сталина как вождя. Отмечалась даже своего рода социальная патология стахановцев, выражавшаяся в нигилизме, эгоизме, агрессивности. Стахановское движение способствовало укреплению предательства о власти Сталина как о ниспосланной свыше. Стахановцы, не считаясь с тех. документацией, призывали к сожжению ГОСТов и насмехались над мастерами, упрекая их в том, что они якобы молятся на правило, как на икону [3, с.56-66].

Этап постсоветского развития общества также маргинален. Маргинальность прослеживается на всех уровнях: микро-, мезо-, макро-. Однако на любом уровне, в любом варианте, будь-то результат свободного выбора или же следствие процесса деклассирования, который провоцируется напуганным обществом, как отмечает А.Фарж, маргиналы означают не изнанку мира, а как бы его омуты, теневые стороны. Общество выставляет отверженных напоказ, дабы подкрепить свой собственный мир, тот, который считается "нормальным" и светлым [5, с.144].

Такой теневой стороной сегодня являются "новые бедные". В литературе на проблему бедности давно обратили внимание. Ещё в XIX в. ей посвятили свои работы журналист Г.Майхью, публицист Т.Арчер, писатели Ч.Диккенс и А.Моррисон, социолог-реформатор Ч.Бут. Причем бедность рассматривалась ими как стиль жизни в индустриальном обществе. XX в. поставил эту проблему в более конструктивную плоскость. Представители чикагской социологической школы выделили критерии этой социальной группы, а именно: замкнутость, формирование собственных установок, норм. В 50-е гг. американский учёный О.Льюис пришёл к выводу, что бедность это особая культура, а не адаптация к окружающему миру и , что она обладает 70 специфическими чертами, которые структурировал в 4 блока: 1/отсутствие или низкий уровень участия в основных институтах общества, критические установки по отношению к институтам господствующих классов, к официальным нормам брака, минимальную организованность вне рамок семьи; 3/отличные от общепринятых взаимоотношения полов — отсутствие детства, ранние сексуальные контакты, свободные браки, высокая частота аборт; 4/преобладание таких установок, как беспомощность, зависимость, униженное положение, что связано с низкой мотивацией к труду, к достижениям. В 50-60-е гг. в социологической литературе в противовес культурному подходу /"культура бедности"/ появляется понятие "синдром бедности", где акцент смещается в сторону социальности. В последнее время данное явление характеризуется с позиций концепции стиля жизни. Она является показателем и символом положения, которое занимает человек или социальная группа в стратификационной системе социума.

Сегодня на страницах социологических изданий появилась ещё одна дефиниция, которая обозначает современных бедных. Это

“андеркласс”. Самой основной характеристикой его становится отчуждение. Исследователь У.Вилсон выделил три фактора, которые определили его появление и признаки: структурная безработица, разрушение нуклеарной семьи и социальная изоляция. Если американские социологи понятием андеркласс обозначают лишь бедных, которые не имеют регулярной работы, преступников, наркоманов, а также тех, кто лично ответственен за свою бедность, то европейские — считают, что этой категории больше соответствуют маргиналы. Как отмечает исследователь С.Ярошенко, им присущи “маргинальность сознания”, его двойственность. Неимущие “живут в двух измерениях: в мире грёз и в мире жестокой реальности. Именно разрыв между этими двумя мирами, поддерживаемый как самими бедными посредством стереотипов относительно пределов их возможностей, так и рядом объективных социальных условий, способствует адаптации к условиям нужды, а не активному поиску выхода из неё. “Клеймо бедности” заставляет мыслить категориями замкнутого пространства и действовать согласно установленным правилам: либо в роли вечного просителя работы, пособий, милостыни и т.д., либо в роли преступника” [7, с.49].

Бедность в обществе выполняет свои специфические функции. Если Г.Ганс в своей работе “Бедный платит всем” считает, что бедность нужна для “грязного” труда, то Р.Мертон в своих исследованиях по социальной стратификации видит в ней как позитивные, так и негативные функции. Позитивные функции заключаются в том, что бедные выполняют самую неквалифицированную работу, их ангажируют в выборных кампаниях, они гарантируют статус тем, кто не беден, помогают подняться в средний класс, особенно иммигрантам, создают свою собственную культуру, культуру гетто, хиппи, ковбоев. Что касается дисфункций, то бедные тормозят возникновение новых профессий, они — источник преступности, социальная база для борьбы за социальные изменения.

Сдвиги, которые произошли в нашем обществе сегодня, заставляют обратить внимание на такую категорию населения как “новые бедные”. “Новые бедные” — это те, кто по своему образованию, квалификации и социальному положению никогда раньше не входил в число малообеспеченных. Другими словами, постсоветское общество раскололось на две неравных части: маргиналов и аутсайдеров — 60 % и богатых и состоятельных людей — 20%. 20% с доходами от 100 до 1000 долларов составляют транзитную группу, ибо одни тяготеют к верхнему полюсу, а другие — к нижнему /данные касаются российского пространства/. Таким образом, в постсоветском обществе отсутствует средний класс. Вместо него, образно говоря, зияет “черная дыра”, что опасно и недопустимо для общества, где происходит демократическое реформирование.

Именно транзитная группа воспроизводит “новых бедных”.

Причинами её существования является безобразно низкая заработная плата, ибо человек получает только 20% её, а 80% — съедает инфляция; её несвоевременная выплата; рост стоимости жизни. В России за 1995-1996 гг. стоимость жизни выросла для бедных в 5-6 тыс. раз, а для богатых — в 49 тыс. [1]. Бедность имеет свой "компонент", на котором сама себя воспроизводит. Плохая материальная обеспеченность ведет к ухудшению здоровья / голодные обмороки у детей, анемия у каждой третьей беременной женщины /, деградация, депрофессионализация — индикаторы деградации социума. Бедность тянет на дно. Обитателями его в России являются 14 млн. сограждан. Это 4 млн. бомжей, 3 — нищих, 4 — беспризорных, 3 — привокзальных, уличных проституток. Если половина их попали в силу склонности к пороку или слабости характера, то остальные являются жертвами социальной политики. Самая опасная зона придонье. Её составляют врачи, учителя, инженеры и прочие. У них больше всех шансов попасть на дно. А это значительная масса населения, среди которых 32-24 % учителей, ИТР, 31 % переселенцев, 44 % беженцев, 49 % матерей одиночек, 53% безработных, 54 % многодетных семей, 61 % пенсионеров, 63 % инвалидов, 72 % одиноких пожилых людей / статистические данные по Российской Федерации. Можно предположить, что в Украине аналогичная ситуация / [1]. Именно эти социальные слои могут являться своеобразным резервом маргинализации постсоветского пространства в ближайшее время, если общество не поменяет свои приоритеты и тем самым не выведет огромную массу своих сограждан из состояния "комы".

Здоровье как общечеловеческая ценность непреходяще. В нем заключается генетический потенциал любой страны, всего планетарного сообщества.

Здоровье как социальное явление характеризуется количественными и качественными показателями. Количественные показатели фиксируются через численность и рождаемость. Они фиксируют, прежде всего, физическое здоровье, социальное самочувствие, интеллектуальный потенциал. Физическое здоровье подорвано пьянством, наркоманией, болезнями, новой чумой XX в. — СПИДом. Это самая серьезная проблема и не столько количественная, сколько качественная. В исследованиях 60-х гг. было выяснено, что на политику, социально-бытовые проблемы, на труд люди в нашем обществе ориентировались как на ценность и в системе качеств это находилось на первом месте. Однако в 80-е гг. в шкале ценностей произошли подвижки и на первое место выступает здоровье как ценность. И это не удивительно, ибо у 55-60 % населения страны здоровье ослаблено, а у детей и молодежи — у 53-70 %.

Именно люди с ослабленным здоровьем составляют группу физических маргиналов. Физические маргиналы — это переходная

группа населения, в которую входят люди с ослабленными, с врожденными или приобретенными физическими и психическими отклонениями, спровоцированными плохими экологией или наследственностью, вредными привычками, некачественной пищей и водой. По последним данным сюда смело можно отнести 80-90 % всего населения бывшего Советского Союза [1].

Литература:

1. Аргументы и факты. - 1997, №11
2. Булгаков М. Киев-город // Наука и религия, 1988, №2. - С. 36-38
3. Майер Р. Стахановское движение и сталинизм // Отечественная история, 1993, № 3. - С.56-66
4. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. - М., 1992. - 543 с.
5. Фарж А. Маргиналы. Опыт словаря нового мышления. - М., 1989. - 250 с.
6. Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. - 840 с.
7. Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал, 1994, № 2. - С.43-49.

Николаевский В.Н.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Никакое слово...не содержит в себе только то, что ему приписывает этимологический словарь. Каждое содержит в себе и человека, который его произносит, и обстоятельства, в которых его произносят, и причину, почему его произносят. Одно и то же слово может в одном случае сиять великой надеждой, а в другом — испускать лучи смерти.

Вацлав Гавел "Слово о слове"

Поводом для написания данной статьи послужило информационное сообщение, опубликованное в газете "День" 23 июля 1997 г. На мой взгляд, оно заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью.

Николаевский В.Н. — кандидат философских наук, декан социологического факультета Харьковского государственного университета.

*“Идеологические агитбригады разъяснят населению
“как надо”*

Лекторская группа, в которую вошли местные журналисты государственных средств массовой информации, создана недавно при Житомирской областной администрации. Состав группы утвердил заместитель главы обл администрации Игорь Рафальский, который сообщил корреспонденту “Дня” Валерию Костюкевичу, что журналисты “квалифицированно” будут информировать население области по содержанию Конституции Украины, смыслу основных выступлений Президента, а также процессов и событий, которые происходят в общественно-политической жизни государства и региона. Предусматривается, что самих журналистов из этой группы и, возможно, из негосударственных масс-медиа, периодически будут просвещать по этим вопросам на специальных семинарах, организованных обл администрацией.

Инициатива создания упомянутой лекторской группы шла одновременно как от обл администрации, так и сверху, то есть от администрации Президента. Однако И. Рафальский отверг предположение, что ей уготована роль агитбригады на передовой будущих выборов” [1].

Вполне возможно, что после прочтения приведенной заметки может возникнуть больше вопросов, чем быть найдено ответов. Однако, на мой взгляд, знаменательность такого сообщения в другом: создание идеологических агитбригад фактически означает отработку социально-технологических механизмов структурирования политического взаимодействия в системе “общество-личность”. По сути, можно говорить о том, что акцентуирована идея, одно время отошедшая на второй план — новая концепция массовой политической коммуникации востребована временем, логикой и динамикой развития общества в той же мере (а может и сильнее), как и необходимость экономических трансформаций.

Чем вызвана необходимость разработки новой концепции? Каковы, хотя бы в первом приближении, контуры, характеристики массовой коммуникации, адекватной современному обществу? Каким требованиям эта концепция должна отвечать?

О чем речь?

Массовая политическая коммуникация — мощный социальный институт, который обеспечивает репрезентацию доминирующей идеологии и контроль в обществе. И в этом плане традиционно в центре внимания исследователей оказывается процесс распространения информации о явлениях, фактах и событиях политической сферы жизни общества, а также влияния в обществе посредством специальных средств: печать, телевидение, радио, кино и т.д., в результате чего сообщение поступает сразу к большим группам людей.

Массовая коммуникация способствует плодотворному

общению, взаимопониманию, социальной солидарности, раскрытию лучших человеческих качеств. Она, как хорошо известно, изначально враждебна всем формам подавления личности и эффективно выполняет свои функции лишь при условии (в том случае) существования в обществе коммуникации как таковой, когда постоянно осуществляется прямая личная (т.е. неформальная) коммуникация отдельных индивидов, которые не только транслируют сообщения массовой коммуникации, но в значительной мере сами формулируют мнения, предложения конкретных решений, в известной мере корректируют процесс массовой коммуникации.

Можно сказать и так: массовая политическая коммуникация есть направленная связь между большими группами людей, обмен между ними значимой политической информацией.

Но, думается, этого уже недостаточно. Представляется, что массовая коммуникация как социальная реальность не сводима только к процессу движения (производства, трансляции, приема, восприятия, усвоения и т.д.) информации. В то же самое время она является духовно-психологическим состоянием, когда коммуникация рассматривается как естественная возможность социализации, усвоения и понимания импульсов общества, с одной стороны, и ожиданий личности, с другой, когда сами "действующие лица" испытывают потребность в диалоге. В таком понимании массовая коммуникация — чрезвычайно тонкая материя, которую значительно легче разрушить, чем сохранить, а ее институционализация и "техническая оснащенность" лишь необходимое, но не достаточное условие эффективности.

Заявленный подход имеет еще одно достоинство: фокусирование внимания (исследовательского и практически-политического) на человекоцентризме как имманентной характеристике массовой коммуникации. Но это, как верно заметил Б.М. Фирсов [3, с.273], предполагает экспликацию антропологических предпосылок вместо того, чтобы оставаться в плену всеобщего экономического и политического детерминизма. Коль это так, то политико-экономические модели, гарантирующие быстрое всеобщее благоденствие, могут и должны рассматриваться лишь как транквилизаторы, способные дать иллюзию изменений, но не приводящие к реальным изменениям. Во-первых, потому, что быстрый выход общества из кризисного состояния невозможен, а во-вторых, реформирование требует кропотливой подготовки. В первую очередь имеется в виду деятельность по самовоспитанию, созданию духовно-нравственной атмосферы в обществе, без которой попытки создать демократическое общество обречены.

При выявлении системного содержания новой концепции

массовой политической коммуникации важно исходить из обязательного наличия в ней следующих элементов, равно как и придерживаться следующих принципов, векторов преодоления неадекватных современности схем.

Во-первых, необходимо рассматривать личность в поле массовой политической коммуникации и как объект (и тогда актуализируются задачи оптимизации восприятия информационных потоков) и как субъект, реально участвующий в формировании таких потоков и их трансляции (ретрансляции), либо готовый и способный это делать.

Во-вторых, приоритетным должен стать научный подход к социальному конструированию массовой политической коммуникации. Очевидно, это должно означать применение всего спектра накопленных социумом знаний и представлений о задачах и критериях взаимодействия личности и общества ("цивилизационный" принцип).

В-третьих, крайне важным требованием к понимаемой повому концепции и системе массовой политической коммуникации (а в идеале и ее принципом) является восприимчивость, чуткость к инновациям, вызовам времени. Без сомнения, речь идет о важности стабильной обратной связи, своеобразной коммуникации в коммуникации. Но не только об этом. Имеется в виду также способность системы к самонастраиванию и воспроизводству. Такая характеристика особенно актуальна в настоящее время, когда в обществе сильны тенденции дезорганизации и хаотизации.

Как отмечает А.С.Ахиезер, "может существовать, т.е. не погибнуть от роста дезорганизации, лишь такой субъект, который обладает способностью проникаться объективными, предметными характеристиками объекта, овладевать ее внутренней логикой. Субъект, с должной глубиной и широтой неспособный проникнуться логикой объекта, не может существовать. Но одновременно не погибнуть от дезорганизации может лишь такой субъект, который окажется способным навязать объекту свои ценности, формировать его по своему образу и подобию... Поэтому реально может существовать, не погибнуть лишь такой субъект, который способен в воспроизводственной деятельности синтезировать эти два процесса (проникание субъекта логикой объекта, проникание объекта ценностями субъекта)... Субъект существует до тех пор, пока оказывается способным воспроизводить свою культуру, свои отношения в их динамике" [2, с.327-328].

В-четвертых, массовая политическая коммуникация не может (и не должна) быть одномерной. Ей необходимо решать задачи разноплановые, разнопорядковые и, без сомнения, противоречивые,

согласовывать и координировать не согласующееся и не поддающееся координации (к примеру, интересы социальных субъектов, являющихся оппонентами, противниками). Представляется, что это возможно лишь при условии, что такая коммуникативная система будет актуальной, воплощать в себе не букву, но дух (атмосферу) современных процессов в обществе, но также (с другой стороны) содержать в себе прогностическое и компенсационное начало.

В-пятых, важным условием устойчивой и эффективной массовой политической коммуникации и одновременно ее характеристикой является стиль, тональность системы взаимодействия. Речь о стиле как интонации, созвучной сторонам коммуникации, их ожиданиям, архетипам; как верном, адекватном образе общества и людей, граждан. Именно в том случае, когда идеология коммуникативного процесса будет созвучна ожиданиям личности, то есть затронет ее ценности, она "заденет за живое", взволнует человека, приведет его (человека) в состояние сопереживания и сопричастности, следовательно, будет воспринята. Собственно, как представляется, это и есть одна из важнейших целей и задач системы взаимодействия в социуме.

Литература:

1. День. – 23 июля 1997 г.
2. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. – М: Изд-во МГУ – 1996.
3. Фирсов Б.М. Человеческие качества и ценности условиях непредсказуемого будущего // Социол. журнал – 1997, – №1/2.

Зинчина А.Б.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Развитие общества с необходимостью предполагает трансформацию его элементов, в том числе социальных институтов. Обращение к классикам социологии и мировому опыту подтверждает, что сегодня социум может быть эффективным в том случае, когда в нём существует и успешно функционирует разветвлённая сеть социальных институтов. Ещё в конце XIX века учёные, представлявшие институциональное направление в социологии, отмечали, что социальные институты организуют человеческую

*Зинчина А. Б. – аспирантка социологического факультета
Харьковского государственного университета*

деятельность и отношения, обеспечивают их упорядоченность, устойчивость общественного строя [1;4].

Успех реформ, происходящих в современном украинском обществе, в том числе предопределяется знанием их конечных результатов. По сути, любые реформы в обществе представляют собой ту или иную трансформацию структуры, функций, роли различных социальных институтов. Непонимание сущности происходящих изменений, нечёткость ориентации на формирование адекватных требованиям места и времени социальных институтов выступает одной из причин кризисного состояния современной Украины.

В связи с этим актуализируются теоретические и эмпирические проблемы анализа общества с точки зрения институционального подхода; особую значимость приобретают категории "социальный институт", "институционализация", "социальная система" и т.д. как инструменты познания и преобразования действительности.

Исследователями подчёркивается, что общим критерием введения понятия "социальный институт" служит потребность выразить определённую реальность, которая не может быть адекватно выражена с помощью других понятий. Такого рода реальностью выступает надындивидуальный субъект общественной деятельности, не совпадающий ни с историческими формами общности людей, ни с классами, ни с демографическими группами. Институционализированный субъект не существует вне деятельности и отношений отдельных индивидов, но вместе с тем он имеет свою логику развития и его существование не менее реально, чем существование самих индивидов [1;6].

При всём многообразии подходов к определению понятия "социальный институт" (юридическом, экономическом, историческом, политологическом) нас интересуют тот, который носит социологический характер. Мы считаем, что о существовании социального института можно говорить, когда на основе определённой общественной функции (или совокупности функций) выделяется сфера специализированной деятельности и формируется присущий ей комплекс социальных статусов, соответствующих ролей и норм поведения, складываются особые социальные группы людей, связанных с функционированием данного института, а также система соответствующих учреждений и организаций.

Такое определение даёт возможность отнести к числу социальных институтов и средства массовой информации (СМИ). Интерес именно к этому институциональному субъекту в трансформирующемся обществе не случаен и объясняется тем, что характер функционирования СМИ весьма точно отражает сущность самих общественных отношений, формы протекания политических и иных процессов. Специфика СМИ как особого института в ряду

других заключается в том, что в процессе массовоинформационного обеспечения функционирования общества СМИ создают своеобразный "информационный аналог" жизнедеятельности всех его социальных институтов.

Каждый элемент социальной системы, в том числе и социальный институт, при определённой степени устойчивости характеризуется динамикой, развитием. В теории институтов процесс нормативного и организационного укрепления, упорядочения социальных связей называется институционализацией. Однако нам представляется целесообразным включить в содержание данного понятия не только этап становления институтов, но и процессы их трансформации, кардинальных изменений. Это позволит рассматривать процессы зарождения, становления, функционирования и развития институциональных форм в их генетическом единстве.

СМИ возникают в качестве общественного института в период формирования индустриального общества, сопровождающегося массовизацией экономической, политической, культурной жизни и увеличением потребности людей в достоверной, объективной, доступной информации. С усложнением технологических возможностей передачи сообщений на численно большую рассредоточенную аудиторию (появление разветвлённой сети радио-, а впоследствии телевидения, создание коммуникационных космических спутников, компьютерных локальных и глобальных сетей) роль СМИ в обществе изменяется: из второстепенного компонента культурной сферы они превращаются в один из факторов, определяющих лицо современной цивилизации.

Одной из важных тенденций, характеризующих современный этап развития общества, можно назвать возрастание значимости всех видов информации. Это вызвано рядом причин.

Во-первых, возрастают информационные потребности людей. Информация превращается в массовый продукт, в котором нуждается каждый гражданин, а не только руководители, представители элиты. Это связано с децентрализацией современного общества, когда важные решения люди и организации принимают самостоятельно, независимо от центральной власти.

Во-вторых, информация становится не просто сообщением, имеющим конкретное содержание, а экономической категорией. Она получает рыночную оценку и перестаёт быть бесплатным товаром. Формируется информационный рынок, где информация продаётся и покупается. В результате этого складывается информационное неравенство, ведущее к неравенству социальному. Верно, конечно, и обратное. Однако в конце XX века первая тенденция стала более существенной, чем вторая.

В-третьих, самыми передовыми сегодня являются технологии, связанные с получением, хранением, переработкой и использованием информации.

Наконец, в-четвертых, убыстряющиеся темпы эволюции общества побуждают его быстрее реагировать на происходящие изменения, для чего, несомненно, требуется информация. Эти факторы в совокупности с другими явлениями и процессами современности свидетельствуют о переходе к обществу постиндустриального, или информационного типа.

СМИ в информационном обществе становятся одним из наиболее важных социальных институтов, при этом расширяется и видоизменяется его роль. На эту метаморфозу указывал, в частности, канадский исследователь Г. Маклуэн [3; 317]. Электронные средства связи создают новый этап социального общения, в котором выравниваются искажения и диспропорции, вызванные географией и экономикой, что содействует росту взаимопонимания между различными слоями общества и народами. Пропагандируя новые ценностные системы, СМИ выступают в качестве первопричины крупных социокультурных перемен. Информационная технология создаёт целый мир поведенческих моделей, которые постоянно, ежедневно на работе и в быту окружают человека и программируют его действия во всё возрастающих масштабах.

Признаки движения к информационному обществу можно наблюдать и в современной Украине. "Эпоха перемен" в СССР началась с "информационного бума". Демократические преобразования прежде всего выразились в свободе слова, печати, породив феномен гласности. Это стало предпосылкой возникновения альтернативных независимых СМИ — сначала газет, затем радиостанций и телеканалов, которые сегодня во многом определяют информационное пространство страны. Кстати, именно возникновение информационного пространства, или информационной среды общества, является одним из условий, порождающих возможность растущего использования информации в экономике, политике, культуре. Понятие "информационное пространство" в отечественной литературе пока недостаточно разработано. Например, российский исследователь В. Н. Костюк понимает под этим понятием пространство, в котором распространяется информация, и выделяет в его структуре, помимо СМИ, различные сети для передачи информации, систему образования, науку [3; 103].

Глобальной тенденцией сегодня является интеграция национальных информационных пространств в единое мировое информационное пространство, поскольку только в случае всеобщности оно может реализовать свои скрытые возможности.

Украина не должна оставаться в стороне от этого процесса. Необходимо формировать информационную среду нашего общества, осознавая, что в ней — залог результативности многих реформ и изменений. При этом важно сохранить то, что мы имеем, например, массовую и относительно доступную систему образования, достаточно качественные прессу и телевидение, и при этом не мешать формированию новых прогрессивных форм распространения информации.

Положительные изменения в институте СМИ позволяют нам говорить о том, что они сегодня не только информируют граждан о тех или иных событиях, развлекают, занимают наш досуг, но и становятся средством коммуникации, общения между различными социальными группами, между властной элитой и народом, между создателями и потребителями культурных и информационных продуктов. Именно в превращении средств массовой информации в средства массовой коммуникации мы видим сущность тех институциональных изменений, которые происходят сегодня в рассматриваемом нами компоненте социальной системы.

Осознание необходимости (и неизбежности) новой социальной роли СМК происходит быстрее, нежели формирование новых исследовательских направлений. И это понятно, ведь появление исследовательских традиций — процесс сложный и длительный. Все же попытки переосмыслить место и значимость массовой коммуникации предпринимаются уже сейчас.

Например, западный исследователь Д.Б.Томпсон рассматривает массовую коммуникацию в качестве центрального компонента современной культуры и предлагает нетрадиционный исследовательский подход. Подобная оценка массовой коммуникации основывается на убеждении, что она играет важнейшую роль в социальной жизни. Тем самым предлагается сделать изучение СМИ одним из ведущих направлений социологии [4; 34].

В институционализации СМИ сегодня можно выделить две движущих этот процесс силы: внешнюю и внутреннюю. С одной стороны, превращение средств массовой информации в средства массовой коммуникации — объективный процесс, поскольку он вызван к жизни реальными потребностями общества. Мы имеем в виду всё возрастающую потребность людей в информации самого широкого спектра, что детерминировано переменами в социуме. Экономика и политика, бизнес и право, образование и туризм и многое другое сегодня становятся для любого человека сферами его непосредственной деятельности и поэтому требуют должного информационного обеспечения. Не все люди имеют доступ к специальным источникам информации, не всегда они могут получить

квалифицированную справку или разъяснение. И именно СМИ должны заполнять эти пробелы, насыщая информационное пространство страны качественной, достоверной, доступной для понимания информацией.

С другой стороны, институт СМИ, как и любое системное образование, имеет внутреннюю логику развития. Её движущей силой мы считаем мотивированную творческую деятельность людей, занятых в сфере производства и распространения информации. Исследование 1993 года, проведенное нами среди сотрудников харьковских телекомпаний, показало, что журналисты негосударственного телевидения называют три группы факторов, повлиявших на их выбор в сферы деятельности: мировоззренческие, творческие, экономические [2; 116]. Думается, что именно это сочетание позволяет небюджетным СМИ находиться в постоянном самодвижении, избегать консерватизма и гибко реагировать на требования времени.

Литература:

1. Андреев Ю. П. и др. Социальные институты: содержание, функции, структура. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.
2. Зинчина А. Б., Курячая М. А. Альтернативное телевидение как субъект коммуникационной деятельности // Харьковские социологические чтения — 94. Харьков, 1994. — С. 115-117.
3. Капитонов Э. А. Социология XX века: История и технология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
4. Костюк В. Н. Информационные процессы в постиндустриальном обществе // Общественные науки и современность, 1996, №6. — С. 101-106.
5. Костюкевич С. В. СМИ в период реформ // Вестник БГУ. Серия 3, 1992, №2. — С. 33-35.
6. Прохоров Е. П. Журналистика — “четвёртая власть”? // Вестник Моск. ун-та. Серия 10 “Журналистика”, 1993, №2. — С. 3-7.

Е.Г.Бакакина

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Для того, чтобы проанализировать особенности рекрутирования политической элиты в современном обществе, рассмотрим основные теоретические модели данного процесса.

Бакакина Е.Г. — аспирантка социологического факультета
Харьковского государственного университета

Как отмечают учёные, существуют две основные системы отбора элит: антрепренёрская (предпринимательская) и гильдий. Чаще всего встречается лишь доминирование одной из них с дополняющими элементами из другой.

Специфическими чертами антрепренёрской системы являются: 1) открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций; 2) небольшое число формальных требований, институциональных фильтров; 3) широкий круг селектората; 4) высокая конкурентность отбора; 5) первостепенная значимость личных качеств, индивидуальной активности.

Эта система открыта для нововведений и выдающихся людей. Однако её недостатками являются большая степень риска и непрофессионализма в политике, слабая её предсказуемость, склонность лидеров к чрезмерному увлечению внешним эффектом. В целом же антрепренёрская система хорошо приспособлена к динамизму социальной системы.

Система гильдий во многом противоположна антрепренёрской системе рекрутирования. Для неё характерны: 1) закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижних слоёв самой элиты, медленный, постепенный путь наверх; 2) высокая степень институционализации процесса отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров — формальных требований для занятия должностей; 3) небольшое, относительно закрытый круг селектората; 4) тенденция к воспроизводству существующего типа элиты и отношений внутри неё.

К числу сильных сторон системы гильдий относится уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии, меньшая вероятность внутренних конфликтов, большая предсказуемость политики.

Проведенные нами исследования в Харьковском регионе¹ (в ходе анкетирования и интервьюирования было опрошено 111 членов политической элиты летом 1996 года) показали, что в настоящее время предпочтение во взглядах элиты отдаётся антрепренёрской системе (доля ее принципов превосходит долю ценностей системы гильдий в 1,4 раза), хотя доля элементов системы гильдий ещё довольно высока (36,5%). Наибольшую спорность при предпочтении той или иной системы имеют тип предыдущей карьеры претендента, "скорость" его вхождения в элиту (47,9%) допускающих резкий переход из любой сферы и рода деятельности против 46,8%.

¹ В ходе анкетирования и интервьюирования было опрошено 111 членов политической элиты летом 1996 года

выступающих за постепенное продвижение по служебной лестнице) и количество формальных требований — фильтров (43,6% — за малое их количество, 40,4% — за большое). Наименьшую спорность имеет вопрос о размерах круга селектората (57,4% — за широкий круг, 22,3% — за малочисленный), однако в данном случае наиболее многочисленная группа не принимающая ни тот, ни другой вариант (20,2%). Во многом такая ситуация объясняется разнообразным составом политической элиты.

Объективная картина реальной жизни также свидетельствует о значительном смещении от системы гильдий к антрепренёрской системе: возросла степень открытости элиты и возможностей входа в неё (хотя отчасти уже сформировались и групповые интересы внутри элиты, которые, в свою очередь, ведут к новому замыканию данной группы); высок уровень конкурентности, всё большее внимание уделяется личным качествам.

Общий тип рекрутирования обозначает лишь общие принципы данного процесса, непосредственный же механизм отбора — пропуска в элитную группу может иметь следующие три проявления: модель “претендент — рекомендатель”, модель “прополка” и модель “процедура делегирования” (А. Ефимов). Первый тип предполагает сравнение претендента с эталоном элитной группы — рекомендателем. Основная проблема при этом заключается в том, что рекомендателем может выступать не только представитель 95% элитных элементов, но и 5% “сорняков” (при 5% ошибке отбора).

Суть модели “прополка” заключается в том, что из общей совокупности элиты удаляются 1-2 наихудших элемента. При этом групповая полезность составляет 0,88.

Третья модель — “процедура делегирования” представляет собой выбор из претендентов лучших и ввод их в элитную группу. В данном случае предполагается, что элита будет всегда состоять только из лучших и поэтому не будет подвержена процессу деградации. Однако, на наш взгляд, положение может измениться, если среди претендентов не будет достаточно элементов для удовлетворения качественного и количественного состава элиты. В результате выбор будет осуществлён в пользу “лучших из худших”, что уже даёт определённый процент “сорняков” в элитной группе (это с очевидностью продемонстрировали последние выборы всех уровней власти в Украине).

Каким бы ни был механизм рекрутирования элиты, он непосредственно связан с качествами претендентов и элитной группы. Эти качества неразрывно сопряжены с господствующими в данной социальной системе ценностями и представлениями о рассматриваемом процессе.

Восприятие ключевых необходимых черт претендентов в высшую страту общества ведётся в основном двумя путями: сверху вниз и снизу вверх. В первом случае элита оценивает претендентов в соответствии со своими представлениями и способствует или препятствует их движению в элитную группу.

К примеру, для представителей политической элиты Харьковского региона иерархия качеств, которыми необходимо обладать для того, чтобы стать членом элиты выглядит следующим образом (см. табл.1).

Таблица 1

Качества, необходимые для вхождения в элитную группу

Качества-характеристики	Средний балл*
Целеустремленность	2,74
Умение эффективно решать возникающие проблемы	3,18
Профессионализм	3,24
Эрудированность	4,08
Умение работать в "команде"	4,46
Опыт работы	4,60
Определённые политические взгляды	4,62
Личное обаяние	5,35
Финансовая поддержка	5,68
Личные знакомства	5,96

*Оценка проводилась по 10-ти балльной шкале, где 1 — наиболее важное качество, 10 — наименее важное качество.

Как можно заметить, лидирующую группу образуют "нейтральные" качества, которые ещё раз демонстрируют ведущее место антрепренёрской системы образования элиты. Однако за ними строго следуют качества, ценимые при системе гильдий. При этом, на наш взгляд, интерес представляет связь рассматриваемых качеств с опытом работы респондентов в политико-управленческой деятельности. Так иерархия предпочтений в различных по опыту работы группах выглядит следующим образом (см. табл.2).

Таблица 2

Иерархия необходимых для вхождения в элитную группу качеств в различных по опыту работы элитных подгруппах

Качество, ранг	Группы по опыту работы в политико- управленческой сфере, лет					
	До 4-х	5-8	9-12	13-16	17-20	Свыше 20
Целеустремленность	1	1	2	1	1	4
Умение эффективно решать возникающие проблемы	2	2-3	3	2-3-4	6-7	2
Профессионализм	3-4	4	1	2-3-4	3	1
Эрудированность	5	5	8-9-10	2-3-4	5	3
Умение работать в «команде»	9	6	4	5	6-7	7
Опыт работы	7-8	7-8	5-6	6	4	5
Определенные политические взгляды	7-8	2-3	8-9-10	9-10	2	8
Личное обаяние	10	10	7	7-8	8-9	6
Финансовая поддержка	3-4	9	8-9-10	7-8	10	10
Личные знакомства	6	7-8	5-6	9-10	8-9	9

Из таблицы видно, как происходит смещение ведущих качеств для вхождения в элитную группу. Респонденты, имеющие опыт работы в политико-управленческой сфере до 4-х лет являются представителями последних и наиболее демократичных выборов и назначений. Процесс их вхождения в политическую элиту в значительной мере повлиял на оценку предлагаемых качеств. Для этой группы характерна высокая ценность финансовой поддержки в отличие от всех других категорий изучаемой элитной группы. Возрастающие роли антрепренёрской системы рекрутирования сместило в их представлениях такие качества, как опыт работы и определённые политические взгляды на более низкие места. А понимание того, что господствующая элита не представляет собой единой группы, готовой совместно действовать, понизило ранг умения работать «в команде» до предпоследнего. Личные знакомства же

заняли место гораздо выше (6), чем в целом по группе (10).

Для этих новых представителей политической элиты характерно наиболее отрицательное из всего перечня качеств отношение к умению работать "в команде" и к обладанию определёнными политическими взглядами (по 33,3%). Наиболее нейтрально представители политической элиты с опытом политико-управленческой не работы не превышающим 4-х лет относятся к необходимости претендента в элитную группу обладать личным обаянием (57,2%).

Вторая группа, с опытом работы 5-8 лет, начала свою деятельность в период первой демократической "волны" (1989 — 1992гг.). В это время наиболее остро стояли идеологические вопросы и политические интересы, так что это отразилось на предпочтениях данной группы. Определённые политические взгляды имеют значительную ценность для её представителей (2 — 3 место). Высока значимость личных знакомств и связей (7 — 8 место). При этом, однако наиболее отрицательно респонденты с опытом политико-управленческой работы 5 — 8 лет и относятся к личным знакомствам претендентов в элитную группу (53,9 %), а наиболее нейтрально — к их личному обаянию (57,2 %).

Третья группа представляет собой объединение людей внутри политической элиты с опытом работы в политико-управленческой деятельности 9-12 лет. Деятельность данной подгруппы связана с началом "перестройки", (1985 — 1988 гг.). Основной особенностью предпочтений респондентов этой категории является нивелирование такого качества как эрудированность (8 - 9 - 10 место) и возвышение значимости личных знакомств (5 - 6 место). Хотя опять-таки, последнее вызвало больше всего и отрицательных эмоций в данной группе (54,5%). Наиболее нейтрально элитная подгруппа с опытом 9-12 лет работы относится к финансовой поддержке и эрудированности (по 63,6%).

Характерной чертой членов политической элиты с опытом работы 13-16 лет является отсутствие значимости политических взглядов (9 - 10 место). В целом эта группа наименее конфликтна в своих оценках: 5 качеств из 10 вообще не получили отрицательных оценок. Наиболее негативно её представители воспринимают финансовую поддержку (50%), тогда как нейтральное отношение вызывают опыт работы, определённые политические взгляды, личные знакомства (по 50 %).

И две последние группы, вошедшие в состав элиты в застойный период, с опытом работы 17 - 20 лет и более 20 лет. В первой из них произошла смена 2-х качеств: умение эффективно решать возникающие проблемы заняло 6-7 место, а обладание определёнными политическими взглядами — 2 место. Наряду с этим высоко ценится опыт работы — 4 место. Это свидетельствует о

значительном "весе" ценностей системы гильдий в рекрутировании для данных представителей политической элиты.

Наиболее отрицательные эмоции данной группы связаны с личными знакомствами, личным обаянием и профессионализмом (по 33,3%), а нейтральное отношение вызывает финансовая поддержка (50%).

Наконец, самая опытная часть политической элиты несколько меньше, чем вся элита в целом ценит целеустремлённость при попадании в элитную группу (4 место), зато больший упор делает на опыт работы (5 место) и личные обаяние (6 место). В целом наиболее противоречивое отношение респонденты с опытом политико-управленческой деятельности более 20 лет испытывают к финансовой поддержке (46,2% относятся к ней нейтрально, 38,5% — отрицательно, 15,4% — положительно).

Таким образом, можно отметить, что период вхождения в правящую группу накладывает свой отпечаток на систему представлений о рекрутировании в элиту. Однако, трансформация политических отношений в обществе вызывает динамизм этих представлений, смещение ценностей.

Тем не менее анализ показывает, что некоторые тенденции характерны для определённых временных периодов. Так большая значимость личных знакомств наблюдается у членов элиты с периода начала перестройки и до сегодняшних "новичков". "Демократический" период нашего государства (1989 — 1996 гг) привёл в ряды элиты тех, кто не обращает внимание на личное обаяние претендентов и мало ценит их опыт работы.

Всё же следует отметить, что лидирующая группа ценностей почти постоянна и в наибольшей степени отражает сегодняшние требования к системе отбора представителей элитных групп.

Отметим, что качества, предпочитаемые элитой в оценке претендентов, имея, порою идентичное ранговое место, различаются по интенсивности. Так целеустремлённость наиболее выражена в группе членов элиты с опытом политико-управленческой работы до 4-х лет (87,5%), умение эффективно решать возникающие проблемы — с опытом работы от 9 до 12 лет (81,8%), профессионализм — там же (91%), эрудированность — с опытом более 20 лет (77,8%), умение работать "в команде" — там же (53,3%), опыт работы — там же (68,8%), определённые политические взгляды — с опытом работы 17 — 20 лет (58,3%), личное обаяние — с опытом работы более 20 лет (56,3%), финансовая поддержка — с опытом работы до 4-х лет (57,2%), личные знакомства там же (42,9%).

Наряду с этим при рассмотрении иерархии качеств важно и то, насколько место каждого из них является спорным в среде политической элиты (см. табл. 3).

**Коэффициенты конфликтности качеств, необходимых для
вхождения в элитную группу***

Качества	Коэффициент конфликтности
Целеустремленность	0,075
Умение эффективно решать возникающие проблемы	0,116
Профессионализм	0,15
Эрудированность	0,24
Умение работать в "команде"	0,41
Опыт работы	0,48
Определённые политические взгляды	0,53
Личное обаяние	0,68
Финансовая поддержка	0,83
Личные знакомства	0,95

*Коэффициент конфликтности рассчитывался через соотношение положительно и отрицательно ориентированных членов элиты по каждой характеристике. В результате максимальная конфликтность — 1, минимальная — приближенная к 0.

Таким образом, высокая конфликтность характерна лишь для нижней части таблицы, что означает значительную степень единства ведущих представителей о том, каким должен быть претендент в элитную группу.

Второй аспект восприятия процесса входа в элитную группу снизу вверх — связан значительным образом с выборами, так как это практически единственная возможность влияния масс на формирование элиты. Исследования социологов Харьковского университета в мае 1994 года (методами формализованного интервью опрошено 1270 жителей г. Харькова. Выборка отражает структуру населения по значимым социально-демографическим показателям и репрезентирует генеральную совокупность) показало, что массы, прежде всего, ориентируются на идеологический образ претендента (92%), возраст (87%), личные особенности (73%), пол (58%) и партийную принадлежность (56%). Среди личностных особенностей ведущее место занимают порядочность (70%), ум (52,1%), образованность (48,5%).

Выборы являются классическим соединением двух направлений формирования элиты: снизу вверх (голосование) и

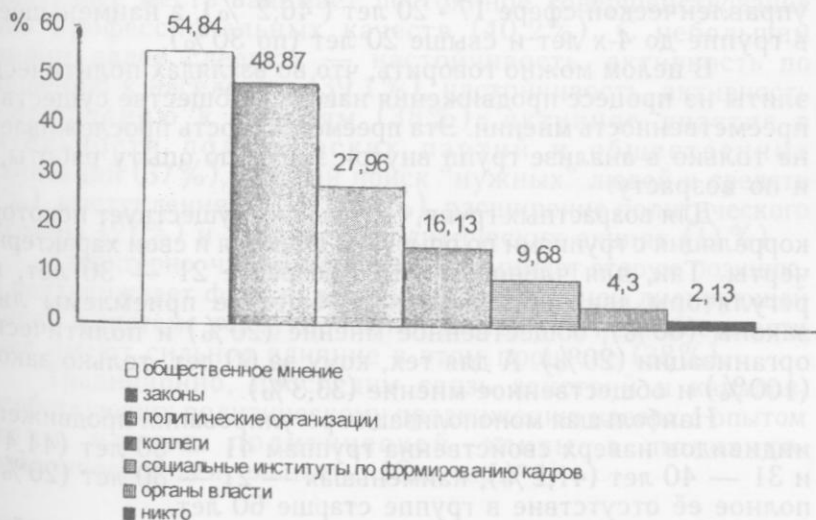
сверху вниз (влияние). А с точки зрения претендента, они представляют собой один из "лифтов" "наверх". Таким образом претендент должен прочувствовать позиции масс и элиты, и сделать основной упор на ценности более сильной стороны.

Учитывая большую значимость программных установок в демонстрации своих позиций, проанализировав их, ценности масс и членов элиты, и можно установить какой канал — направление является сегодня более мощным.

Двойственность направленности процесса формирования политической элиты присутствует и в представлениях самой элиты о том, кто должен регулировать процесс продвижения индивида наверх. (См. график 1).

График 1

Представление членов политической элиты Харьковского региона о регуляторах политического продвижения индивида наверх

Как видим, лидирующее место в определении возможностей каждого члена общества при продвижении наверх отводится общественному мнению и законам. И с одной стороны, роль масс в этом процессе выглядит значительной. Однако с другой стороны, эта роль больше носит формальный характер, так как общественное мнение можно сформировать нужным образом, а законы принимают представители правящей верхушки.

Характерно, что в данном вопросе ведущая роль отводится наиболее абстрактному субъекту, и доверие к субъектам со стороны элиты уменьшается по мере их конкретизации. Такая ситуация свойственна абсолютно всем членам элиты, независимо от опыта политико-управленческой работы. Интересно, что наибольшую ценность общественное мнение как регулятор движения наверх в обществе имеет среди тех, кто работает в данной сфере 17 — 20 лет (76,9%), но незначительно отстают от этих давних членов элиты и “новички” — до 4-х лет работы — 60%. Роль же коллег в оценке способности человека продвигаться наверх оценивается как возможная лишь в двух группах: с опытом политико-управленческой работы более 17 лет.

Наибольшее стремление к монополизации изучаемого процесса наблюдается у тех, кто проработал в политико-управленческой сфере 17 - 20 лет (46,2%), а наименьшее — в группе до 4-х лет и свыше 20 лет (по 30%).

В целом можно говорить, что во взглядах политической элиты на процесс продвижения наверх в обществе существует преемственность мнений. Эта преемственность прослеживается не только в анализе групп внутри элиты по опыту работы, но и по возрасту.

Для возрастных групп, безусловно, существует некоторая корреляция с группами по опыту, но имеются и свои характерные черты. Так, для членов элиты в возрасте 21 — 30 лет, как регуляторы движения наверх в обществе приемлемы лишь законы (60%), общественное мнение (20%) и политические организации (20%). А для тех, кому за 60 лет, только законы (100%) и общественное мнение (33,3%).

Наибольшая монополизация регулирования продвижения индивидов наверх свойственна группам 41 — 50 лет (44,4%) и 31 — 40 лет (41,2%), наименьшая — 21 — 30 лет (20%) и полное её отсутствие в группе старше 60 лет.

Таким образом, можно прогнозировать, что на ближайшее время тенденция членов политической элиты самим определять

процесс вертикальной мобильности будет достаточно сильна, учитывая долю каждой возрастной группы. Учитывая это и формальное первенство общественного мнения и законов, можно сказать, что борьба между мнениями элиты и масс в этих вопросах будет актуальна, особенно если заранее не будут найдены общие точки соприкосновений.

Возможности оценок движения наверх любого члена общества, на наш взгляд, связано и с должностью, занимаемой тем членом элиты, который оценивает этот процесс. Наши исследования показали, что некоторые возможные регуляторы вертикальной мобильности не имеют своих сторонников среди обладателей отдельных социальных статусов в рамках политической элиты. Что говорит о том, что при их (статусов) рекрутировании эти регуляторы не будут активно задействованы.

И в заключение, остановимся на тех каналах и действиях, которые ведут к достижению элитных позиций. Рассмотрим их с точки зрения самих членов этой группы. С одной стороны, их мнения отражают собственный опыт, а с другой — представления о должном.

Так, среди действий, способствующих политическому продвижению наверх в современном украинском обществе лидирующее место занимает постоянное совершенствование своих профессиональных качеств (40,2%). С небольшим отрывом далее следуют — настойчивость, активность по отношению к населению (39,1%), настойчивость, активность по отношению к властям (38%), активное участие в деятельности политических партий и общественных организаций (37%), умелый поиск “нужных” людей и средств (37%), выступления в СМИ (34%), расширение политического кругозора (27%) и участие в политических акциях (11%).

Характерно, что внимание масс занимает вторую позицию, что подтверждает факт передачи им формальной лидирующей позиции в системе рекрутирования элиты. Тем не менее власти также имеют сильное влияние в этом процессе (38%).

Традиционно, проследим связь действий и каналов, способствующих политическому продвижению наверх с опытом работы членов политической элиты в политико-управленческой деятельности. (См. табл. 4).

Иерархия каналов и действий для вертикальной политической мобильности в различных по опыту работы группах политической элиты

Каналы и действия, ранг	Опыт работы в политико- управленческой среде, лет					
	До 4-х	5-8	9-12	13-16	17-20	20 и более
Совершенствование профессиональных качеств	2-3-4	2-3	2	4-5	6	2
Активность по отношению к массам	2-3-4	4	5-6	4-5	1-2	1
Активность по отношению к властям	5-6-7	5	1	2-3	1-2	4-5-6
Участие в деятельности политических партий и общественных организаций	1	2-3	7	2-3	3-4-5	4-5-6
Поиск «нужных» людей и средств	8	1	5-6	1	3-4-5	4-5-6
Выступление в СМИ	2-3-4	6	3-4	6-7	3-4-5	3
Расширение политического кругозора	5-6-7	7	3-4	6-7	7	7
Участие в политических акциях	5-6-7	8	8	8	8	8

Так, очевидно, что «ценность» властей, «нужных» людей и средств в первой группе (опыт работы до 4-х лет) ниже, чем в целом по элите, а роль СМИ и политических партий, наоборот, оценивается выше.

Вторая группа также высоко оценивает политические партии и общественные организации, «нужных» людей и «нужные» средства. Зато массы и власти она одинаково опускает в середину списка.

Члены элиты с опытом 9 — 12 лет в рассматриваемом процессе несколько больше, чем вся элита в целом ценят органы

власти и значительно выше — СМИ и расширение политического кругозора.

Представители четвертой группы (13-16 лет политико-управленческой работы) также, как и члены второй группы высоко ценят политические партии и “нужных” людей. Кроме того они отводят массам и самосовершенствованию (2 лидирующих позиции в целом по массиву) лишь 4 — 5 место.

Характерной особенностью пятой группы является нивелировка совершенствования профессиональных качеств (6 место), зато СМИ играют во мнениях этой группы значительную роль.

И, наконец, члены элиты с опытом политико-управленческой работы более 20 лет отличаются высокой оценкой СМИ (3 место).

Таким образом, можно заметить, что разброс мнений в рассматриваемых группах по вопросам каналов и действий вертикальной политической мобильности довольно значителен. И если, иерархия субъектов данного процесса была определена элитой преимущественно на основе согласия, то иерархия каналов, как видим, строится на различной степени разногласий, что, в свою очередь, не может гарантировать стабильного механизма селекции элиты на современном этапе развития украинского общества.

В целом выше были рассмотрены процессы и некоторые составляющие системы рекрутирования элиты постсоветского периода. Проведя анализ, мы пришли к выводу о том, что система формирования современной политической элиты находится на этапе значительных трансформаций. Это влечет за собой недостаточную ее эффективность и, соответственно, снижение возможностей реализации функций исследуемой элитной группы.

Мадін М.П.

ВИЗНАЧЕННЯ РІВНІВ ЗАГРОЗ НАЦІОНАЛЬНИМ ІНТЕРЕСАМ ЯК ЧИННИК ПОЛІТИКИ НАЦІОНАЛЬНОЇ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

Мадін М.П. — Харківський інститут льотчиків ВПС

Існування, самосбереження і прогресивний розвиток України як суверенної держави залежить від здійснення цілеспрямованої політики щодо захисту її національних інтересів.

Мадін М.П. — Харківський інститут льотчиків ВПС

Основи такої політики визначає Концепція національної безпеки України, яка схвалена Постановою Верховної Ради від 16 січня 1997 року N 3/97-ВР [1].

Однак вирішення такої комплексної нетрадиційної проблеми ускладнюється як бесперервним розширенням спектра національних інтересів, так і зростанням внутрішніх та зовнішніх загроз цим інтересам. Це, у свою чергу, викликає необхідність переорієнтування стратегії державотворювання, наукового обґрунтування політики у сфері національної безпеки України.

Отже, виважене визначення національних інтересів, рівнів загроз їм має надзвичайно важливе значення, оскільки вони є основою формування (з урахуванням конкретно-історичних внутрішніх обставин і зовнішніх чинників) політичних цілей та завдань Української держави щодо забезпечення національної безпеки.

Кожна країна має свої національні інтереси, які формуються її геополітичним положенням, рівнем соціально-економічного розвитку, політичними відносинами, культурою суспільства, традиціями та звичаями народу тощо. Держава повинна визначати пріоритетний ряд національних інтересів як всередині країни, так і за її межами, що дозволить більш об'єктивно і обґрунтовано приймати рішення щодо їх реалізації з максимальним ефектом.

Слід зазначити, що це дуже складна й багатогранна проблема, яка не може бути вирішена без використання науково обґрунтованих методів. Тільки вони дозволяють з системних позицій з усієї множини національних інтересів визначити ті, які є життєво важливими, а також рівні загроз цим інтересам.

На наш погляд, для розв'язання проблеми доцільно, перш за все, використовувати методи кластерного аналізу [2], застосування яких поширює можливість проведення різноманітних зіставлень на багатовимірних об'єктах, дає змогу виявити залежність між розглядуваними показниками і визначити їх пріоритетність.

Для проведення одного дослідження нами безпосередньо застосовані методи багатовимірного порівняльного аналізу, що ґрунтуються на методах таксономії з елементами факторного аналізу, оскільки вони дають прийнятні результати в умовах жорстких обмежень щодо кількості показників, які обрано для аналізу та оцінки [3]¹.

¹ Застосування наведеної методики для аналізу та кількісної оцінки як окремих аспектів національної безпеки, так і проблеми в цілому на підставі узагальнених показників її складових див.: Косевцов В.О., Бінько І.Ф., Матвіївський О.М. Методичний підхід до аналізу й оцінки національної безпеки та її складових. - Наука і оборона. - N1-1995. - С.74-77.

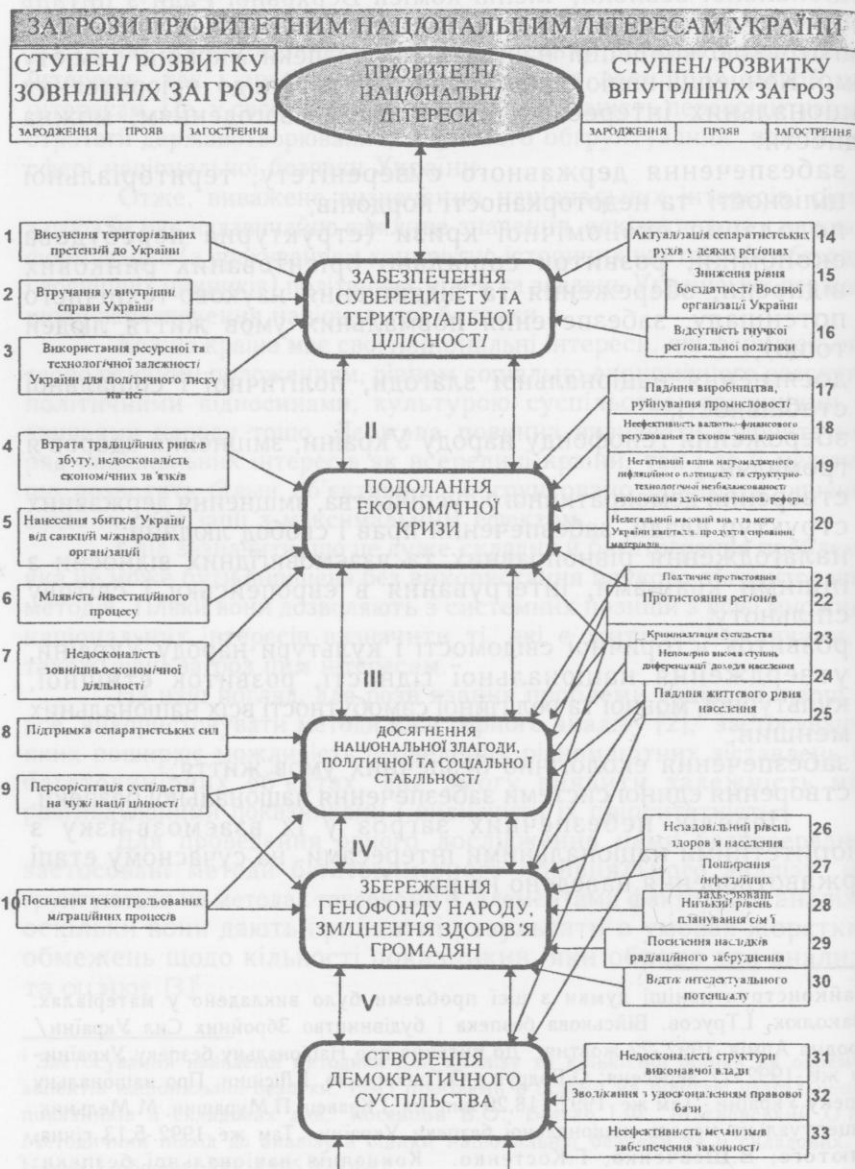
Отже, на підстави обробки результатів експертного опитування в 1996 році провідних фахівців з проблем національної безпеки, членів комісії Верховної Ради з питань оборони і державної безпеки, аналізу матеріалів, пов'язаних з підготовкою концепції національної безпеки України², змісту самої Концепції національної безпеки України до пріоритетних національних інтересів, що зумовлені сьогоденням, можна віднести:

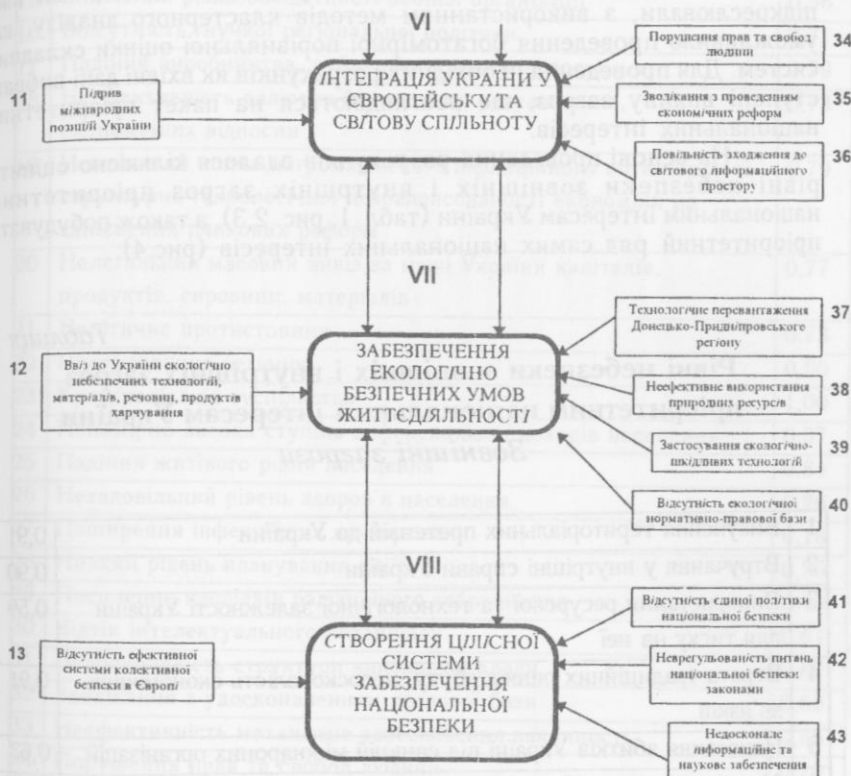
- забезпечення державного суверенітету, територіальної цілісності та недоторканості кордонів;
- подолання економічної кризи (структурна перебудова економіки, розвиток соціально орієнтованих ринкових відносин, збереження та підвищення науково-технічного потенціалу, забезпечення нормальних умов життя людей тощо);
- досягнення національної злагоди, політичної і соціальної стабільності;
- збереження генофонду народу України, зміцнення здоров'я громадян;
- створення демократичного суспільства, зміцнення державних структур влади, забезпечення прав і свобод людини;
- налагодження рівноправних та взаємовигідних відносин з іншими країнами, інтегрування в європейську і світову спільноту;
- розвиток історичної свідомості і культури народу України, утвердження національної гідності, розвиток етнічної, культурної, мовної та релігійної самобутності всіх національних меншин;
- забезпечення екологічно безпечних умов життя;
- створення єдиної системи забезпечення національної безпеки.

Перелік небезпечних загроз у їх взаємозв'язку з пріоритетними національними інтересами на сучасному етапі державотворення наведено на рис. 1.

² Найконструктивніші думки з цієї проблеми було викладено у матеріалах: В.Ваколюк, І.Трусов. Військова безпека і будівництво Збройних Сил України/ Народна Армія.-1992.-22 жовтня; До питання про Національну безпеку України.- Там же.-1992.-17 вересня; О.Бодрук, О.Гончаренко, І.Лісичин. Про національну безпеку України.- Там же.-1992.-18,29 лип.-ня; І.Кравец, П.Мурашин, М.Мельник. Концептуальна модель національної безпеки України.- Там же.-1992.-5,13 січня, 6 лютого; В.Шевченко, Г.Костенко. Концепція національної безпеки: методологічний аспект.- Там же.-1996.-20 лютого та ін

Схема взаємозв'язку загроз і пріоритетних національних інтересів України

Однак, більш повному обґрунтуванню основних напрямків сучасної політики національної безпеки України, на наш погляд, буде сприяти визначення кількісних характеристик загроз (рівня небезпек). Вирішення цього питання було здійснено, як ми вже підкреслювали, з використанням методів кластерного аналізу, що уможливило проведення багатомірної порівняльної оцінки складних систем. Для проведення необхідних розрахунків як вхідні дані вибрані ступені впливу загроз, що розглядаються на пакет пріоритетних національних інтересів.

На основі проведених розрахунків вдалося кількісно оцінити рівні небезпеки зовнішніх і внутрішніх загроз пріоритетним національним інтересам України (табл. 1, рис. 2,3), а також побудувати пріоритетний ряд самих національних інтересів (рис.4).

Таблиця

**Рівні небезпеки зовнішніх і внутрішніх загроз
пріоритетним національним інтересам України**

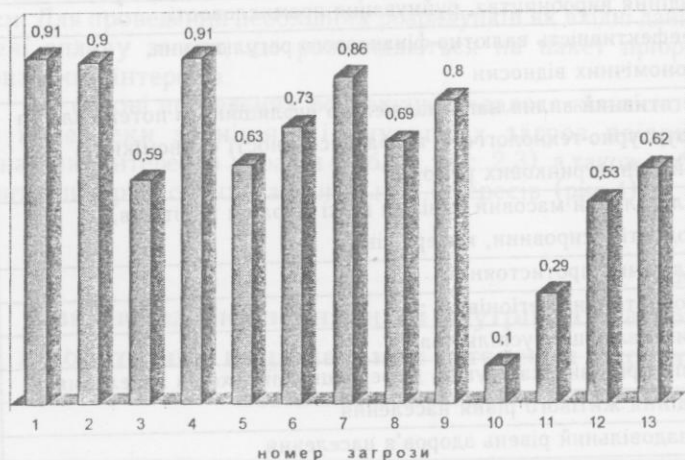
Зовнішні загрози

1	Висунення територіальних претензій до України	0,91
2	Втручання у внутрішні справи України	0,90
3	Використання ресурсної та технологічної залежності України для тиску на неї	0,59
4	Втрата традиційних ринків збуту, недосконалість економічних зв'язків	0,91
5	Нанесення збитків Україні від санкцій міжнародних організацій	0,63
6	Млявість інвестиційного процесу	0,73
7	Недосконалість зовнішньоекономічної діяльності	0,86
8	Підтримка сепаратистських сил	0,69
9	Переорієнтація суспільства на чужі для нації цінності	0,80
10	Посилення неконтрольованих міграційних процесів	0,10
11	Підлив міжнародних позицій України	0,29
12	Ввіз до України екологічно небезпечних технологій, матеріалів, речовин	0,53
13	Відсутність ефективної системи колективної безпеки в Європі	0,62

Внутрішні загрози

14	Активізація сепаратистських рухів у деяких регіонах	0,70
15	Зниження рівня боїздатності війнної організації	0,56
16	Відсутність гнучкої регіональної політики	0,71
17	Падіння виробництва, руйнування промисловості	0,79
18	Неефективність валютно-фінансового регулювання, економічних відносин	0,73
19	Негативний вплив нагромадженого інфляційного потенціалу та структурно-технологічної незбалансованості економіки на здійснення ринкових реформ	0,79
20	Нелегальний масовий вивіз за межі України капіталів, продуктів, сировини, матеріалів	0,77
21	Політичне протистояння	0,73
22	Протистояння регіонів	0,50
23	Криміналізація суспільства	1,00
24	Непомірно висока ступінь диференціації доходів населення	0,37
25	Падіння життєвого рівня населення	0,84
26	Незадовільний рівень здоров'я населення	0,26
27	Поширення інфекційних захворювань	0,18
28	Низький рівень планування сім'ї	0,55
29	Посилення наслідків радіаційного забруднення	0,46
30	Відтік інтелектуального потенціалу	0,61
31	Недосконалість структури виконавчої влади	0,67
32	Зволікання з удосконаленням правової бази	0,62
33	Неефективність механізмів забезпечення законності	0,65
34	Порушення прав та свобод людини	0,29
35	Зволікання з проведенням економічних реформ	0,54
36	Повільне вхождення до світового інформаційного простору	0,52
37	Техногенне перевантаження Донецько-Придніпровського регіону	0,35
38	Неефективне використання природних ресурсів	0,51
39	Застосування екологічно шкідливих технологій	0,40
40	Відсутність екологічної нормативно-правової бази	0,47
41	Відсутність єдиної політики національної безпеки	0,65
42	Неврегульованість питань національної безпеки законами	0,20
43	Недосконале інформаційне та наукове забезпечення	0,43

Рівні небезпеки зовнішніх загроз пріоритетним національним інтересам України

Рівні небезпеки внутрішніх загроз пріоритетним національним інтересам України

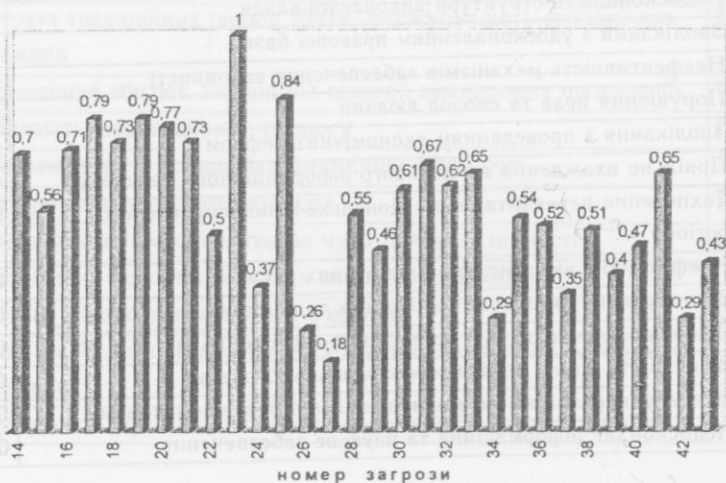

Рисунок 4

Пріоритетний ряд національних інтересів України

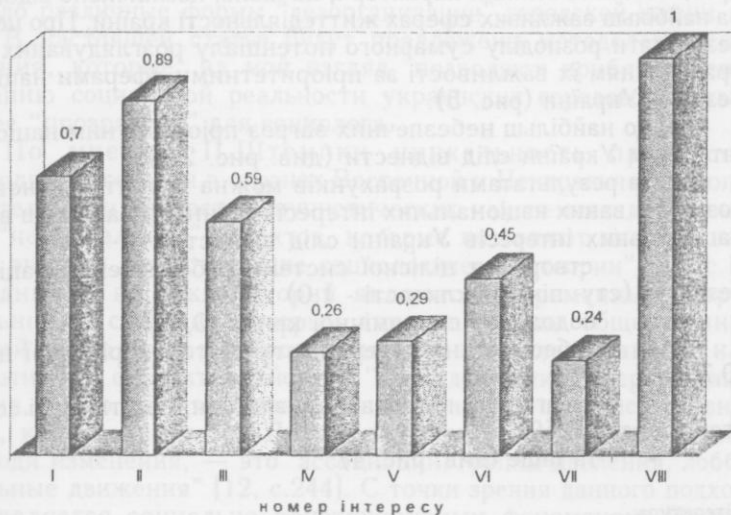
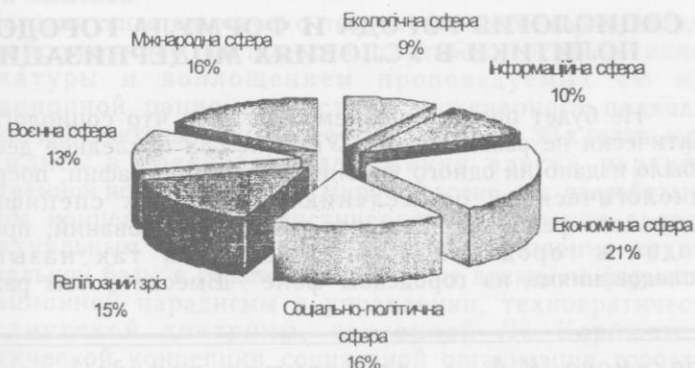

Рисунок 5

Розподіл потенціалу загроз по сферах національної безпеки України

Проведений аналіз стану національної безпеки, який склався в Україні у теперешній час, дає підстави стверджувати, що негативні процеси мають стійкий характер і, на жаль, комплексно відбиваються на найбільш важливих сферах життєдіяльності країни. Про це свідчать результати розподілу сумарного потенціалу розглядуваних загроз з урахуванням їх важливості за пріоритетними сферами національної безпеки України (рис. 5).

До найбільш небезпечних загроз пріоритетним національним інтересам України слід віднести (див. рис. 2,3).

За результатами розрахунків можна зробити висновки щодо розглядуваних національних інтересів. Нині до найбільш важливих національних інтересів України слід віднести:

- створення цілісної системи забезпечення національної безпеки (ступінь важливості - 1,0);
- подолання економічної кризи (0,89);
- забезпечення суверенітету та територіальної цілісності (0,70);
- досягнення національної злагоди, політичної і соціальної стабільності (0,59);
- та інше (див. рис. 4).

Література:

1. Концепція (Основи державної політики) національної безпеки України / Урядовий кур'єр. — 1997 — 6 лютого.
2. Мандель І.Д. Кластерный анализ. — М.: Финансы и статистика., 1988. — 176с.
3. Палюта В. Сравнительный многомерный анализ в эконометрическом моделировании. — М.: Статистика, 1980. — 151 с.

Евдокимова И.А.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА И ФОРМУЛА ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Не будет преувеличением отметить, что социология города практически не развивается в Украине. За последнее десятилетие не было издано ни одного учебника или монографии, посвященных социологическому осмыслению города как специфического социального феномена. Большая часть исследований, проводимых сегодня в городах Украины, является так называемыми "исследованиями на городском фоне". Вместе с тем разрушение

Евдокимова И.А. — аспирантка кафедры социологии социологического факультета ХГУ

советской системы привело к быстрой и чрезвычайно болезненной ломке жизненных устоев, обострению социальных противоречий, породило различные формы "дезорганизации" городской жизни.

В настоящей статье будут предложены методологические основания, которые, на мой взгляд, позволяют приблизиться к пониманию социальной реальности украинских городов и делают ее более "прозрачной" для социолога.

По мнению П.Штомпки уникальность процессов, происходящих сегодня в странах Восточной и Центральной Европы, относительна, и "в посткоммунистических изменениях достаточно таких "неуникальных" аспектов, которые позволяют использовать для их анализа существующие социологические теории" [12, с.10-11]. Одними из таких теорий являются современные теории деятельности, согласно которым движущие силы общественных явлений находят свое воплощение в коллективных, или корпоративных, субъектах действия. "Одни действуют "сверху", давая указания, — это правительства, законодательные и административные органы, корпорации и т.д. Другие действуют "снизу", постепенно производя изменения, — это ассоциации, группы давления, лобби, социальные движения" [12, с.244]. С точки зрения данного подхода город является социально конструируемым феноменом. Причем социальные различия, социальные неравенства являются "данностями" городской жизни, не подлежащими сомнению. Различные социальные группы находятся в процессе конкуренции друг с другом по поводу господства над городом. В результате этой борьбы производится и воспроизводится социальная реальность городской жизни. Социальное господство может быть изучено различными способами, в том числе путем изучения контроля над проектированием города и созданием городских смыслов.

История свидетельствует о том, что советские города являлись ареной абсолютного господства партийно-государственной номенклатуры и воплощением проповедуемых ею идей организационной рациональности и инженерного подхода к социальной действительности. Более того, начиная с 30-х годов, города превратились в средство поддержания власти партийно-государственной номенклатуры на мировой арене, т.к. разработанная Госпланом концепция социалистического расселения являлась интеллектуальным обеспечением стратегии создания крупной индустриальной базы в стране. В целом, под влиянием формально-организационной парадигмы в управлении, технократической урбанистической доктрины, созданной Ле Корбюзье, и механистической концепции социальной организации городской жизни города рассматривались партийно-государственной номенклатурой как организации индустриального типа, "каркас единого народнохозяйственного комплекса" [2]. В результате

реализации концепции социалистического расселения в мировой истории появилось совершенно уникальное явление — советский город — которому сегодня многие города постсоветского пространства обязаны своими проблемами.

В годы индустриализации структурная перестройка хозяйства на базе тяжелой промышленности, тяготеющей к источникам сырья и энергии, привела к утверждению совершенно нового подхода к размещению городов, причинами появления которых становились крупные промышленные предприятия и гидроэлектростанции. В послевоенный период, связанный не только с продолжением промышленного строительства и использования новых источников энергии, но и с решением задач по обслуживанию военно-промышленного производства, градообразующим фактором являлись крупные предприятия и даже целые ТПК (город как опорный пункт), АЭС, закрытые объекты военно-стратегического назначения [4]. Такая целенаправленная политика размещения “социалистических поселений” возле предприятий имела ряд объективных преимуществ: она предоставляла возможности не только для осуществления программы индустриализации и освоения территорий, но и для осуществления децентрализации промышленности и населения. Эффективно экономически более выгодно размещать предприятия в крупных промышленных центрах, однако стихийный рост крупных городов влечет за собой трудности, связанные с неудовлетворительным функционированием, ухудшением транспортных условий, увеличением затрат времени на трудовые перемещения, с отрицательными экологическими и социальными последствиями чрезмерного скопления населения. “Плановое социалистическое расселение” впервые демонстрировало возможности регулирования этого процесса. И все-таки, несмотря на все потенциальные преимущества данного подхода, особенности практики жесткого планирования и волюнтаристского подхода не позволили им реализоваться в нашей стране. Промышленные предприятия продолжали строить в крупных городах, так как это вело к значительной экономии средств и оказывалось более выгодным для министерств и ведомств. Кроме того, учет территориального разделения труда и комплексного развития территорий при разработке планов размещения промышленности носил, в основном, декларативный характер [8].

Декларативный характер носил и принцип обеспечения рационального природопользования системой социалистического хозяйства. Практически полное отсутствие внимания к экологическим последствиям своей деятельности предприятий и ведомств, которые монопольно использовали природные ресурсы и за все годы Советской власти не имели действенных экономических стимулов ресурсосбережения, привело не только к их истощению за счет

неэффективного использования, но и к экологически опасному состоянию отдельных территорий. По данным 1988 года около 30-40% населения СССР жило в экологически неблагоприятных условиях; кроме того, анализ показателей здоровья населения, проведенный Министерством здравоохранения СССР в 184 городах страны, показал, что структура заболеваемости была связана с преобладающей в данном городе промышленностью [13, 609-634].

Обладая соответствующими юридическими и финансово-инвестиционными правами, министерства и ведомства выступали одновременно основным заказчиком и застройщиком советских городов, проектирование которых осуществлялось преимущественно исходя из нужд градообразующих предприятий, а расходы на строительство определялись исходя из численности занятого на них населения. Выделение большей части (до 60 %) средств для социальной сферы осуществлялось по отраслевым каналам, поэтому всегда существовала возможность их использования для производственных целей [7].

Официально санкционированное рассмотрение объекта градостроительного проектирования как средства искусственно-технической организации жизни людей, представленной в виде набора бытовых и производственных процессов и связей между ними, представляло возможность формировать городское пространство наиболее оптимальным с точки зрения потребностей индустриального производства способом. Действовавшие в нашей стране градостроительные каноны последовательной дифференциации различных функциональных зон города (жилые районы, производственные зоны, общегородской центр, зоны отдыха), построение его функциональной структуры на основе однозначно фиксированной в пространстве схемы "труд — быт — отдых" и популярная в советском градостроительном проектировании идея производственно-селитебных районов* задавали благоприятные для обслуживания производства пространственные условия, однако не вели к формированию целостного городского пространства [1; 2; 3].

Организационно-управленческий механизм подчинения города интересам производства лежал в основе сформированной структуры органов власти, целей и методов ее деятельности. На фоне раздела города на сферы влияния и контроля разных ведомств, Советы, не приспособленные для осуществления систематической и профессиональной управленческой работы, служили лишь

* Производственно-селитебный район представляет из себя относительно обособленную часть города, которая формируется на основе сочтения крупных жилых массивов и группы предприятий, обеспечивающих достаточно широкий диапазон занятости населения, и характеризуется замкнутым балансом трудовых связей [2, 126].

“демократическим” прикрытием реальной власти партийно-государственного аппарата в лице его территориальных представителей, выполняющих функции отраслевого руководства и межотраслевой координации, а также поддержания функционирования городского хозяйства. Руководство отраслевым и городским хозяйствами осуществлялось на основе жесткого планирования и администрирования, причем те сферы городской жизни, которые не охватывались заданной структурой служб, выпадали вообще из сферы внимания городских исполнительных органов.

Социально-культурная ситуация в советских городах была во многом обусловлена процессами массового перемещения в них сельских жителей, что приводило к возникновению “типично маргинальной”, “промежуточной”, “барачной” субкультуры, в которой “обломки сельских традиций причудливо переплетались с наспех усвоенными “ценностями городской цивилизации” [9,138]. Потеряв связь с деревенской жизнью и не получив возможности полноценно включиться в социально-культурную жизнь города (во многом благодаря отсутствию необходимой социальной инфраструктуры), переселенцы адаптировались к новой пространственной среде, формирование которой не только отвечало принципу создания благоприятных для обслуживания производства условий, но, вполне возможно, имело некоторый дополнительный смысл. Еще в 1965 году американец К.Александр в статье “Город это не дерево” показал как новые города, построенные на идее иерархической организации городской жизни и четкого выделения структурных единиц, становятся мертвыми, так как жесткая пространственная структура навязывает их жителям военную дисциплину [5].

Ограничение возникновения всех активных форм социальной жизни, как формирующих самостоятельных субъектов и тем самым несущих угрозу системе, стало одной из основных задач всей государственной политики. Отсутствие возможности создавать и включаться в независимые самоуправляемые объединения с другими людьми — классовые, творческие, профессиональные, политические и др. — которые, в сущности, и составляют гражданское общество, вело к тому, что жители советских городов оказывались незащищенными от объективно присущих городской среде негативных эффектов (равнодушие, бесстрастность, чувство одиночества и др.), а сами социалистические города лишались возможности создать свою собственную культуру и механизм ее трансляции: как показывает исторический опыт, именно гражданское общество является творцом всей духовной и материальной культуры и именно через него происходит процесс освоения культуры человеком, в том числе и городской [9].

Процессы формирования массового общества в социалистических городах катализировались государственной

политикой, направленной на формирование нового советского человека, усилия по реализации которой шли в направлении насаждения массовой культуры как "предельного выражения духовной несвободы, стандартизации и унификации личности, как средства ее отчуждения и угнетения" [10,179]. Взамен самостоятельным общественным организациям и подлинной культуры городскому населению предлагались контролируемые партийным аппаратом квазиорганизации, связывающие напрямую каждую атомизированную личность с центром власти, и государственная идеология (советского города как социально однородного, в котором власть принадлежит трудовому народу и который трудится над выполнением производственных заданий), подчиняющая жизнь горожан интересам партийно-государственной номенклатуры. Созданная в стране система массового проектно-строительного производства, а также установка архитектуры на "обобществление форм повседневной жизни" и "избавление от мелкобуржуазного индивидуалистического быта" вели к унификации потребностей городских жителей и стандартизации материально-пространственных условий жизни.

Современная ситуация в украинских городах характеризуется, на наш взгляд, сохранением господства государственной номенклатуры как основного субъекта средоформирования. При этом новые идеологические догмы, уход коммунистической партии с политической арены в качестве ведущей политической силы, появление новых социальных субъектов и др., создают видимость нейтральной позиции государственного аппарата в период социальной трансформации или даже стремления разрешить существующие в городе социальные противоречия. Реально же государственное вмешательство в организацию городского социального пространства и финансовую политику коллективного потребления (жилье, транспорт, объекты общественного обслуживания, рекреации и т.п.) подчинено сегодня интересам государственной номенклатуры и интересам капитала и, в целом, ведет к созданию новых и обострению уже существующих социальных противоречий. К примеру, сегодня по-прежнему, несмотря на дефицит средств, благодаря существованию мощных "лоббистских" групп, представляющих интересы домостроительной промышленности, в городах продолжается строительство несоответствующих мировым стандартам многоэтажных панельных домов (согласно абстрактным нормам еще советского периода), чрезвычайная дороговизна которых покрывается из городского бюджета [1]. Возведенные на окраинах города микрорайоны многоэтажных домов, не оснащенные даже необходимыми объектами социальной инфраструктуры, становятся местом проживания для тех социальных групп и слоев, которые занимают нижние этажи в городской социальной иерархии и

вынуждены в них селиться из-за жилищного кризиса и дороговизны жилья в более благоустроенных городских районах.

В западной социологии города накоплен колоссальный опыт изучения социальных неравенств в городе, начиная от социального картографирования и заканчивая изучением символического господства в городе. Довольно плодотворно проблемы социального неравенства, роли государства в обострении социальных противоречий в городе анализируются в рамках французской социологии города, в частности в том ее направлении, которое получило название "новая социология города" и возникло в 50-60 годы. Основывая свою концепцию на идеях К.Маркса, представители данной школы пришли к выводу, что "неправомерно противопоставлять сознательное городское планирование спонтанному экономическому и социальным процессам городского развития. Городская политика — это составная часть механизма капиталистического воспроизводства, а вовсе не альтернатива этому развитию" [11, 204]. Были выделены основные направления исследования государственного вмешательства: локализация предприятий, контроль за локализацией различных типов жилища, локализация объектов социальной инфраструктуры. Более современные тенденции в развитии французской социологии города связаны с новым пониманием власти как средства конструирования социальной реальности, зафиксированного в работах П.Бурдьё, М.Фуко, Ю.Хабермаса. Согласно этим представлениям интерпретация таких понятий, как "интересы народа", "основные проблемы города", "основные направления городской политики" является важнейшим инструментом конструирования социальных отношений в городе. Расхождение в интерпретациях составляет предмет теоретической дискуссии или содержание постоянного "дискурса", который в соответствии с представлениями современной социологии составляет неотъемлемую часть социальной реальности. Интересно, что такое понимание городской политики привело в последние годы к утверждению и широкому распространению во Франции практики проведения социальных оценок и экспертизы. "Социальный заказ на оценку программ и проектов означает введение в политику в качестве обязательного элемента процедуры переговоров, где и цель политики, и ее средства становятся предметом коллективного обсуждения" [6, 580]. По мнению французских социологов, в результате таких изменений стало возможным расширение социального участия в городской политике, снятие социального напряжения и предупреждение социальных конфликтов в социальном пространстве города.

То, что происходит сегодня в украинском обществе, некоторые исследователи называют модернизацией, т.е. исторически ограниченным процессом, узаконивающим институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, самодисциплину,

трудовую этику и т.д. [12]. Стать современным (или избежать "ложной современности") до сих пор является, по мнению П.Штомпки, жизненно важной задачей для посткоммунистических обществ. При этом следует иметь в виду, что одним из парадоксов современности является то, что она постоянно ставит людей перед выбором между возможностью и безопасностью. С одной стороны, в современном обществе присутствует большая свобода для изменений и развития. С другой — эти изменения и развитие угрожают уничтожением безопасности. Неопределенность и опасность возникают из самих человеческих действий. Более того, планы и надежды самих социальных субъектов также могут быть разрушены, т.к. те же самые силы, которые увеличивают возможности в современном обществе, способствуют снижению социального контроля и предоставляют другим субъектам ту же свободу, так что их поведение тоже становится непредсказуемым. Т.о. отсутствие безопасности является другой стороной возможностей, предоставляемых современным обществом и современным городом. Очевидно, что в неравном обществе ощущение безопасности и свободы будет во многом зависеть от положения, занимаемого субъектом в социальной иерархии. Это означает, что экономически обеспеченные субъекты обладают большими и лучшими средствами минимизации рисков и максимизации возможностей, предоставляемых современностью. Следует также понимать, что государство, обладая правом на легитимное насилие, является таким "актером" в социальном пространстве современного общества, действия которого способны увеличить возможности для одних социальных групп и риски — для других. Поэтому так важно, на мой взгляд, в условиях обострения социальных противоречий, которые связаны с процессом модернизации в посткоммунистических государствах, не только изучать социальные напряжения, но и вскрывать роль государства в их обострении и продуцировании, а также формировать "рефлексивную" (А.Здравомыслов) или "прагматическую" (Ю.Хабермас) политику, основанную на социальном диалоге и направленную на разрешение существующих и предотвращения новых социальных конфликтов.

Литература:

1. Городская среда: технология развития. Настольная книга. - М.: Ладья, 1995.
2. Гутнов А.Э., Лежава И.Г. Будущее города. - Л.: Стройиздат, 1977.
3. Меерович М.Г. Концепция социалистического города: история и современность. // Концепция развития города: социальные, экологические, управленческие аспекты. Сборник научных трудов. - Новосибирск, 1991.
4. Новые индустриальные города. - Л.: Стройиздат, 1975.
5. Островский В. Современное градостроительство. - М.: Стройиздат, 1979.
6. Прогнозное социальное проектирование и город. - Москва, 1994- 1995, Книга 4.

7. Пушкарев В.М. Совершенствование управления социальным развитием региона. // Экономическая социология и перестройка. - М.: Прогресс, 1989.
8. Сбалансированное экономическое, социальное и экологическое развитие территории (экономико-географические аспекты). - АН УССР, Киев, 1991.
9. Стариков Е. Маргиналы. // Знамя, 1989, N10.
10. Современная западная социология: Словарь. - М.: Политиздат, 1990.
11. Франция глазами французских социологов. - М.: Наука, 1990.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект Пресс, 1996.
13. Яблоков А. Экологическая ситуация в СССР: факты, анализ, прогноз. // Через тернии. - М.: Прогресс, 1990.

Кизилов А.И.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ЖИЗНИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: НАСТРОЕНИЯ, ОЦЕНКИ, МНЕНИЯ

Одним из главных проявлений нынешних перемен в обществе, с нашей точки зрения, является резко усиливающаяся социально-экономическая дифференциация. Социологами отслеживаются мощные процессы социальной мобильности. Происходит консолидация новых групп, перемещение по вертикали стратификационной структуры уже ранее существовавших социальных общностей. Темпы и характер дальнейших преобразований в обществе во многом будут predetermined ориентациями и поведением различных групп населения. Вместе с тем, характер нынешних трансформаций, их массовость и единовременность — миллионы людей в достаточно короткое время включены в одни и те же процессы — актуализирует феномен массового сознания.

Возникает вопрос о соотношении группового и массового сознания. Попытаемся разобраться в этом. При исследовании группового сознания акцент делается на качественные черты, на те необходимые факторы, которые и позволяют выйти на особенности сознаний той или иной группы. Массовое сознание в данном случае как особое формирование образует некое общее смысловое поле, посредством которого индивиды и группы индивидов взаимодействуют в тотальных общезначимых процессах нынешних перемен в обществе.

Исходя из этого подхода, мы предприняли попытку анализа представлений об экономических реформах, проводимых в нашей стране в последние годы, оценку их роли в жизни основных социальных групп. В качестве способов получения эмпирической

Кизилов А.И. — кандидат социологических наук социологического факультета Харьковского государственного университета

информации, помимо результатов массового опроса, были использованы фокусированные групповые интервью.¹

Фокусированные групповые интервью (в дальнейшем ФГ-интервью) — это один из качественных методов исследования в социологии. Это попытка отображения социального мира и процессов, которые в нем происходят с точки зрения людей, участвующих в этих процессах. Информация, полученная подобным образом, оживляет количественно выраженные тенденции, делает их во многих случаях более понятными. Поэтому в данной статье основное внимание уделено результатам проведения групповых дискуссий. ФГ-интервью были проведены среди молодых людей (18-25 лет), неработающих пенсионеров, интеллигенции, рабочих государственных и акционированных (бывших государственных) предприятий, представителей управленческих структур г. Харькова, безработных, предпринимателей, работников учреждений государственной и ведомственной социальной сферы.

Наш интерес к сфере экономических преобразований объясняется тем, что ранее к собственно экономическим относился достаточно узкий спектр проблем производства и сопряженных с ними вопросов, с которыми сталкивался не всякий человек. При этом степень его возможной самостоятельности в этих ситуациях была весьма ограничена. Сегодня в поле экономических проблем попадают вопросы самого широкого спектра: трудоустройства, решения бытовых, житейских проблем (что и где купить, продать), ориентации индивидов на определенные способы трудовой и профессиональной активности и предпочтение экономических форм выражения последних и т.д. При этом резко выросли степень индивидуальной самостоятельности и возможности для деловой самореализации. Вместе с тем существенно возросла и степень риска в связи с принятием неверного решения, выбора ошибочной стратегии жизненного успеха. Социально-экономическая сфера стала и критерием и полигоном реализации последнего. При этом шкала успеха в зависимости от взглядов представителей различных социальных групп чрезвычайно подвижна: от обеспечения минимальных потребностей в пропитании до самых высоких стандартов западного образа жизни. Все это предопределило наш особый интерес к представлению о нынешней социально-

¹ Материалы фокусированных групповых интервью были получены в ходе реализации Восточнoукраинским Фондом социальных исследований проекта EUTACIS "Анализ социального воздействия реструктуризации приватизированных предприятий в Украине" (июль - ноябрь 1996г., г. Харьков). В данном исследовательском проекте для получения эмпирической информации были использованы массовый опрос (опрошено 1500 харьковчан старше 18 лет по репрезентативной городской выборке) и 8 фокусированных групповых интервью.

экономической реальности участников ФГ-интервью, представляющих различные слои нашего общества.

Происходящие изменения в экономике, безусловно, являются доминирующим фактором, определяющим многие составляющие массового сознания, господствующие в обществе настроения, что и показал ход дискуссий в группах. Шла ли речь о жизни в г. Харькове, о характере происшедших в обществе и в жизни самих людей перемен, о социальной сфере — участники так или иначе возвращались к проблемам, порожденным экономическими преобразованиями последних лет. Этот факт сам по себе есть примечательное явление. Можно по-разному его оценивать, но остается неизменной сама его суть: люди, имеющие самый разный социальный статус, оказались погружены в экономическую проблематику. При этом мы должны учитывать то обстоятельство, что большинство участников дискуссий в "фокусных группах" (за исключением молодежи) воспитывались в духе неприятия или достаточно сдержанного отношения к ценностям материального достатка, к действиям, имеющим основной целью его достижение. Понятия экономической целесообразности и эффективности далеко не всегда учитывались даже в производственной сфере экономики. Другие же области человеческой жизнедеятельности находились от них еще на большем расстоянии.

Происходящие в обществе перемены втянули в экономические процессы все социальные слои. Вернее, и раньше люди в том или ином качестве являлись их участниками, сегодняшняя же реальность отличается качественно иным содержанием этих процессов и той изменившейся ролью, которую играют индивиды, решая те или иные проблемы.

Проведенные групповые дискуссии продемонстрировали то, что оценка сегодняшнего состояния экономики, рыночных реформ в большей мере детерминирована социальным статусом участников, нежели их личностными характеристиками и особенностями жизненного пути. Воздействие социальных характеристик на отношение к происходящим переменам достаточно четко прослеживается и по массовым опросам в ходе использования количественных методов получения информации. Что нового мы получили результате проведения ФГ-интервью?

Анализ суждений о происходящих процессах в экономике показал, что харьковчане свои оценки выстраивают на основании опыта, полученного в той сфере экономической реальности, в которую они в наибольшей степени вовлечены. Естественно, эта экономическая реальность достаточно различается у пенсионеров и предпринимателей, рабочих и интеллигенции. С этой точки зрения наибольший интерес представляет мнение рабочих государственных и акционированных (бывших государственных, перешедших в собственность трудовых коллективов) предприятий и учреждений.

У работников, рабочих этих предприятий и учреждений отношение к рыночным реформам в большей мере, чем у других, связано с изменением их предприятиями форм собственности — акционированием, приватизацией и т.д. Являясь свидетелями и участниками этих процессов, рабочие в своем большинстве пришли к достаточно скептическому заключению: акционирование не меняет социальную иерархию на производстве и в обществе, соответственно. Вертикаль “начальники — рядовые работники” стала более значимой, социальная дистанция между группами работников (а теперь и совладельцев) одного предприятия резко возросла. Помимо существовавших ранее различий в положении этих групп, назывались новые черты, которые свидетельствуют о полном бесправии рядовых акционеров в решении главных вопросов развития своего предприятия. Администрация получила явные преимущества. Причем, она извлекает выгоду даже в случае крайне неэффективного управления производственно-экономическими процессами: за счет присвоения части имущества, за счет присвоения доходов от отдельных выгодных производств, за счет использования труда подчиненных на других объектах и т.п.

Данные массового опроса подтверждают описанную выше ситуацию. Среди работников государственных предприятий 17% в качестве реальных собственников (то есть тех, кто распоряжается собственностью и получает от этого наибольшую выгоду) назвали администрацию предприятия и учреждения, на котором они работают. Среди работников акционированных предприятий подавляющее большинство (67%) опрошенных считает реальным собственником дирекцию предприятия, еще 2% убеждены, что таковым является некое частное лицо.

Таким образом, выбранный вариант приватизации государственного сектора в большинстве случаев не приводит к появлению эффективных собственников, способных оживить деятельность предприятий, особенно крупных. Двойственность положения администрации акционированных предприятий (формально принадлежащих трудовым коллективам, а реально — дирекции предприятия) подталкивает ее на путь получения сиюминутных выгод от нынешнего статуса, не вызывает интереса к долгосрочным перспективам развития своего предприятия.

Нет интереса к повышению эффективности деятельности своего предприятия и у рядовых работников. Отчетливо осознавая двусмысленность своего положения формального собственника, работники этих предприятий не связывают с их деятельностью надежды на свое материальное благополучие. На сегодняшний день круг источников дохода в этой группе опрошенных намного шире, чем в группе рядовых работников частных предприятий, и зарплата в структуре их доходов играет существенно меньшую роль. То

есть работники акционированных предприятий так же, как и, впрочем, работники государственных предприятий и учреждений, в силу плачевности экономического положения последних, вынуждены искать дополнительные источники доходов на стороне, что, конечно, не может не сказаться на эффективности труда и отношении к нему по основному месту работы.

Достаточно длинный этап тяжелых по своим последствиям преобразований в сфере экономики вытолкнул из производства наиболее активных работников. Большинство участников фокус-группы рабочих, несмотря на довольно бедственное положение, не помышляет заняться предпринимательством. Ими достаточно ясно осознается риск, порождаемый этой деятельностью в нынешних условиях. Слишком высокие налоги вынуждают людей уходить в теневую экономику. А это, в свою очередь сопряжено, с мафией, коррупцией в милиции, органах государственного управления и т.п.

Совокупность вышеуказанных обстоятельств, усугубляемых систематическими задержками в выплате заработной платы, остановками производства, рождает со стороны участников дискуссии в группе рабочих достаточно четко обозначенную негативную оценку нынешнего направления экономических реформ. Однако необходимость преобразований, по крайней мере, явно не отрицается. "Настоящих реформ нет. Рынка нет. Есть базар", — говорят рабочие. Настоящее реформирование экономики большинство представителей этой группы связывают с реструктуризацией производства. Надо производить что-то другое, но что именно? На этот вопрос, который они задавали сами себе, рабочие не смогли ответить.

Несколько в иной экономической реальности находится интеллигенция, особенно представители ее гуманитарного направления, работники науки и образования. Они, с одной стороны, в своем большинстве выключены из процесса акционирования, приватизации, с другой, как и большинство населения, оказались в крайне тяжелом материальном положении, которое особенно обострилось в последнее время в связи с систематическими задержками выплаты зарплат.

Высказывания по поводу и оценки рыночных реформ у этих участников дискуссии в значительной степени рационализированы и из них прослеживаются идеологические компоненты. Очевидно, это связано с достаточно высоким уровнем образования и особенностями интеллектуального труда, которым занимаются большинство участников этой группы.

Отношение к рыночным реформам на данный момент противоречивое. С одной стороны, "утеряна уверенность в завтрашнем дне", "экономика развалена", с другой — как положительное явление отмечается "свобода", "наличие перспектив у личности для продвижения вперед".

Ценность свободы отмечается участниками далеко не всех

групп. То, что мы более свободны, этот факт не отрицается, но ценность данного обстоятельства нынешней жизни многими не воспринимается. Интеллигенция, являясь представителями духовного труда, оказалась в числе тех, кто в большей степени оценил ценность нерегламентированной жизнедеятельности. Хотя достаточно ясно осознается и сопряженный с ней риск, трудность выбора.

В начале реформ интеллигенция, по данным многочисленных массовых опросов, была одной из наиболее прорыночно настроенных групп. Участники проведенной дискуссии в этой группе подтверждают этот факт. Практически у всех отношение к рыночным реформам ранее было положительным. И на сегодняшний день сохранилось положительное отношение к самой идее рыночных преобразований, реальная же практика нынешних реформ большинство отталкивает.

Представление о рыночных реформах и отношение к ним у пенсионеров во многом связаны с процессами происходящими в социальной сфере. Жилье, медицинское обслуживание, магазины, социальное обеспечение — вот точки соприкосновения этих людей с экономической реальностью нынешних реформ. Происходящие здесь процессы — удорожание коммунальных услуг и платы за жилье, обнищание государственной медицины, рост цен, нищенские пенсии — рожают больше отрицательных эмоций. Участники этой группы достаточно скептически оценивают достигнутые в ходе реформ результаты.

Главным итогом периода преобразований называют массовое обнищание людей, которое они соотносят прежде всего с собственной жизнью. Собственное обнищание для некоторых участников дискуссий рождает и такую проблемную ситуацию: "Мы не можем помочь нашим детям". Необходимо сказать, что сложившиеся ранее в нашем обществе социокультурные традиции взаимоотношений взрослых детей и их родителей предполагали достаточно явное участие родителей в обеспечении жизни своих взрослых детей. Сегодняшняя реальность лишила пожилых людей такой возможности, что рождает у них определенный психологический дискомфорт.

Участники дискуссий в этой группе в числе отрицательных подметили и такой факт. В тех случаях, когда произошло формальное преобразование государственной собственности, отношение к труду работников этого предприятия или учреждения не изменилось.

В числе положительных результатов общественных перемен названа свобода. Однако все ее положительные следствия пенсионерами относятся к молодому поколению. Только они, по мнению участников группы, воспользовались ее плодами и обеспечивают себе достаточно неплохой уровень жизни. Во многих высказываниях прослеживается достаточно острая неприязнь к преуспевающим молодым "деловым" людям, их манерам и

привычкам. Очевиден определенный конфликт поколений. "Сегодня хорошо живут молодые, которые обеспечивают себе благополучие, зачастую не вполне законным путем. Плохо живут старики, проработавшие всю жизнь и в конце жизни получившие нищету и голод." Реформы, по мнению пенсионеров, должны давать справедливость и законность. Сейчас нет ни того, ни другого.

Иные настроения характерны для группы молодых людей. Не имея возможности сравнивать нынешнюю жизнь с прежней, молодые люди практически единодушны в том, что реформы были необходимы, что они принесли положительный результат. Все отрицательные моменты нынешней жизни считаются результатом непоследовательной, нерешительной политики нынешнего руководства страны. То, как проводятся реформы сейчас, у участников дискуссии вызывает негативную оценку.

Молодежь менее болезненно, чем более старшие возрастные группы, "вписалась" во вновь возникшую экономическую реальность. У них нет прошлого опыта, который часто играет отрицательную роль, но у них есть уже иная система ценностей, круг общения, позволяющий им приобщиться к деятельности рыночных структур. При этом необходимо отметить, что большинство участников этой фокус-группы не обременены семьями, некоторые учатся, что в определенной мере отдаляет по времени решение ключевых проблем — трудоустройства, приобретения жилья, материального обеспечения семьи. Экономическая реальность для части молодых людей является в виде витрин хорошо оформленных магазинов, рыночного изобилия, рассказов их более старших преуспевающих коллег о возможности получения высоких доходов и т.п.

Возможно, в перспективе, когда они столкнутся с названными проблемами, их взгляды изменятся, но вряд ли они станут антирыночными. Это поколение не знает и не хочет общества, лишённого свободы.

Наиболее позитивно настроенная группа — это предприниматели. Видение сегодняшнего состояния экономики и отношение к реформам предопределяется тем особым срезом экономической реальности, в которую погружены участники этого ФГ-интервью. Являясь практическими участниками формирования новых принципов экономической деятельности, предприниматели сталкиваются с иным кругом проблем, чем представители других групп.

Позитивная оценка рыночных реформ связана с пониманием необходимости перемен в экономике, осознанием ценности экономических и политических свобод. Из этого следует достаточно критическая оценка нынешнего состояния экономики, медленных и нерешительных действий по ее дальнейшему реформированию. Понимая всю сложность решаемых задач, предприниматели указали

на некоторые ключевые моменты, которые бы ускорили продвижение Украины к цивилизованному обществу, основанному на принципах рыночной экономики. В их числе:

- формирование новой системы управления экономикой, которая бы учитывала многообразие форм собственности, появление частных собственников, причем, принципы взаимодействия органов государственного управления с ними должны принципиально измениться;

- формирование правового государства: правовая незащищенность — одна из главных проблем для предпринимателя;

- разработка разумной налоговой политики: сегодняшняя практика и размеры взимания налогов вытесняют предпринимателя в теневую экономику, где возможности преступных элементов влиять на их деятельность значительно большие;

- необходимо пропагандировать идеологию бизнеса, свободной предпринимательской деятельности.

Несмотря на издержки, по мнению предпринимателей, мы движемся вперед. Отношение к реформам за годы их проведения не изменилось, оно по-прежнему положительное. Люди учатся действовать самостоятельно, меньше надеются на государство. Но вместе с тем, все же нужна программа социальной помощи наиболее обездоленным людям. Здесь государство не выполняет своих функций.

Особое внимание к ходу проведения экономических реформ было уделено в группе представителей местных органов власти. Участники выразили остро критическое отношение к тому, как проводятся экономические реформы. Реформы, по их мнению, не эффективны, не приносят сколько-нибудь ощутимых результатов и в таком виде вряд ли принесут их. И все же они есть продвижение вперед. Участники дискуссии разочарованы не реформами как таковыми, а способом их реализации. В этом их мнение совпадает с мнением участников других фокус-групп.

Положительной тенденцией участники данной групповой дискуссии считают то, что разрушается потребленчество, потеряна иллюзорная вера во всемогущество государства: "нам помогут, нас не бросят". Люди ищут индивидуальные способы решения проблем. У них сформировалось желание опираться на свои силы. И эту тенденцию, по мнению управленцев, необходимо развивать.

В ходе проведения реформ в особенно тяжелом положении оказались предприятия и учреждения социальной сферы. Отсутствие финансирования, сокращение учреждений социальной сферы, низкая заработная плата — вот тот фон, который способствовал формированию крайне негативного отношения к реформам. Общее мнение: "Они принесли нам полунисщенское существование". И если в начале реформ отношение хоть в какой-то части было положительным, то

“сейчас последние иллюзии разрушены”. При этом все же необходимость перемен как таковых признается: “В свое время мы уперлись в тупик”. Но, в отличие от мнения группы предпринимателей и чиновников, критикуя реформы, представители социальной сферы обосновывают иной тезис. По их мнению, преобразования носили слишком быстрый, непродуманный характер, явились “экспериментом” над людьми. В прежней жизни многое было хорошим и не следовало бы это менять.

Сквозь призму своих проблем оценивают экономические реформы безработные. Высказывая достаточно негативное отношение к нынешнему состоянию экономики, участники называли в основном лишь отрицательные черты той реальности, в которой они оказались. Более всего их фрустрируют социально-экономическая нестабильность, отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Испытывая на себе одно из самых тяжелых последствий преобразований — безработицу, участники этой группы больше других оценили важность стабильности, наличия социальных гарантий хотя бы на минимально обеспеченное существование. Хотя потеря работы для советского человека есть нечто большее: с потерей работы уходит круг общения, определенные перспективы и т.п.

Достаточно резко осуждая нынешний курс реформ, безработные практически едины в мнении о том, что рыночные реформы должны быть не такими, а другими: “мы имеем не рынок, а базар”. Эта расхожая фраза достаточно часто звучала при проведении и других ФГ-интервью. Что скрывается за этими словами? Думается, что не всегда в этом случае участники интервью хотели ускорить рыночные реформы, быстрее переходить на рыночные принципы жизнедеятельности. Зачастую люди, говоря в данном случае о рынке, видят некий идеализированный образ такой системы, которая бы сохранила привычные для многих черты прежней системы, стабильность, уверенность в завтрашнем дне, гарантии, и лучшее, что мы имеем сегодня — товарное изобилие, свободу и т.д.

Подводя итоги дискуссиям в группах можно указать на то, что трансформации в социально-экономической сфере, безусловно, являются доминирующим фактором, определяющим многие составляющие массового сознания, господствующие в обществе настроения. По-разному оценивая преобразования в экономике, участники ФГ-интервью сходятся в одном: происходящие перемены носят тотальный и глубинный характер, они необратимо изменили основания деятельности не только хозяйственных субъектов, но и основополагающие принципы жизнедеятельности самих людей, жизнь их семей и близких. Это подтверждают не только высказывания участников относительно самих экономических реформ, но и обсуждения других вопросов. Говоря о проблемах развития страны, г.Харькова или о своих личных проблемах, участники ФГ-интервью

обращались к оценке результатов произошедших социально-экономических перемен.

Тотальность и единовременность произошедших перемен предопределили то, что при обсуждении экономических реформ у представителей разных социальных групп с одной стороны фиксировалось смысловое поле, позволяющее вести общезначимый диалог всем участникам ФГ-интервью. С другой — видение экономической реальности достаточно тесно соотносилось с тем срезом ее перемен, в который наиболее тесно вовлечены индивиды, что делает анализ суждений об экономических реформах представителей различных групп населения особенно интересным.

Филинская Л.В., Дивульский Д.Е.

ОТНОШЕНИЕ ГОРОЖАН К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ

Не судите, да не судимы
будете, ибо каким судом
судите, таким будете судимы;
и какой мерой мерите, такую и
вам будут мерить.

/Евангелие от Матфея.
Гл.7, ст.1-2/

Переход Украины к рыночным отношениям связан с формированием новых социальных групп, одной из которых являются предприниматели. Возникновение и возвышение в иерархической структуре общества именно этой социальной группы вызывает наибольший резонанс в общественном мнении. Появление «новых» деловых людей затрагивает интересы всех без исключения социальных групп украинского общества и зачастую вызывает социальные конфликты. Помимо этого, возрождение предпринимательства происходит в весьма неблагоприятных социально-экономических, политических, правовых условиях. Между тем, роль предпринимательства как субъекта процесса динамического обновления, экономического и социального реструктурирования общества значительно усиливается. В связи с этим, актуальной задачей является выявление и устранение факторов, способствующих росту негативных настроений по отношению к предпринимателям.

Следует отметить, что предпринимателей не любили всегда.

Филинская Л.В — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии труда и управления Харьковского государственного университета.

Еще в античные времена деятельность торговца, купца и предпринимателя считалась недостойной и греховной с печатью морально-этической неполноценности. Негативное отношение философов и богословов, "простых" людей к предпринимательству, по-видимому, было связано с тем, что на доиндустриальном этапе домашнее хозяйство и производство составляли единое целое, и предпринимательским функциям отводилась малозаметная роль. В отличие от идеальной фигуры привычного человеческого существования — крестьянина, имеющего неизменный ритм жизни, предприниматель раздражает своей мобильностью, творческими способностями, умением и желанием вносить изменения в устоявшиеся понятия.

Как относятся к предпринимательству в Украине сегодня? Какие чувства и эмоции вызывает предприниматель у населения? Криминальный характер образования крупных и средних капиталов, коррупция органов власти, преобладание коммерческой и финансово-посреднической деятельности над производственной, слабость правового контроля за хозяйственной деятельностью, распространение рэкета, заказные убийства и т.д. привели к тому, что предпринимательство стало восприниматься не только как наиболее преступная сфера жизни, но и как источник криминализации всего общества. Сегодня можно привести массу примеров, когда богатым становится человек, не отличающийся высокой квалификацией, знаниями, талантом, деловой энергией. Гораздо более значимы — выгодные связи, пренебрежение к закону и морали, нахрапистость. Такое положение не соответствует социокультурным нормам и ценностям жителей Украины и поэтому воспринимается как нарушение социальной справедливости. Еще одна точка зрения в отношении людей бизнеса — достаточно примитивная, но характерная для нашей действительности, выкристаллизовалась в пословице: "От трудов праведных не наживешь палат каменных". Часть населения уверена, что разбогатеть в нашей стране можно либо обманом, либо взяточничеством.

Конечно, мы не утверждаем, что конфликт "население — предприниматель" в настоящее время является наиболее острым. Сегодня уже достаточно много жителей Украины готовы принять предпринимательство таким, каким оно есть, руководствуясь при этом прежде всего прагматическими соображениями: "Чем богаче предприниматель, тем лучше и для меня лично"; "мне все равно, насколько разбогатеет нанявший меня бизнесмен, если я у него буду хорошо зарабатывать", "в развитых странах, где очень много бизнесменов, почти все живут обеспеченно". Таким образом, в массовом сознании присутствуют и позитивные, и негативные

представления о "новых" деловых людях. Вопрос в том, какая точка зрения наиболее распространена среди населения. Чтобы выяснить, сколько "сторонников" и "противников" имеют бизнесмены, невозможно ограничиться рассмотрением одного вопроса: "поддерживаю — не поддерживаю", "за — против". В данном случае необходимо проанализировать не только общее отношение населения к предпринимателям, но и представления об их личностных характеристиках, выполняемых функциях, причинах правонарушений в предпринимательской деятельности.

С 1991 г. мы отслеживаем, как меняется отношение харьковчан к предпринимателям.

В общественном сознании горожан постепенно преодолеваются препятствующие развитию предпринимательства "комплексы" — неприятие личного успеха, сверхнормативной активности и т.д. В 1,8 раза по сравнению с 1993 г. возросло число тех, кто является "абсолютным" сторонником развития предпринимательства в Украине, почти на столько же стало меньше "встревоженных" и на том же уровне сохранились "ярые" противники бизнес-деятельности.

Вместе с тем следует отметить некоторую противоречивость массового сознания. В ответах на прямой вопрос "Как Вы относитесь к гражданам, пытающимся делать свой бизнес?" фиксируется определенный рост престижа украинских бизнесменов. Однако уточняющие вопросы свидетельствуют скорее о критичном отношении к новым деловым людям. Так, отношение к предпринимателям проявляется в оценке факторов, которые могут быть причиной правонарушений в предпринимательской деятельности.¹ Среди возможных были причины, согласно которым вина возлагалась на "систему" — на несовершенство законодательства и методы деятельности органов власти, и были объяснения, в которых виноватыми называли самих предпринимателей. Их обвинили в желании обогатиться любыми способами и связи с преступным миром. Мнения харьковчан в 1993 г. разделились приблизительно поровну. Наибольший вес набрали ответы, в которых причиной нарушения закона определяется несовершенство действующего законодательства (55%) и стремление бизнесменов обогатиться любыми способами (54%). Меньше всего жители города склонны обвинять предпринимателей в связи с преступным миром.

В ответе на этот вопрос проявляются общие социально-экономические ориентации. Преступника, стяжателя в предпринимателе видят люди старших возрастов, малообеспеченные,

¹ Исследование проведено в 1993 г., опрошено 1200 жителей г. Харькова.

пенсионеры, рабочие. Руководители, специалисты с высшим образованием, студенты, работники негосударственного сектора кореня зла видят в существующих законах.

Оценивая личностные характеристики предпринимателей, харьковчане прежде всего отмечают деловые качества представителей бизнеса — самостоятельность в принятии решений (средний балл при 3-х балльной шкале — 2,6), стремление к свободе, независимости (2,6), готовность к риску (2,5), общительность (2,4), организаторские способности (2,4).²

Вместе с тем, более 80% опрошенных подчеркивают, что сегодняшним бизнесменам в полной мере или отчасти присущи рвачество, стремление к легкой наживе. Самое “дефицитное” у них качество, по мнению горожан, — порядочность, честность. О его полном отсутствии у предпринимателей сказали 27% опрошенных.

Можно констатировать, что население большого города признает наличие деловых, организаторских способностей у граждан, занятых предпринимательской деятельностью, однако весьма критически в то же время относится к их моральному облику.

Следует отметить, однако, что баланс положительных и отрицательных оценок деятельности предпринимателей определить не так просто. Горожане постепенно приходят к пониманию того, что предприниматели, преследуя свои интересы, одновременно решают и вопросы социально-экономического развития общества: наполняют рынок новыми товарами (32%), создают новые рабочие места (28%), содействуют развитию новых видов услуг (23%), способствуют возрождению промышленности в Украине (11%). Однако, чаще называются дисфункциональные проявления предпринимательства: способствует ускорению процесса расслоения общества (41%), содействует развитию спекуляции (28%), порождает рэкёт (24%), приводит к разграблению Украины, вывозу природных ресурсов (24%).³

Такой баланс свидетельствует лишь о некотором преобладании в общественном сознании отрицательных моментов предпринимательской деятельности.

Таким образом, не зафиксировано значительное доминирование у жителей г. Харькова недоброжелательного, враждебного отношения к предпринимательству. Горожане хорошо осознают и позитивные и негативные стороны деятельности

² Исследование проведено кафедрой социологии труда и управления Харьковского государственного университета в 1993г. Было опрошено 499 жителей г. Харькова.

³ См. материалы исследования, проведенного кафедрой социологии труда и управления ХГУ.

“деловых” людей. Важно отметить и еще один факт. Несмотря на рост антирыночных настроений, отношение к предпринимателям ухудшается не столь существенно.

В ходе социологических исследований, проведенных нами в 1991-95 годах, мы выясняли отношение ко всем предпринимателям, предпринимательству вообще. Первые опросы (1991-93 г.) проходили без проблем, респонденты легко отвечали на поставленные вопросы. Однако со временем интервьюеры услышали встречные вопросы: “А кого можно назвать предпринимателями?”, “Какой тип предпринимателей Вас интересует?” Такой сбой произошел вследствие того, что понятие предпринимательства, как подчеркивает М.Шкаратан, применительно к современному обществу на эмпирическом уровне “неуловимо”, т.к. данная деятельность плохо институционализирована: не определены социальные роли тех, кто ею занимается, и нормы, эту деятельность ограничивающие [2].

Многочисленные трактовки предпринимательства, предлагаемые социологами, экономистами, психологами, пока еще не решают возникающей проблемы [1].

Вместе с тем необходимо понимать, что данный социальный феномен изучается достаточно интенсивно, и это вынуждает ученых так или иначе идентифицировать интересующий их объект.

В ходе последнего (1996 г.) исследования мы поставили цель, выяснить отношение жителей востока Украины к различным группам предпринимателей: — владельцам крупных предприятий, фирм, банков; — владельцам небольших предприятий, мастерских, булочных, парикмахерских и т.п.; — лицам, занятым индивидуальной трудовой деятельностью; — мелким торговцам, “челнокам”.

Мы сознательно ушли не только от упрощенной схемы типологизации предпринимателей — крупные, средние, мелкие, но и не стали давать слишком подробную классификацию бизнес-слоя (менеджеры-совладельцы, наемные менеджеры, предприниматели, самозанятые, бизнесмены-менеджеры, полупредприниматели) и т.д.

Представляется, что выделенные группы наиболее точно соответствуют представлениям “простых людей” о новых субъектах экономики.

Каково же сегодня отношение жителей Украины к предпринимательству? Результаты проведенного исследования выявили главную особенность нынешнего дня — толерантность. Около 40% опрошенных не высказали ни раздражения, ни приверженности к зарождающемуся слою. Нейтральное отношение к предпринимателям разных уровней фиксируется во всех выделенных социально-демографических группах.

Что стоит за этим фактом? Миллионы жителей Украины впервые начали учиться жить и работать в условиях рыночной

экономики, пользуясь предоставленной экономической свободой, и уже ощутили преимущества этой свободы. Это, во-первых. Во-вторых, сегодня уже невозможно представить страну без людей бизнеса, любим мы их или нет, но они есть, живут и работают рядом с нами. В-третьих, чувствуется некоторая усталость в поисках "виновника" всех бед — предприниматели не должны и не могут отвечать за развал экономики. И последнее. Горожане живут надеждами на стабилизацию общества, улучшение жизни в целом. И эти надежды связываются в том числе и с развитием предпринимательства.

А как же реагируют на развитие предпринимательства в государстве остальные 60% жителей Востока Украины? Здесь наблюдается интересная закономерность: 36-41% опрошенных резко негативно относятся к 2 группам бизнесменов — владельцам крупных предприятий, фирм, банков и мелким торговцам, челнокам. Позитивное отношение к этим группам высказали только 17-18% респондентов. Отношение к владельцам небольших предприятий, мастерских, булочных, парикмахерских и "индивидуалам" прямо противоположно — 38-44% участвующих в опросе положительно оценили их деятельность, 17-19% — были настроены негативно. Попытаемся разобраться в сложившейся ситуации.

Крупных бизнесменов мало кто любит. Эти "акулы" капитализма особенно раздражают людей старше 40 лет, со средним и неоконченным средним образованием, "бедных", рабочих, пенсионеров. Что они могут дать Украине? Рэкет и убийства, дифференциацию доходов, усиление поляризации бедности и богатства, сплошной обман (в качестве примера называются страховые компании) — именно так можно сформулировать претензии опрошенных к данной группе предпринимателей. За негативным отношением к "новым деловым" людям — более глубокий феномен: неприятие капитализма. В ходе интервью респонденты, особенно пожилые, часто говорили: "Нам не нужен капитализм, нам хорошо было при социализме". Сторонниками "крупного капитала" выступают молодые люди, особенно студенты, домохозяйки, наиболее обеспеченные горожане и, как ни странно, безработные. Именно у представителей этих групп респондентов позитивные оценки превышают негативные. Поведение молодых сегодня имеет ярко выраженный рыночный характер, и поэтому именно они говорят "да" капиталистическому хозяйству.

Еще один особенно нелюбимый народом слой — мелкие торговцы, "челночники". Результаты исследования показали, что число терпимо настроенных сравнялось с ярыми противниками данного вида бизнеса (41%).

Что особенно раздражает? Легкие, как кажется, заработки; дискомфорт при передвижении в транспорте, по городу, явно спекулятивный характер деятельности. Даже среди молодых людей

преобладает негативное отношение — большие затраты физических сил (пробовали-знаем), значительных капиталов не “сколотишь”. “Челночество” для них — вынужденный, временный вид деятельности.

Положительные эмоции присущи только 18% опрошенных. Представляется, что к их числу относятся сами “челночники”, а также те, кто понимает, что “чисто” процесс развития рыночных отношений не проходит нигде. Наш рынок, для которого характерен полный приоритет сферы обращения над сферой производства, — явление временное.

Следует подчеркнуть, что большинство населения понимает естественность и необратимость происходящих в обществе перемен. Зарождающийся негосударственный (включая и частный) сектор, где (по идее) должны действовать экономические законы “цивилизованного рынка”, — вот тот “росток”, с которым связываются надежды на подъем экономики Украины. Как отмечалось, одобряются горожанами и находят массовую поддержку владельцы мелких магазинов, кафе, ателье и т.д., а также те, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью.

Позитивное отношение к этим группам предпринимателей объясняется несколькими моментами. Во-первых, “эти люди трудятся, зарабатывают деньги своими руками”. Для пенсионеров именно данный фактор является наиболее значимым. Во-вторых, преодолевается один из дефектов структуры, сложившейся в СССР, — неразвитость сферы обслуживания.⁴

В-третьих, индивидуальная трудовая деятельность и открытие маленьких кафе, парикмахерских и т.д. дают возможность даже без наличия стартового капитала начать свое дело, попробовать себя в бизнесе.

Таким образом, анализ ответов на вопрос об отношении к деятельности различных категорий предпринимателей свидетельствует о противоречивости нового экономического сознания жителей Украины. На нынешнее экономическое сознание повлияли как идеологические штампы прошлого, так и собственный социальный опыт. Несмотря на социальную дезорганизацию, которая создает благоприятный фон для преступности, новые ценности, адекватные рыночной экономике, все же возникают.

Литература:

1. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность, 1995, №1, с.19-20.
2. Шкаратан М. Феномен предпринимателя: интерпретация понятий. М., 1993, с. 8-9.

⁴ Более 4/5 работающих в СССР были заняты в производственной сфере.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРИ РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Прогнозирование интегрируется в структуру управленческого цикла в качестве органичного и завершающего этапа диагностической работы. При планировании развития высшего образования, особенно при составлении долгосрочных прогнозов и планов, на первое место выдвигаются предположения, лежащие в основе прогнозирования не только количественных показателей системы высшего образования, а прежде всего качественных изменений. В первую очередь это касается пересмотра целей и приоритетов системы высшей школы. Сегодня, когда финансирование огромного количества вузов Украины весьма затруднено, насущным является выбор новых путей формирования системы высшего образования.

Прогнозирование предполагает создание альтернативных моделей будущего, которые ориентированы на выявление "проблемных синдромов" локального, регионального и социентального характера и конечно же прогноз призван выявить методы достижения альтернативных моделей будущего. Подобная методология подразумевает поисковое и нормативное моделирование. Задачи прогнозного поиска состоят в указании назревших социальных проблем; создании альтернатив будущего и выявление оптимальных управленческих решений для их достижения. Смысл нормативного прогнозирования — в целеполагании, выборе показателей к которым необходимо стремиться и по возможности достичь. Трудность нормативного прогнозирования заключается именно в выборе значимых целей, при достижении которых, возможно максимальные результаты. Для системы высшего школы насущным является определение понятия качества образования. Эффективность подготовки специалистов высшей квалификации, на наш взгляд, связана с разрешением противоречий в: содержании, структуре и управлении системой высшей школы.

Реформирование системы высшего образования можно отнести к социальным (общесоциальным) проблемам, которые носят циклический характер, т.к. возникают из одних и тех же закономерностей. В качестве таковых можно указать: переход цивилизации в новую эру — информационную или технологическую;

*Бирюкова М.В. — аспирантка социологического факультета
Харьковского государственного университета.*

формирование нового независимого государства — Украина. Также эти противоречия можно определить, как предметные, т.е. такие, которые фиксируют диспропорции между желаемым и действительным состоянием в данной области. Прогнозирование и разрешение проблем невозможно произвести без учета развития и состояния прогнозного фона. Создаваемый прогноз развития и реорганизации системы высшего образования в Украине с учетом региональных приоритетов должен быть рассчитан на 10-15 лет, т.е. по времени упреждения относиться к краткосрочным прогнозам. Почему именно так? В нынешней ситуации, когда страна выбирает новые приоритеты в социальном и экономическом пространстве, когда идет процесс построения новых общественных структур, основанных на новых экономических отношениях остаются не ясными требования к системе высшего образования. В ситуации, когда стабильность в обществе нарушена и идет процесс становления, моделирование любых социальных институтов возможно только с позиции поисковых прогнозов, когда количественные изменения преобладают над качественными, а качественные изменения возникают как последствия внешних изменений, так называемого внешнего влияния прогнозного фона. Именно с этих позиций можно говорить о том какой быть системе высшего образования, какой характер она должна носить: опережающий, с минимальным отставанием или соответствующий. Опять же исключительно с учетом нынешней ситуации, система высшего образования в нашей стране может носить характер соответствующий уровню развития сфер жизнедеятельности общества. Но отсутствие нормативного, целевого подхода можно компенсировать тем, что развитие системы высшей школы происходит одновременно с развитием и становлением всего общества, т.е. ей будут присущи нормативы и цели возрождающейся страны. Может возникнуть вопрос, чем же тогда будет отличаться новый подход в формировании системы высшего образования от существовавшей в бывшем СССР? При ответе на этот вопрос хотелось бы отметить, что система подготовки специалистов высшей квалификации в Советском Союзе давала ощутимые результаты и была достаточно эффективной, но она соответствовала потребностям в специалистах всей страны.

Система высшего образования Украины имеет большой потенциал, как научный так и образовательный, однако ее перестройка, реформа с учетом новых реалий крайне необходима. Анализ тенденции развития высшей школы и последствий, к которым может привести принятие управленческих решений в этой сфере — актуальная проблема большой сложности. Сложность ее решения обусловлена необходимостью учета многочисленных факторов, характеризующих развитие высшей школы во взаимосвязи с развитием всех сфер жизнедеятельности общества, и в частности

экономики. Наличие кризисных явлений, как следствий переходного периода, и формирование в Украине новых экономических, правовых отношений несомненно влечет за собой изменение требований к системе высшей школы.

В Украине система высшего профессионального образования насчитывает 928 учебных заведений в 24 областях, среди них вузов III-IV уровня — 167 учебных заведений из них: 29 академий, 63 университета и 75 институтов. Наиболее авторитетные среди вузов получили статус национальных (таких 5). В этой системе Харьков и область, выделяется степенью концентрации учебных заведений в одном регионе. По отраслевой направленности в Харькове сосредоточено треть всех вузов Украины, готовящих специалистов, для строительства и архитектуры; четверть вузов культуры и искусства. Одним из аспектов в реформировании образовательной системы, на наш взгляд, может стать региональный подход в политике управления и преобразования высшей школы. Главное достоинство которого в рациональном формировании системы подготовки специалистов высшей квалификации с учетом особенностей развития инфраструктуры данного региона.

Чтобы уменьшить вероятность ошибок при принятии управленческих решений по развитию высшей школы и избежать неоправданных затрат, необходимо предварительно опробовать решения. В литературе по проблематике прогнозов часто обсуждается вопрос о верификации прогностических моделей, сценариев. Для повышения эффективности разрабатываемых прогнозов — рассматривают парадигмы, в которых прогнозируют развитие самого объекта в взаимосвязи с другими объектами систем, а также изменения всех составляющих данного объекта прогнозирования.

Одним из способов научного обоснования управленческих решений, принимаемых при реформировании сложных социально-экономических систем, к которым несомненно относится высшая школа, является метод математического моделирования. Достоинство этого метода состоит в том, что без проведения натурных экспериментов и при уменьшении таким образом степени риска возможно обоснование оптимальных управленческих решений. Моделирование развития высшей школы возможно осуществить на основе моделирования развития группы вузов, объединенных по какому-либо признаку, например по отраслевой принадлежности. Далее процесс моделирования заключается в выборе типичного вуза в каждой из групп. Моделирование развития типичного вуза и прогнозирование его развития на заданном временном интервале возможно обобщить на всю группу объектов. Однако на практике классификация вузов по группам является сложной задачей, так как требуется построение репрезентативной и адекватной системы показателей (критериев) оценки деятельности вузов. С

математической точки зрения решение задачи классификации вузов возможно на основе применения современного статистического метода кластерного анализа. Этот эффективный метод предназначен для разбиения выборки объектов на классы (кластеры) на базе факторов (признаков), характеризующих группируемые объекты. Метод кластерного анализа применим к объектам различной природы, в том числе к вузам и всей системы высшей школы. Для решения задачи ранжирования вузов внутри полученных кластеров возможно применить любой из методов, позволяющий бинарное сравнение. Задача ранжирования вузов связана с задачей определения предпочтительности вуза не по одному показателю (критерию), а по вектору из ряда показателей. В этом случае возникает необходимость построения правил принятия решений относительно предпочтительности вузов в многомерном пространстве факторов. Для построения требуемых правил принятия решений широко используется теория полезности. В соответствии с этой теорией задается функция полезности, с помощью которой для каждого вуза определяется скалярная оценка на основе вектора показателей вуза. Следует отметить, что в нашем случае функции полезности можно рассматривать не только как функции количественных показателей, но и содержать качественные характеристики — цели и приоритеты системы высшего образования.

Среди них первостепенное значение отводится прогнозированию уровня и характера экономической активности на отдаленную перспективу и потребности в квалифицированной рабочей силе. Следующим шагом является установление целей подготовки специалистов по отдельным отраслям знаний. Третий шаг связан с общим экономическим прогнозом и сводится к определению потребности в специалистах каждой профессии, категории с тем, чтобы обеспечить уровень выпуска продукции.

Эти три уровня могут быть направлены на достижения глобальной цели: подготовка высококвалифицированной и высокообразованной личности, готовой на творческий поиск, самообразование, открытой инновациям, способной вывести страну из кризисного состояния.

Индикаторами достижения данной цели могут выступать:

1. Степень соответствия структуры высшего образования потребностям рынка труда.
2. Степень соответствия уровня подготовки специалистов высшей квалификации современному уровню развития общества.
3. Возможность удовлетворения запросов и потребностей отдельной личности в образовании.

В условиях ограниченных ресурсов достижение целей в реформировании системы высшего образования возможно путем выбора приоритетов и разрешения следующих вопросов:

- соотношение между региональным и централизованным управлением;
- соотношение между общеобразовательной и профессиональной подготовкой в вузах;
- соотношение между гуманитарным, техническим или технологическим образованием;
- соотношение между научно-исследовательской и педагогической деятельностью;
- соотношение между собственно высшим образованием и системой повышения квалификации;
- распределение ресурсов: концентрация их в избранных секторах или вузах либо более широкое распределение.

Навроцкий А.И.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ: ИСТОКИ КРИЗИСА

В последние годы во всем мире резко возрос интерес исследователей к проблемам развития образования. Это не удивительно, поскольку человеческое общество находится сейчас на этапе перехода к новому типу цивилизации, а весь предыдущий опыт развития человечества и, особенно опыт его развития в XX веке убедительно свидетельствует о том, что опережающее развитие образования является тем "инструментом", который способен облегчить и человечеству в целом, и отдельным странам и народам трудный путь перехода от одной эпохи к другой, заложить основы будущих высоких темпов прогресса, успешности и эффективности развития общества.

Иными словами, будущее человечества зависит от того, какая система образования будет сегодня создана. Этот достаточно общий тезис имеет для Украины важное конкретное значение. В периоды относительной стабильности в развитии цивилизации для того, чтобы ликвидировать сложившееся отставание между Украиной и наиболее развитыми странами потребовались бы весьма длительные и дорогостоящие усилия во всех сферах общественного производства с достаточно проблематичным конечным результатом. Сегодня, в революционную, переходную эпоху, когда будущие успехи не столь прямо и однозначно связаны с наличествующим уровнем развития страны, можно относительно быстро заложить основы "прорыва".

Навроцкий А.И. – кандидат социологических наук, докторант социологического факультета Харьковского государственного университета.

Украины в число стран-лидеров XXI века, в первую очередь за счет приоритетных усилий в реформировании образования. Это возможно в первую очередь потому, что в свое время, в 60-е годы, система образования в стране достигла высокого уровня и была заложена основа высокого по тем временам образовательного и интеллектуального потенциала общества.

Реформа системы образования¹ в Украине, несомненно, столкнется с рядом трудностей. Часть из них является общими для всех стран и связана с существующими общемировыми тенденциями развития. Содержание этих тенденций связано с наметившимся переходом от индустриальной к постиндустриальной эпохе в развитии цивилизации. Многие черты будущего постиндустриального общества сегодня еще не ясны, однако наиболее общие его характеристики отчетливо просматриваются и в переходную эпоху. Некоторые из них, которые непосредственно определяют основные направления реформы образования². Это в первую очередь связано с изменением технологической основы общественного производства, на смену машинным технологиям приходят информационные технологии; существенным возрастанием темпов НТП, кардинальные информационные и технологические изменения из циклических становятся перманентными; происходит изменение соотношения между сферами общественного производства, все меньшая и меньшая часть самодостаточного населения занята в традиционно "человекоемких" для индустриальной цивилизации промышленности и сельском хозяйстве, все большая — в сфере услуг, науке, образовании, культуре и т.п.; изменяется характер и содержание человеческого труда, человек исключается из процесса машинного производства и перестает зависеть от его содержания и скорости, труд "подчиненный" логике машинного производства все больше становится трудом "собственно человеческим": творческим, интеллектуальным; и, наконец, и это, вероятно, наиболее важная тенденция, определяющая основные направления реформы образования — объективно изменяется место человека в новом нарождающемся мире, человек из винтика в системе производства, во всей системе общественных отношений

¹ В данной статье речь будет в основном идти о реформе системы высшего образования, хотя автор в полной мере отдает себе отчет в том, что успех реформы будет во многом зависеть от того, насколько удастся создать единую целостную систему образования, преемственную на всех уровнях.

² Подробнее см.: Красильщиков В. Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. - 1993. - №2. - с.165; Toffler A. The adaptive corporation. L., 1985. P. 20; Бакиров В. Социальное познание на пороге постиндустриального мира // Общественные науки и современность. - 1993. - №1. - с. 70-71; Сухина В.Ф. Человек в мире информации. М., 1992.

превращается в подлинного, реального субъекта социального прогресса.

Эти общие закономерности развития человеческого общества сегодня требуют создания новой философии образования, изменения его парадигмы. Это убедительно показано в работах В.Е. Шукшунова и его коллег³.

Основные положения новой философии образования прямо вытекают из обозначенных выше тенденций развития человеческого общества и могут быть сформулированы следующим образом:

- Образование из социального института, "обслуживающего" научно-технический прогресс, должно превратиться в систему, ориентированную в первую очередь на развитие самого человека, его личности, творческих и интеллектуальных возможностей, культуры. Следовательно, необходима глобальная гуманитаризация образования, когда на смену "идеалу естественнонаучного разума" приходит идеал гуманитарного разума, содержащий в свернутом виде всю культуру".
- Главной целью образования должно стать не вооружение человека определенной (пусть самой современной) системой знаний об объективном мире и законах его развития и функционирования, а вооружение его "методологией творческого преобразования мира, методологией многовариантной, допускающей множественность правильных ответов". Направленность образования, таким образом, должна принципиально измениться. Оно должно быть ориентировано на будущее, нацелено на добывание "нового знания в процессе творчества".
- Организация образования должна измениться в сторону его индивидуализации, основанной на понимании человека, каждой конкретной личности как самобытной уникальной сущности. Отсюда вытекает неизбежность переноса "центра тяжести" образовательного воздействия с формирования определенных "качеств личности" (подобная задача является прямым следствием признания традиционной парадигмы образования) на формирование индивидуальных способов познания и преобразования личностью себя и окружающего мира.
- Необходима кардинальная перестройка системы управления образованием связанная с переходом от административно-

³ См. например.: Шукшунов В.Е. Высшее образование на пороге XXI века / Высшее образование: проблемы и перспективы развития: Материалы Вторых Академических чтений. - К, 1995. - с.11; Галенко С.П. Философские основания новой парадигмы образования // Высшее образование: проблемы и перспективы развития: Материалы Вторых Академических чтений. - К, 1995. - с.20

бюрократических способов управления к подлинно демократическим. Последнее включает в себя, с одной стороны, кардинальное изменение системы распределения полномочий и ответственности между всеми уровнями управления системой образования, изменение содержания и форм реализации властных полномочий, с другой стороны, — изменение сложившейся (хотя и традиционно отвергаемой в теории, но остающейся неизменной на практике) системы субъект-объектных отношений между основными участниками образовательного процесса, истинный переход к реализации идей “педагогике сотрудничества”.

Таким образом, приведенные выше характеристики, хотя и не в полной мере, дают представление о ключевых идеях, положенных в основу новой философии образования, призванной помочь “синхронизировать” процессы реформы системы образования с основными тенденциями развития цивилизации.

Наряду с общими для всех стран проблемами, реформы образования в Украине столкнутся с рядом трудностей, характерных для тех стран, которые образовали так называемое постсоветское пространство.

Существуют ли эти трудности, доставшиеся Украине в наследство от прошлого? Разве система образования в бывшем СССР не была, по крайней мере, столь же эффективна как и в развитых странах мира? Ведь в СССР было всеобщее среднее образование, качество которого неизменно подтверждалось высокими местами наших школьников на международных олимпиадах; была, по оценкам международных экспертов, одна из лучших в мире систем профессиональной подготовки и переподготовки трудовых ресурсов, причем образовательный индекс этих ресурсов был выше, чем во многих развитых странах мира; полностью отсутствовала дискриминация по гендерному признаку в получении высшего образования, и женщины составляли большинство студентов высших учебных заведений; существовали мощные научные школы, получившие международное признание и занимающие лидирующее положение в мире в ряде областей, определяющих развитие научно-технического прогресса (например, в области космических исследований, передовых военных технологий и др.); наконец, студенты и выпускники высших учебных заведений СССР постоянно подтверждали высокий уровень своей подготовки по результатам международных сравнительных анализов академической успеваемости.

Список этих достижений советской системы образования мог бы быть и продолжен. Причем большинство этих положительных оценок давали себе не только мы сами. Такие же выводы, анализируя

систему образования в СССР, делали и независимые международные эксперты⁴. На основе таких оценок родился и утвердился широко распространенное сегодня мнение о том, что система образования в СССР была достаточно эффективной и большинство сегодняшних бед связаны не столько с ее наследием, сколько с ее разрушением.

Надо однако вспомнить, что все эти несомненные успехи системы образования в СССР соответствовали мировому уровню в 60-е гг. С тех пор она практически не менялась, в то время как развитые страны Европы, Америки и Азии начали в 70-е гг. кардинальную реформу своих образовательных систем с целью приведения их в соответствие с особенностями информационного общества. Косность, неизменность отечественной системы образования в динамично меняющемся мире привели к росту глубины противоречия между ее возможностями и направленность с одной стороны, и требованиями общественного прогресса – с другой.

Нарастание этих противоречий было связано с особенностями экономической системы, спецификой рынка труда в СССР.

Положение на рынке труда, по оценкам зарубежных аналитиков [4], характеризовалось по меньшей мере двумя факторами, негативно влияющими на систему образования:

- диспропорция в накоплении труда и связанная с ней низкая трудовая мобильность трудовых ресурсов;
- неадекватная структура вознаграждения за труд.

Первое непосредственно вытекало из принципов "советской модели" плановой экономики и проявлялось в постоянном расширении или, по крайней мере, сохранении на прежнем уровне штатов работников предприятиями, ведомствами, министерствами. Это имело для них прямой экономический смысл, т.к. их деятельность оценивалась не по прибыльности, а по "валу", по объему произведенной продукции. Кроме того, расширение штатов зачастую влекло за собой дополнительное финансирование из центрального бюджета (или бюджета министерства) социальной сферы (строительство жилья, расширение сети ведомственных медицинских учреждений, дошкольных и образовательных учреждений и т.п.).

Естественно, такое накопление трудовых ресурсов сверх необходимого неизбежно приводило к снижению трудовой мобильности. По данным зарубежных источников, мобильность трудовых ресурсов в СССР неуклонно снижалась в период с 1965 по 1989 гг., несмотря на очевидный спад производства.

Неадекватная структура вознаграждения за труд проявилась двояко: в отсутствии значимых различий в вознаграждении за квалифицированный и неквалифицированный труд и в несвязанности неденежных вознаграждений (надо отметить, что значительная часть

⁴ Образование в Европе и Средней Азии. Политика реформ и совершенствования.

жизненно важных потребностей большинства людей удовлетворялась посредством системы неденежных вознаграждений, функционирующей на основе принципа, близкого к уравнительному) с уровнем образования, квалификации. Так, по данным статистики, зарплата неквалифицированных работников по отношению к зарплате квалифицированных работников в промышленности СССР составляла в 1980 г. — 92%, в 1985 г. — 95%, в 1989 г. — 85%.

Столь же плачевная ситуация сложилась и в самой системе высшего образования. Финансирование по остаточному принципу, неуклонное снижение заработной платы по сравнению со средним уровнем зарплаты в промышленности (в 1989г. заработная плата в образовании составляла 66,6% заработной платы в промышленности), слабая дифференциация заработной платы между категориями вузовских работников различного уровня квалификации, дискриминация в оплате труда научных работников в высших учебных заведениях — все это последовательно закладывало основы понижения престижа преподавательской деятельности в высшей школе, “работало” на создание антиинновационной атмосферы в системе высшего образования.

Очевидно, что эти макроэкономические факторы самым негативным образом влияли на систему высшего образования:

Низкая трудовая мобильность, с одной стороны, лишала систему образования стимулов к развитию, стимулов к введению новых специальностей и дисциплин, делала ее косной, инертной, приучала большинство работников системы образования к стабильности как в содержании читаемых курсов, так и в формах и методах преподавания (отдельные кампании по инициации развития новых форм и методов обучения так кампаниями и оставались, поскольку отсутствовали реальные стимулы к их внедрению и массовому тиражированию). С другой стороны, постоянное накопление трудовых ресурсов вне связи с эффективностью деятельности предприятия (учреждения, отрасли) лишали их работников стимулов к саморазвитию, к повышению квалификации, что опять же препятствовали развитию высшего образования (и это на фоне того, что в развитых странах эти формы образования занимали все большее место в структуре системы высшего образования вообще).

Относительно стабильная и малодифференцированная в зависимости от уровня образования и квалификации система вознаграждения за труд действовала в том же направлении и в полном соответствии с мотивационной “теорией справедливости”, лишало людей стимулов к получению более высокого уровня образования.

Таким образом, в обществе в целом и в рамках каждого отдельного предприятия, учреждения (в том числе и вуза) создавались все предпосылки для формирования “антиинновационной

атмосферы", понижения "инновационной способности нации" [2, с. 34-37].

Наряду с этим, как бы "внешними" по отношению к системе высшего образования факторами, и сама она, будучи прямым порождением существовавшего в СССР политико-экономического устройства, имела ряд внутренних проблем и противоречий. Вот, на наш взгляд, главные из них:

- Административно-бюрократическая структура управления системой высшего образования с четко закрепленными на каждом уровне управленческой иерархии полномочиями. Как правило, те уровни организации, на которых непосредственно осуществлялись функции подготовки специалистов, были отчуждены от принятия решений, позволяющих повысить эффективность собственной деятельности. Инертность и устойчивость этой системы была столь велика, что она успешно "ассимилировала" ягодинские реформы, направленные на демократизацию системы управления высшей школой.

- Излишняя департаментализация системы высшего образования, в результате чего интересы каждого конкретного подразделения доминировали над общими интересами. Наиболее наглядно это проявлялось в неоднократно фиксировавшихся во многочисленных исследованиях расхождении интересов, целей деятельности учебных и научных подразделений вузов.

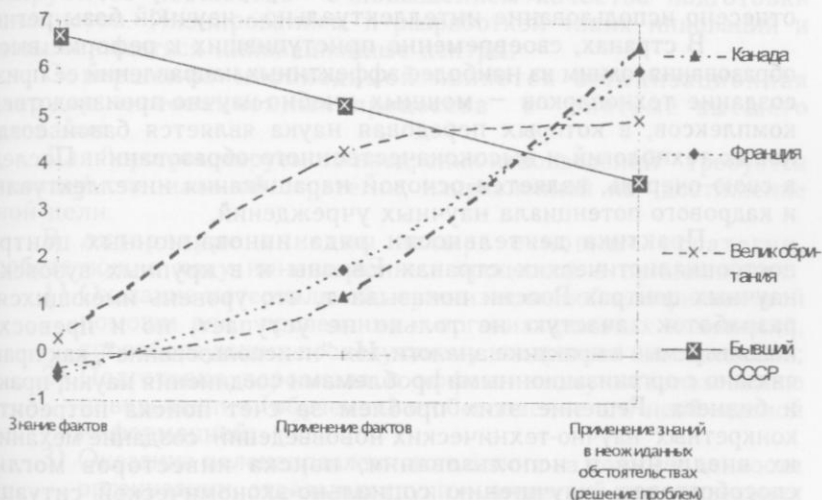
- Вертикальная структура подготовки специалистов, обуславливающая узкую специализацию программ профессиональной подготовки. Высшие учебные заведения были закреплены за отдельными секторами экономики (зачастую за отдельными ведомствами). Подготовка специалистов велась конкретно для данного сектора. Программы обучения были очень узко специализированы и готовили специалистов под конкретную должность (число таких программ специализации в СССР было в десятки раз больше, чем в развитых странах мира). Вся система была крайне статична и находилась в противоречии с любыми изменениями.

- Несбалансированность материальных и человеческих ресурсов, что проявилось в первую очередь в том, что в СССР было более высокое соотношение преподавателей и студентов, чем в большинстве развитых стран [3]. Т.е. система образования была излишне "человекоемкой", излишне большая доля финансирования расходовалась на фонд оплаты труда и слишком малая — на развитие материально-технической базы высших учебных заведений (оргтехнику, пополнение библиотечных фондов и т.п.). Высокая "человекоемкость" системы высшего образования была также обусловлена и тем, что в СССР численно преобладали малые и средние вузы. Это приводило к увеличению доли расходов на

содержание управленческого персонала, вспомогательных служб.

• Статичная направленность учебного процесса, непосредственно связанная с вертикальной структурой подготовки специалистов. Поскольку специалисты готовились для выполнения определенных функций в конкретных достаточно узких областях общественного производства, основной упор в учебном процессе делался на знание фактического материала. Следствия такой ориентации очень наглядно иллюстрируют данные Г.Ковалевой [1].

Сопоставление СССР и развитых стран по способности учащихся использовать научные знания

То есть, содержание учебного процесса в полной мере способствовало формированию личности статичной, не ориентированной на саморазвитие, не способной к инновационной деятельности.

Конечно же, автор проанализировал далеко не все проблемы Высшего образования Украины, уходящие своими корнями в "советское прошлое". Однако и те, что приведены в данной работе, позволяет сделать следующие выводы:

Высшая школа в Украине была полностью адекватна сложившейся в СССР политико-экономической системе. После разрушения этой системы, прекращения действия макроэкономических факторов, делавших существование такой организации высшего образования обоснованным и логичным в тех условиях, система

высшего образования во всех своих аспектах пришла в противоречие как с общими тенденциями развития цивилизации, так и с внутренней логикой развития страны. В этих условиях нужна комплексная программа ее кардинальной реформы, а не отдельные, не затрагивающие ее антиинновационной сути изменения.

Весь мировой опыт инновационной деятельности, результаты первых шагов реформы высшей школы Украины, данные многочисленных социологических опросов показывают, что инновационные процессы в системе высшего образования вряд ли будут протекать легко и безболезненно.

Необходимо создание инновационных центров на региональном уровне, которые решали бы целый ряд задач как содержательного так и обеспечивающего характера.

На наш взгляд, к таковым, в первую очередь, может быть отнесено использование интеллектуально - научной базы регионов.

В странах, своевременно приступивших к реформе высшего образования, одним из наиболее эффективных направлений ее признано создание технопарков — мощных учебно-научно-производственных комплексов, в которых передовая наука является базой создания новых технологий и высококачественного образования. Последнее, в свою очередь, является основой наращивания интеллектуального и кадрового потенциала научных учреждений.

Практика деятельности ряда инновационных центров в постсоциалистических странах Европы и в крупных вузовских и научных центрах России показывает, что уровень имеющихся там разработок зачастую не только не уступает, но и превосходит используемые в практике аналоги. Их “неиспользование”, как правило, связано с организационными проблемами соединения науки, практики и бизнеса. Решение этих проблем за счет поиска потребителей конкретных научно-технических нововведений, создание механизмов их внедрения и использования, поиска инвесторов могли бы способствовать улучшению социально-экономической ситуации в регионах и стране в целом.

Не менее важна и бизнес-инновационная деятельность в высшей школе.

Как правило, взаимодействие вузовской науки и производства оказывается неэффективным в силу несоответствия интересов различных сторон, отсутствия финансовой базы. Действующие в большинстве развитых стран бизнес-инновационные центры обеспечивают практическую полезность научной деятельности студентов, помогают конкретной фирме найти “своего” специалиста, а студенту - будущее место работы, “ведут” его на протяжении всего периода научной деятельности в вузе, обеспечивают финансовую базу перспективных разработок.

Способствовать большей эффективности инновационных

процессов могла бы и экспертная оценка инноваций в системе высшего образования.

Большинство предложенных нововведений в высшей школе Украины не были доведены до стадии внедрения и использования. Многочисленные исследования свидетельствуют, что одна из причин этого связана с необходимой предпосылкой инновационной политики. Дело в том, что все предлагающиеся инновации до сих пор носили обеспечивающий характер: они были направлены на модернизацию отдельных сторон жизни вузов, их цели не были прямо связаны с "конечным продуктом" - специалистом, отвечающим требованиям общества. В теории же инновационных процессов давно устоялось требование доминирования продуктовых нововведений. Последние неизменно "подталкивают" технологию. Следовательно, на стадии разработки инноваций необходимо особое внимание уделить связи планируемого новшества с повышением качества подготовки специалистов. Планированием и разработкой таких инноваций и должны заниматься инновационные центры.

Совершенно необходимой является организационная поддержка инновационных процессов в системе высшего образования.

Для "программируемого внедрения нововведений" требуется реализация специальной стратегии, направленной на достижение данной цели.

В литературе описаны четыре основные стратегии, способствующие ходу инновационных процессов в организациях:

- 1) Оказание материальной, организационной или финансовой помощи для проведения организационных изменений, способствующих последующему внедрению нововведений;
- 2) Подготовка персонала к эффективному использованию нововведения (обучение) и обеспечение его необходимой информацией;
- 3) Оказание целенаправленного влияния на нормы и ценности организации, отдельных групп и личностей для приведения их в соответствие с целями конкретных нововведений;
- 4) Проявление власти: установление правил, норм и санкций, создание действенной системы контроля за ходом инновационного процесса.

Первые две стратегии, направлены на увеличение возможностей реципиентов инноваций к их внедрению и использованию, а вторые две - на увеличение их заинтересованности в этом. Оптимальным, на наш взгляд, явилась бы разработка гибкой комплексной стратегии, направленной на внедрение конкретного нововведения, включающей в себя элементы всех названных выше стратегий и обеспечивающей учет специфики как конкретного новшества, тем и типа организации, где оно планируется к внедрению.

В практическом плане конкретные технологические и методические приемы организации "программируемого внедрения" нововведений могут выглядеть следующим образом:

- Информирование персонала организации о готовящихся преобразованиях, декларирование общих целей нововведения, объяснение их связи с "миссией" организации, обоснование необходимости этих преобразований. Форма реализации: лекции, совещания, беседы, распространение информационно - рекламных материалов и т.п.;
- Изучение структуры коллективных и групповых ценностей и интересов, выявление социальной базы "внедрения" и "невнедрения" нововведений. Форма реализации: социологический анализ;
- Привлечение выявленных "противников" инноваций к процессам планирования и внедрения нововведений. Форма реализации: совещание, конференции, деловые игры, сбор и анализ предложений и т.п.;
- Организация предваряющей подготовки и переподготовки персонала для облегчения адаптации к новым условиям. Форма реализации: тренинг, деловые игры, повышение квалификации и т.п.;
- Мотивирование персонала. Форма реализации: предоставление льгот и преимуществ (в том числе материальных) с целью получения согласия с планируемыми изменениями;
- Дозирование информации. Форма реализации: представление информации о готовящихся изменениях преимущественно в привлекательном виде.
- Опора на конкретного субъекта. Форма реализации: выдвижение отдельных лиц (групп) на главные роли в процессе разработки и внедрения нововведений с целью заручиться их поддержкой. (Есть опасность негативной реакции со стороны других групп коллектива);
- "Силовое давление" - мера необходимая в том случае, когда фактор времени при внедрении инноваций играет решающую роль. Форма реализации: использование угрозы увольнения, потери возможности продвижения по службе в случае неподдержания инноваций.

Важным условием эффективного использования предложенной технологии является комплексный характер ее применения. Акцент же на отдельные ее аспекты будет зависеть от таких ситуационных факторов, как кардинальность планируемых изменений (чем она больше, тем решительнее должна быть обеспечивающая стратегия); характер и интенсивность

“сопротивления” инновациям; статус и влияние тех групп (лиц), которые не принимают предлагаемые нововведения.

Выбор стратегии поддержки инновационных процессов, конкретных тактических приемов на основе научного анализа факторов ситуации и должны осуществлять инновационные центры.

Литература:

1. Ковалева Г. Сравнительная оценка научных и математических познаний студентов. Российская Академия педагогических наук, результаты международного исследования прогресса в области образования, М.-1993
2. Мякотин Ю.Г., Шукшунов В.Е., Взятых В.Ф., Сергиевский В.В. О принципах инновационного образования/Высшее образование: проблемы и перспективы развития: Материалы Вторых Академических чтений. - К, 1995.
3. ЮНЕСКО, 1993. Отчет об образовании в мире.
4. Guy Standing. Wages and Work Motivation in the Soviet Labor Market" ILR 130, 1991, #2

Кабачная О.В.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ И МЕТОДЫ РАЗРЕШЕНИЯ

Современное украинское общество переживает в настоящий момент период тяжелых трансформаций во всех сферах общественной жизни. Эти изменения, в большей мере связанные с экономическими, политическими структурами, находят свое отражение и в сферах социальных, культурных и т.д. Для данного периода прежде всего характерно стремительное крушение старых социальных образований и появление принципиально новых. Эти новообразования, с одной стороны, интересны с точки зрения тех новых отношений, принципов управления и контроля, которые формируются в них, с другой стороны, они представляют собой новые очаги конфликтной активности, которая также требует своего анализа, прогнозирования и управления, а следовательно, новых форм, способов и методов исследования и управленческой работы.

Данная работа является попыткой представления одного из таких способов, а именно практики Паблик Рилейшнз (ПР) как фактора анализа и разрешения конфликтов в организациях.

Отдавая себе отчет в многообразии смыслов, которые вмещает в себя данный термин, хочется сразу подчеркнуть, что речь будет идти не о каком-то конкретном виде организации (политической, экономической и т.д.), а об организации как о некоем “идеальном

Кабачная О.В. — аспирантка кафедры прикладной социологии
Харьковского государственного университета

типе", имеющем свои неотъемлемые характеристики, независимо от вида, типа организации, сферы ее деятельности. В данном случае, по мнению организационной теории, предлагается понимать дифференцированное и взаимно упорядоченное объединение индивидов и групп, действующих на основе общих целей, интересов, программ, имеющих общие нормы и ценности. Среди общих и неотъемлемых характеристик предлагается выделить, прежде всего, определенную иерархичность, наличие формальной и неформальной структур в самой организации, а также принципов и целей управленческой деятельности. Наличие общих характеристик в различных типах организаций позволяет также предположить наличие общих очагов конфликтов, их видов и типов, а значит вести речь и об общих принципах их разрешения.

Как правило, основной задачей управления любой организацией является объединения интересов всех ее членов ради достижения и реализации определенных целей организации. Для решения этой задачи существует множество способов, от применения системы стимулирования до использования властных полномочий и действий путем приказаний. Однако, в реализации основных задач управления существует целый ряд трудностей, связанных непосредственно с тем, что интересы всех членов организации не могут быть изначально едины и схожи, следовательно, в самой идее объединения интересов таится опасность конфликтов.

Сам по себе конфликт является неотъемлемой и естественной характеристикой любых социальных отношений. Однако, оценки конфликтных явлений теоретиками конфликта носят иногда прямо противоположный характер. Так, как известно, в понимании конфликта существует два основных направления. Представители первого направления понимают конфликт как естественное, закономерное и необходимое явление. Вследствие чего, именно конфликт занимает доминирующее положение при объяснении социальных процессов и изменений. Корни подобных представлений можно найти еще в трудах Аристотеля, Гоббса. Позднее они получили развитие в работах К.Маркса, М.Вебера, Р.Дарендорфа. Другое направление, напротив, уделяет основное внимание устойчивости и стабильности социальной жизни, поэтому и конфликт здесь предстает как явление не присущее системе изначально, а следовательно и нарушающее ее нормальное функционирование, неким нежелательным патологическим фактором. Сторонниками подобных взглядов можно назвать Дюркгейма, Парсонса, Смелзера, которые черпали свои идеи в трудах Платона, Руссо, Канта.

В связи с представленными выше позициями необходимо все-таки отметить, что они представляют собой две крайние точки зрения, своеобразные полюса в понимании конфликта. Поэтому не стоит преувеличивать либо преуменьшать роль, которую, играет конфликт в современном обществе, концентрируясь либо исключительно на

его созидательной стороне, либо подчеркивая только его деструктивную силу. Гораздо более продуктивным для понимания и объяснения конфликта как реального либо потенциального противоречия интересов, ценностей, мнений, является представление конфликта как потенциального спутника всех социальных отношений, неотъемлемого элемента социальной действительности, который выполняет свои конкретные функции, имеет свои закономерности, знание которых необходимо для прогнозирования и управления конфликтом. Конфликт не является признаком "больных" социальных отношений, как пытаются представить его некоторые авторы, и тем более не является признаком "больного" общества. Наоборот, конфликтность общественных отношений — признак их здоровья, того, что общество действительно функционирует, развивается под воздействием различных, часто противоположных интересов, потребностей, ценностей его членов. Иными словами, бесконфликтность, в этой связи, невозможна, поскольку означала бы застойные явления в обществе. Другое дело, на каких основаниях возникает конфликт, как протекает, чего он требует от своих участников, к каким последствиям способен привести. Именно эти вопросы требуют осмысления, изучения, поиска вариантов решения.

Установив естественность конфликта в обществе, необходимо вернуться к конфликту в организации, для которой конфликт также является неотъемлемым и естественным явлением. В каких же сферах наиболее часто происходит конфликт в организациях? Не претендуя на всеобъемлющее описание конфликтных сфер в организации, попытаюсь выделить наиболее вероятные. Итак, первой линией конфликта являюся отношения организации с внешней средой. Всегда при анализе деятельности организации необходимо рассматривать ее как систему, действующую в определенном окружении, которое понимается как нечто, порождающее изменения, влияющее на жизнедеятельность системы. Эти изменения могут иметь различные формы, проистекать из различных источников. От их характера зависит как деятельность и жизнеспособность организации, так и характер отношений организации и ее социального окружения. Внимание к этим двум элементам социальной системы, так и к их отношениям являются необходимым, поскольку возможное несоответствие целей, интересов, потребностей организации и окружения, а также нежелание их взаимосогласования способны не только вызывать конфликтные ситуации, но и приводить к деструктивным явлениям в организации.

Следующие линии конфликтов находятся уже в самой организации. Здесь, например, можно выделить целый ряд конфликтных явлений, связанных как с деятельностью самой организации, так и с управлением ею. Так, конфликты могут возникать по линии вертикального разделения труда, т.е. между руководством

и подчиненными. Как и любая другая форма социального

организации и подчиненными. А также по линии горизонтального разделения труда, что в основном связано непосредственно с деятельностью организации: недостаточно точным разграничением функций и полномочий организационных подразделений, недостаточной эффективностью деятельности отдельных подразделений, препятствующей достижению целей организации т.д. Кроме того, еще одним очень важным очагом конфликтов в организации может служить несовпадение ее формальной и неформальной структур. Эти конфликты носят преимущественно ценностный характер. И, наконец, последняя сфера конфликтов в организации — это сфера межличностных отношений. Выделению этого класса конфликтов можно возразить, что все конфликты, описанные ранее, так или иначе являются межличностными. Однако, если ранее речь шла об индивидах, занимающих ту или иную конкретную позицию в организации и выступающих в конфликте именно с этих позиций, то последний класс конфликтов представляет членов организации как носителей определенных психологических характеристик и свойств, которые обуславливают их стиль поведения, принятия решений и т.д..

Хотя, как уже отмечалось, конфликты являются вполне естественным явлением и довольно часто выполняют в организации такие важные функции как внедрение инноваций, объединение коллектива вокруг решаемой проблемы и др., однако, многие конфликты могут стать пагубными для организации в целом, приводя к потере квалифицированного персонала, растрачиванию усилий на реорганизацию, а также к ухудшению общего психологического климата в организации. Так, исследования американских ученых в области менеджмента свидетельствует, что около 25% времени, затрачиваемого на управление, уходит на улаживание конфликтов, причем это время увеличивается до 30% для руководителей низшего звена [1].

Каким же образом обратить конфликт на службу организации, а в некоторых случаях вообще не допустить его?

В настоящее время известно значительное количество различных стилей поведения в ситуациях, когда конфликт уже стал реальностью, т.е. методов разрешения конфликтов. Довольно обширную группу среди них представляют психологические методы, по-разному изображающие как саму природу конфликта, так и роль различных параметров: эмоций, психологических типов и т.д. в нем. В частности, Д.Дэн представляет все человеческие отношения потенциально конфликтными, наполненными различными эмоциями, от которых невозможно избавиться и которые невозможно преодолеть, как невозможно изменить свой образ мышления. Вследствие этого, данный автор считает необходимым не бороться с эмоциями, а сконцентрироваться на собственных поведенческих действиях в

сложившейся ситуации [1]. Напротив, рационально-интуитивный метод, хотя и признает значительное влияние эмоционального фактора в конфликте, считает необходимым подавление собственных эмоций, поскольку лишь в этом случае возможно прийти к какому-либо разумному, "рациональному" решению. Оба вышеупомянутых метода используют в той или иной степени метод "принципиальных переговоров", рекомендуемый в ходе поиска выхода из конфликта отделение человека от проблемы, концентрацию на интересах участников, а не на их позициях, поиск взаимовыгодного решения конфликта без ущемления интересов одной из сторон и т.д. Надо отметить также, что рационально-интуитивный метод наряду с признанием роли рационального мышления в разрешении конфликта (проявлением чего служит использование метода "принципиальных переговоров") не менее важное значение придает роли интуиции. Ее использование возможно, например, при применении метода "мозгового штурма", в целях нахождения выхода из сложившейся конфликтной ситуации.

К методам разрешения конфликтов в организациях также могут быть отнесены и исключительно административные меры, предполагающие различные перестановки, перераспределение членов организации, а иногда и их увольнение для ликвидации самого очага конфликта.

Однако, разрешение конфликта, поиск выхода из конфликтной ситуации бывает затруднен тем обстоятельством, что на стадии открытой конфронтации участников конфликта трудно, а иногда и невозможно восстановить его первопричины, хотя именно они зачастую играют основную роль в выборе методов разрешения конфликта. То есть речь идет о необходимости хорошо разработанных методов анализа причин конфликта. К ним, например, может быть отнесен ситуационный анализ, но применительно к анализу причин конфликта, эти методы в настоящий период либо еще не получили достаточного развития, либо применяются в отрыве от методов разрешения конфликтов. Подобная бессистемность, отсутствие обусловленности применения того или иного метода разрешения конфликта значительно затрудняет деятельность по поиску выхода из сложившейся конфликтной ситуации и снижает эффективность как аналитической деятельности, так и действий по разрешению конфликта.

В этой связи хочется обратить внимание на практику ПР как фактор прогнозирования и разрешения конфликта. Почему именно технологии ПР представляются в данном случае необходимыми?

Прежде всего, любой конфликт — это одна из форм социального взаимодействия, имеющая своей спецификой рассогласование целей, ценностей, интересов, потребностей участников этого взаимодействия. Как и любая другая форма социального

взаимодействия, конфликт подразумевает коммуникацию, и именно от эффективности коммуникации зависит качество социального взаимодействия. Под коммуникацией здесь понимается процесс взаимообмена информацией между отдельными людьми и группами людей, в котором обе стороны играют активную роль. При этом эффективность коммуникации предполагает наличие устойчивых ожиданий членов коммуникационного процесса в отношении получения некоторой информации, ее качества и количества, наличие обратной связи, ее силу и постоянство. То есть можно сказать, что у любого конфликта помимо целого комплекса причин есть еще одна очень важная сторона — информационная. Избыток, как и недостаток информации, а также ее качество, своевременность поступления и т.д. могут стать как побочными, так и непосредственными причинами конфликтов. Поэтому, коммуникационный процесс на уровне организации требует постоянного контроля и управления его ходом.

Кроме того, разрешение конфликтов всегда должно базироваться на анализе причин, его породивших, который может быть значительно затруднен при отсутствии систематического изучения, анализа ситуации как на уровне организации, так и в отношениях организации и ее окружения. Именно эти аргументы свидетельствуют в пользу деятельности ПР как фактора прогнозирования и разрешения конфликтов.

Теория и практика ПР, развивающаяся и успешно применяющаяся в странах Европы и США практически с начала века, начинает завоевывать популярность и в нашей стране. ПР представляет собой функцию управления, состоящую в установлении, поддержании и развитии эффективной коммуникации как между организацией и ее окружением, так и внутри организации.

Данная деятельность, во-первых, предполагает тщательный контроль за всеми элементами коммуникационного процесса: источниками, каналами сообщений, особое внимание при этом уделяется качеству и количеству передаваемой информации, анализу воздействий, которые оказывает передаваемая информация на получателя. На уровне организации подобная деятельность выражается в формировании и контроле информационных потоков между ее подразделениями, между подразделениями и руководством. На уровне отношения организации со внешней средой — это паблисити, проведение рекламных кампаний, организация деятельности пресс-агентств и отделов по общественным связям. Подобный контроль коммуникационных процессов способен исключить информационный фактор конфликтов, или, по крайней мере, его минимизировать.

Во-вторых, любые действия, предусмотренные ПР программой, обязательно базируются на результатах систематических сборов информации, касающихся как деятельности организации, так и

отношения к ней самих членов организации и различных социальных групп, составляющих ее окружение.

В-третьих, программа ПР — это целый комплекс действий, цикл, начинающийся поиском как реальных, так и потенциальных проблем и проблемных ситуаций, выводы о которых основываются, как уже отмечалось, на базе информации о деятельности организации, и заканчивающийся оценкой результатов внедрения действий, предусмотренных программой. Подобная цикличность обеспечивает преемственность всех этапов программы.

Основываясь на собранной информации, при помощи системного, ситуационного анализа идет поиск причин, приведших (либо способных привести) к конфликту, а затем именно, на основании причин, выявленных этими аналитическими действиями, подбираются конкретные методы разрешения конфликта.

Это позволяет предвидеть зарождающиеся очаги конфликтов, а следовательно помогает не допустить часть из них, либо более эффективно разрешить уже актуализировавшиеся конфликты на всех стадиях их протекания.

Литература:

1. Д.Дэн. Преодоление разногласий. — Санкт-Петербург: АОЗТ "Институт личности", 1994
2. Джини Грехем Скотт. Конфликты. Пути их преодоления. — Киев: Внешторгиздат, 1991
3. Р.Фишер., У.Ури. Путь к согласию. — М. "Наука", 1970

Редько О.А.

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ

Творчество может выступать в роли особого средства решения конфликтной ситуации. При этом целесообразно рассмотрение творчества не только в психологической традиции (З.Фрейд), но и в социокультурном контексте. Последнее становится особенно значимым при видении конфликта как ситуации экстремальной. Здесь творчество предстает в единстве личностного и социального аспектов: в каждом из них по-своему присутствует ценностный компонент, наиболее ярко проявляясь на грани их пересечения.

Как известно, конфликт может развиваться циклично, если проходя фазы своего развития (предконфликтная, возникновение,

Редько О.А. — аспирантка кафедры социологии Харьковского государственного университета

развитие, кульминация, развязка) конфликт не снимается полностью, а по каким-то причинам нерешенные проблемы оказываются загнаны вглубь. Накапливаемые негативные эмоции в конце концов приводят к новому витку конфликта. Конфликтный цикл не всегда негативен, негативен цикл, который не приближает к решению проблемы, не поддерживает равновесия, а только истощает силы участников конфликта, ведет к потерям (материальным, физическим, психологическим), к ухудшению и разрыву отношений и т.д.

Выйти из негативного цикла очень сложно, как правило, здесь безрезультатно применение традиционного арсенала методик (оптимизация поведенческих реакций, поиски компромисса, выработка взаимовыгодных соглашений и пр.). Могут оказаться бессильными и психотерапевтические методы. "Уход" также может быть невозможен или неэффективен (можно уйти от противника, но не уйти от себя, от своих переживаний конфликта). Особое значение здесь приобретает "явление конфликта в сознании". Преодолеть его помогают различные нетрадиционные методики, в качестве одной из которых мы предлагаем рассматривать творчество.

Вспоминается роман М.Цветаевой "Наталя Гончарова", где образно описывается переживание конфликта между Н.Гончаровой и М.Ларионовым:

"И вот — разминка, размолвка двух художников, три дня не видящихся, не забудем, как это много в начале дружбы и жизни. — "Прихожу — вся стена в чудесах. Кто это делал? — Я..." С тех пор — пошло. Магических три дня, когда, никого не ожидая, ни на что не рассчитывая, от огорчения, от злобы — сердце сорвать! — Гончарова, сразу как по заказу поняв, в чем дело, сразу как по заказу заполняет целую стену первой собой. (Другая бы сидела и плакала.) Дружке обязана первым осознанием себя живописцем, ссоре — первым живописным делом" [1].

Выход из негативного цикла возможен через творчество только при проникновении его ценностью. Только тогда творчество может помочь разрядке эмоций, выходу конфликтной энергии, дать возможность переключения, отвлечения, ухода от конфликта в иную сферу деятельности. Творчество может стать возможностью "проигрывания" конфликта в сознании, снятия его в сознании через переосмысление ценностей, нейтрализации или смягчения его эмоционального переживания, а также стать возможностью поиска оптимального решения. В последнем смысле это созвучно подходу Р.Акоффа, считающего, что поиск оптимального решения является искусством и содержит в себе элемент эстетизма. Красота решения, найденная в результате творческого откровения, интуиции может стать ступенью к гармонии, к внутреннему уравновешенному состоянию, к переплавлению дисгармоничности окружающего мира в гармонию стихов, прозы, музыки, красок.

Для людей творческих, глубоко переживающих несовершенство мира, жизнь часто становится непрерывной цепью сменяющих друг друга негативных циклов, в которых порой единственным спасением, не дающим преступить роковую грань, является творчество, но когда и оно уже не спасает, когда рушится ценностный мир и не за что ухватиться в жизни, тогда уже — трагическая развязка.

Множество жизненных и глобальных конфликтов находят свое выражение в творчестве. Сложно вспомнить “гладкую” биографию поэта, писателя, художника. Примечательна биография С. Дали, который, кроме своего творчества (многие его картины — отражение различных конфликтов и сложных переплетений отражения реальности в сознании), давал возможность выхода конфликтной энергии, благодаря различным скандалам, абсурдному для повседневного восприятия поведению, несуразностям, своего рода безумному протесту шута и гения. Возможно, это помогало ему в какой-то степени избавиться от конфликтности мировосприятия, снять груз конфликтов, отраженных в сознании.

Ярким примером того, как конфликт с окружающим миром переплавляется в гармонию стихов является поэзия серебряного века, возникшая на изломе веков и судеб. Конфликты В. Маяковского, С. Есенина, М. Цветаевой, Б. Пастернака, М. Цветаевой — можно очень долго перечислять фамилии поэтов, вспоминая страницы их биографий, зачастую непреодолимо трагичных, и одновременно вспоминая строки их стихов. Переживая конфликты в своем сознании, проигрывая различные модели их развития или же освобождаясь от переполняющей отчаянной конфликтной энергии, они создавали возможности снятия явления конфликта в сознании, избавления от навязчивых образов этих конфликтов. Но часто и этого было мало, чтобы избавиться от всеохватывающего конфликта, и это привело многих к последней черте — к самоубийству.

Хотелось бы обратиться к биографии и произведениям Ф. Кафки, ярко иллюстрирующим переживание и отражение конфликтов в сознании и в художественных произведениях. По свидетельству биографов, жизнь Ф. Кафки была переполнена конфликтами. Пережитые им конфликты, отраженные в сознании, дополненные его поэтическим воображением, послужили основой его романов. На самом деле, в хитросплетениях сюжетных линий, в создаваемых им образах мы видим отражения конфликта Ф. Кафки со своим отцом, переплетения его “любовных конфликтов” с Дорой Димант, Юлией Вохрызек, Миленой Есенской, Фелицей Бауэр, пересечения глобальных конфликтов и конфликтов повседневности. В романах Ф. Кафки отражено его внутреннее конфликтное состояние: стремление к творчеству и работа, отрывающая от творчества, негативное отношение к пустым переплетениям бюрократического

аппарата, его неприятие жизни чиновника, но служба чиновником, переживание многочисленных страданий людей, которые видел Ф.Кафка по роду своей службы в ведомстве по страхованию от несчастных случаев на производстве, ощущение экономической и политической неустойчивости в современном ему обществе. В переплетении фантастических образов его произведений улавливается нравственно-этическое переживание окружающей действительности. В созданных им образах (выпуклых, гротескных) высвечивается прежде всего экзистенциальная сущность переживания явления конфликта в сознании.

Исследователи творчества Ф.Кафки часто приводят отрывок из письма Милены Есенской, который, на наш взгляд, отражает особенности интерпретации конфликтов окружающего мира в сознании и остроту их переживания: "Для него жизнь является чем-то совершенно иным, чем для всех других людей; деньги, биржа, пункт для обмена валюты, даже пишущая машинка — вещи в его глазах абсолютно мистические (и они действительно таковы, только мы, другие, этого не видим), они для него самые удивительные загадки. Нет у него убежища, нет крыши над головой. Поэтому он целиком во власти того, от чего мы защищены. Он — как голый среди одетых" [2]. Становится понятной насыщенность моделями конфликтов его произведений, их "выпуклость" и "пережитость", импульсивная сила создаваемых им образов: образов-выходов, уходов, исходов, символизирующих если не преодоление внешних конфликтов, то победу над собой и над миром. Не случайно Ф.Кафка хотел избавиться от своих произведений: он боялся, что выплеснутые им конфликты будут преследовать его даже после смерти.

По свидетельству биографов и современников, Ф.Кафка везде чувствовал себя чужим и чужеродным (как и его герой К. в романе "Замок"). Его маргинальность и чужеродность усугублялась чувством одиночества творческого человека, отчужденного и от общества, и от своих произведений, и даже от самого себя, возможно поэтому важным для него было творчество не как результат, а как процесс — освобождения, преодоления ограниченности человеческого существования. Это созвучно экзистенциальному осмыслению творчества А.Камю, саморефлексии о творчестве Н.Гумилева, гуманистическому пониманию смысла творчества Э.Фромма.

Смыкание конфликтов межличностных и глобальных происходит через проблему нравственного выбора. Здесь мы сталкиваемся с особым восприятием — личная трагедия переживается как мировая (Н.А.Бердяев), а мировая — как личная. Искусство в ярких красках личностных интерпретаций дает нам множество отражений глобальных конфликтов, катастроф и потрясений, в которых проявляется нравственный выбор в экстремальной ситуации. В отличие от традиционного изучения

общественного мнения и массового сознания это дает нам возможность проникновения в уникальные ценностные интерпретации (автора и созданных им многогранных образов). Проникновение нашего "Я" в интерпретации других — это и преодоление "барьера времени", и "связь культур". Но одновременно это и возможность создания многомерной картины, отличной от видения усредненного массового сознания. Также это возможность выхода из негативного цикла, и яркие, глубокие произведения выступают как спасительные вехи, которые помогают общественному сознанию выйти из негативного цикла социальных конфликтов. Осуществляется же это, прежде всего, через преемственность гармоничных ценностей культуры.

Творчество и сегодня может стать основой преодоления кризиса — через формирование гармоничных ценностей, через поддержание поломанных их ростков. Но нужно помнить, что творчество становится возможностью выхода из негативного цикла лишь в случае принятия его как ценности, а также помнить, что творчество не до бесконечности выживаемо. Без этого невозможно осуществить путь от хаоса — к порядку, и от конфликта — к гармонии.

Литература:

1. М/Зwetajewa. Gedichte, Prosa. (rusisch und deutsch). Reclam-Verlag, Leipzig, 1990. S. 222.
2. Ф.Кafka Америка Процесс. Из дневников. /Предисловие Д.Затонского, М., Политиздат, 1991, с. 7-8

Саппа Н.Н.

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В СТОЛКНОВЕНИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

На рубеже XX века под угрозой полной деградации природной среды и существования человечества вследствие дальнейшего углубления экологического кризиса возникла проблема переосмысления организации общественно-экономической жизни. Наиболее широко эту теоретическую проблему можно ограничить рамками так называемого инвайронментализма — общетеоретической и мировоззренческой ориентации, в центре внимания которой находится взаимодействие социальных образований с их средой. Влияние инвайронментализма в настоящее время прослеживается

Н.Н. Саппа — докторант социологического факультета
Харьковского государственного университета

в различных сферах теоретизирования: в философии, социологии, праве, экономике, этике, эстетике и др. И хотя инвайронментализм как мыслительное движение возник еще в начале века, лишь энергетический кризис 70-х годов, явственно указавший на принципиальную ограниченность природных ресурсов и зависимость жизнедеятельности общества от них, пробудил в обществе массовый интерес к инвайронментализму и заставил многих людей иначе взглянуть на характер взаимодействия общества с природной средой. Впервые были широко подвергнуты сомнению возможности экспоненциального экономического роста да и сами представления о техническом прогрессе как о бесспорном благе. Возникает даже имеющая своих сторонников концепция "антироста" (Э. Шумахер), которая рассматривает индустриальное общество как тупиковый путь развития.

Римский клуб как международная неправительственная организация, исследующая глобальные перспективы развития, внесла немалый вклад и в разработку экологической проблематики. Весьма примечательно, что уже в первом докладе клуба "Пределы роста" (1972 г.) отмечалось: существуют физические пределы не только промышленного производства и роста народонаселения, но и пределы обусловленные рамками самой природы, а это приводит к необходимости рационального пересмотра бытующего сугубо потребительского отношения человека к природным благам. Индустриальное общество в своем дальнейшем развитии, ориентированном на безграничный экономический рост, будет все ближе и ближе подходить к тем пределам, выход за которые может положить конец существованию человечества. Таким образом в "Пределах роста" проблемы развития видятся его авторами исключительно через призму экологического кризиса [8, стр.91-95]. Этот взгляд присутствует и в дальнейших работах Римского клуба.

Примерно в это же время У. Кэттон и Р. Данлэп, анализируя существующие социологические теории в части, объясняющие социально-экологические противоречия общественного развития, выделили некоторые общие их характеристики: антропоцентризм, социальный оптимизм, антиэкологизм, берущие начало в "западном мировоззрении". На этом основании все существующие социологические теории они отнесли к "социологической парадигме человеческой исключительности", которую объявили несостоятельной. Обобщая опыт, накопленный инвайронментализмом за десятилетия его развития, и стремясь привнести в социологические теории принцип гармонического взаимодействия общества со средой, Кэттон и Данлэп противопоставили данному подходу свою "новую инвайронментальную парадигму", в которой отказываются от антропоцентризма. Закономерность ее появления обосновывается

авторами "изменением социальной реальности" — переходом из "века изобилия" в век "пост-изобилия". Положения парадигмы сводятся к следующим утверждениям:

- люди, хотя и обладают исключительными характеристиками (культура, технологии и т.д.), остаются одним из множества видов, взаимозависимо включенных в глобальную экосистему;

- человеческая деятельность обусловлена не только социальными и культурными факторами, но и сложными связями в социо-природной системе, поэтому направленная человеческая деятельность может иметь и неожиданные последствия;

- люди живут в конечной биофизической среде, которая налагает определенные ограничения на их деятельность;

- изобретательность людей и приобретаемое благодаря ей могущество увеличивают до некоторой степени несущую способность социальной среды, но технологический прогресс ограничивается там, где он вступает в противоречие с экологическими законами [1, стр.38-39].

Существо расхождений между экономическими и экологическими приоритетами развития общества представляется инвайронменталистам следующим образом:

- экология воспринимает действительность в перспективе ограниченных возможностей природной среды, экономика делает ставку на неограниченный рост. Этот рост начинает навязывать людям сверхвысокое потребление окружающей среды, что ведет к уничтожению экосистем;

- экономика — дисциплина, которая оперирует определенными схемами и моделями, она не использует такой параметр, как природа, хотя своей деятельностью ее затрагивает;

- экология — междисциплинарная наука, которая учитывает состояние природы, условия развития всех живых организмов от бактерий до человека, здоровье и будущее поколений;

- экология видит природу как единое целое, в котором хозяйственная деятельность человека является только ее частью;

- экология воспринимает природу как условие существования человека; экономика же более антропоцентрична и направлена лишь на материальное удовлетворение человека;

- основания экономики — идеи прогресса, развития, чьи критерии носят индивидуальный или групповой характер. Развитию часто сопутствует рост, накопление благ, и их превосходство над развитием может привести к катастрофам. Экология настаивает на прогрессе уравновешенном, исключающем катастрофы;

- экономика делает ставку на хозяйственный рост, согласно экологическим взглядам рост не равен экологическому благополучию.

- экономика оперирует такими ценностями как

общественное благополучие, количество и качество благоудовлетворения человека, его потребности. В экологии ценностью есть жизнь в целом, во всех ее проявлениях и формах, она полагает необходимым улучшать уровень жизни людей, не разрушая их природной среды [7].

Идеи главенства экологического перед экономическим, высказываемые инвайронменталистами, находят поддержку и в широких слоях населения различных стран. Так в ходе опроса "Здоровье планеты", проведенного Международным институтом Дж.Гэллага в 1992 г. в 22 крупнейших странах мира [5], респондентам был задан вопрос: "С каким из двух утверждений относительно экологии и экономики Вы более согласны: защита окружающей среды должна быть приоритетна, даже за счет замедления экономического прогресса — или приоритетным должен быть экономический рост, даже если от этого страдает экология?" Весьма показательно, что в 20 странах большинство респондентов выбрали защиту окружающей среды, а в двух остальных (Индия и Турция) такой выбор сделали по 43% опрошиваемых. При этом большинство респондентов в 16 странах, включая такие развивающиеся страны как Индия, Мексика и Чили, были, по данным опроса, "согласны платить более высокие цены, чтобы индустрия могла лучше защитить окружающую среду".

Для претворения своих взглядов в жизнь инвайронменталистами во многих странах мира были созданы активно действующие неправительственные природоохранительные организации и партии "зеленых", ставшие в ряде парламентов заметной политической силой.

Таким образом, существуют две противоположные ценностные позиции на дальнейшее развитие общества:

- "потребительский" подход, основополагающей ценностью которого является неограниченный экономический рост и обеспечение все возрастающих потребностей человечества;

- "инвайронментальный" подход, опирающийся на мировоззрение "устойчивого" (сбалансированного) развития, как стратегию развития общества на его пути к состоянию коэволюции человека и природы.

С позиций устойчивого развития становится заметным несовпадение экономических и экологических целей жизнедеятельности современного общества. Противоречия в отношениях между сторонниками этих полярных взглядов на развитие общества порою достигают конфликтной остроты — реализация намерений одной из сторон зачастую связана с преодолением сопротивления другой стороны, возникающем в ходе этой реализации. Известно, что любое социальное напряжение может перерасти в социальный конфликт при соответствующих условиях.

Так и по отдельным аспектам проблемы, связанной с охраной природы, время от времени возникают локальные конфликты между сторонниками различных подходов к природопользованию и природоохране. И хотя эти конфликты зачастую разрешаются на основе временных компромиссов, противоречия их иницирующие, как показывает практика, не снимаются полностью.

В практической конфликтологии с наибольшим эффектом поддаются регулированию конфликты по поводу материальных ресурсов. Материальные ресурсы могут быть соизмерены и конфликт может быть разрешен путем переговоров и торга на основе взаимной договоренности. Более сложным представляется регулирование конфликтов интересов. А.Г.Здравомыслов указывает, что "если потребности ориентируют поведение людей на обладание теми благами, которые оказываются жизненно необходимыми или стимулируют жизненно значимые способы деятельности человека, то интересы — это те стимулы действия, которые проистекают из взаимного отношения людей друг к другу. Непосредственный предмет социального интереса это не само благо как таковое, а те позиции индивида и социального слоя, которые обеспечивают возможность получения этого блага" [6, стр.112].

Однако и конфликты, обусловленные столкновением интересов, то есть относящиеся к единой системе ценностей, в принципе, разрешимы рациональными методами. Интересы сторон в рамках этой системы могут быть сопоставлены и соизмерены, а затем они могут по определенным методикам согласованы сторонами при определенной коррекции позиций сторон на основе консенсуса или компромиса.

Ошибочным, по-видимому, является позиция П.Хейне, который в книге "Экономический образ мышления" утверждает, что экологические конфликты сводимы практически к конфликтам прав собственности, то есть к конфликтам потребностей или интересов. Загрязнение окружающей среды, по мнению экономиста, — это издержки, связанные с осуществлением ценной производственной деятельности, тяжесть которых падает на людей, не давших на это согласия. Следовательно, проблема, по его мнению, состоит в оценке интересов (притязаний, позиций) сторон, а затем путем переговоров о компенсации, или судебных решений относительно нарушенных прав, или созданием новых правил (законодательных установлений) вполне возможно урегулировать конфликт между стороной, загрязняющей окружающую среду, и теми, чьи права были нарушены. При этом, полагает Хейне, лишь небольшая часть ущерба окружающей среде, необратима в том смысле, что ее нельзя возместить, как бы люди не хотели этого [11, стр.208-209]. Разумеется, это не так. К тому же, далеко не всегда компенсация может быть соизмерена с нанесенным ущербом, как, например, в случае загрязнения, приведшего

к болезни или смерти людей, или к сокращению биоразнообразия. По мнению американских социологов регулирование экологических конфликтов существенно осложнено тем, что, как правило, в их основе лежат взаимоисключающие ценности — стороны могут совершенно различным образом оценивать проблему, иметь различные отношения к ресурсам и власти и т.п. — поэтому конфликты в области охраны окружающей среды зачастую находятся вне компетенции правовой системы США [3, стр.131].

Конфликты по поводу ценностей, важнейших жизненных установок относятся к числу наиболее сложноразрешимых. Наша действительность дает этому немало примеров. Так, например, процесс перехода к постиндустриальному обществу в странах бывшего СССР и странах Центральной и Восточной Европы обусловлен острым обострением этнических, политических и социальных конфликтов, корни которых лежат в историческом, политическом и экономическом прошлом этих стран. Однако, по справедливому замечанию А.В.Дмитриева, глубинным фактором этой тенденции являются изменения в ценностных ориентациях социальных групп и социальных общностей [4]. И соглашение при столкновении сторон, отстаивающих разные системы ценностей, недостижимо обычными методами, в рамках рациональной логики. Это объясняется тем, что ценности разных систем несоизмеримы и несопоставимы, потому что невозможно создание “эталонов”, универсальных для различных ценностных систем.

И.А.Василенко считает, что для разрешения столкновений ценностей необходимо развитие ценностной парадигмы конфликта, опирающейся на поиск методов разрешения конфликтов столкновений ценностей вне рамок “картезианской” логики. Вслед за Дж.Мидом она полагает, что для данного типа конфликтов приемлем подход, при котором взаимодействие между субъектами, отстаивающими различные ценности, проходит как процесс социальной интеракции — непрерывного диалога, в ходе которого стороны испытывают взаимное влияние друг на друга — наблюдают, осмысливают, интерпретируют намерения оппонента и реагируют на них. Ею отмечалось также, что и “эпистемологический подход” О.Надлера предполагает технологию разрешения конфликта, включающую в себя диалогическое взаимодействие с оппонентом [4, стр.47].

Обычно диалог, проходящий на личностном уровне, или диалог коллективный, в котором оппоненты, представленные двумя группами лиц, объединенных общими интересами или ценностями, имеют целью расширить свое информационное поле в целях изучения возможности сотрудничества с партнером диалога. Нередко разрешение возникающих между ними противоречий конфликтным (силовым) путем первоначально представляется ими наиболее быстрым и

эффективным способом достижения цели. Однако, когда выясняется, что позиция оппонента достаточно весома (подавить его силою невозможно), прибегают к поиску компромисса или консенсуса для разрешения конфликта. Если в основе конфликта лежат различные интересы сторон, то в дальнейшем он может быть разрешен с помощью переговоров, консультаций, обращений к законодательным нормам и т.д. Если же в основе столкновения сторон лежит различие ценностных ориентаций, где применение традиционных методов неэффективно, то необходимо, по нашему мнению, прибегнуть к процессу непрерывного диалога.

В обширном ряде случаев, когда предмет и ожидаемый результат коллективного диалогического взаимодействия затрагивают широкие социальные массы, при нем присутствует и сторона, которая хотя и не принимает непосредственного участия в диалоге, но внимательно наблюдает за его ходом — это социум. Такой диалог является качественно иным и мы полагаем, что его уместнее называть диалогом социальным, так как его посредством могут выражаться интересы социальных образований — предмет и результат диалога социально значимы.

Характерно, что социальный диалог получил широкое развитие лишь в XX веке, а наиболее яркое свое воплощение — во второй его половине. Этот процесс непосредственно связан с ускорением общественного развития, возрастанием роли общественного мнения и усилением его влияния на социальные отношения, придания им диалогичности. Предметная область социального диалога сейчас довольно обширна — политические проблемы, выборы в органы управления, проблемы сельского хозяйства и энергетики, реформы, безработица и другие вопросы, решение которых влияет в той или иной мере на жизнь людей. Однако социальный диалог эффективен и как метод разрешения социального конфликта, так и как метод его предупреждения. В ходе социального диалога стороны наблюдают, осмысливают, интерпретируют намерения оппонента и реагируют на них — испытывают взаимное влияние друг на друга, и также испытывают влияния общественности (аудитории), которая опосредованно, в соответствии со своими взглядами и уровнем понимания, воспринимает высказывания и действия участников диалога, что, в конечном счете, будет сближать их точки зрения на предмет разногласий. Причем роль аудитории в социальном диалоге весьма значительна. «Противоположные точки зрения, антагонистические силы постоянно сталкиваются между собой — пишет Ж.-П. Пажес, — порождая компромиссы, которые в свою очередь вновь и вновь ставятся под сомнение каким-либо нововведением, планом, событием. Непрерывные изменения — источник конфликтов между организационными структурами и между людьми. Однако

вследствие того, что эти конфликты становятся предметом публичного обсуждения, общественного мнения, они не переходят ту грань, за которой согласие невозможно, и не перерастают во все разрушающий взрыв" [9].

Таким образом, целью сторон, участвующих в социальном диалоге является получение информации о намерениях и действиях оппонентов, оценка их возможностей и уровня поддержки оппонентов аудиторией, а также информирование оппонентов и аудитории о своих намерениях, действиях и полномочиях, полученных от аудитории. Причем, для осуществления социального диалога в современном его представлении не обязательно одновременное появление перед аудиторией его участников, обсуждающих различные аспекты проблемы или оппонировующих друг другу. Процедура диалоговых высказываний и/или действий в таком диалоге может быть распределена во времени и в пространстве – высказывания/действия партнеров, находящихся в разных местах, могут осуществляться ими в разное время различными методологическими средствами.

В ходе диалога партнеры постоянно корректируют свои позиции с учетом высказываний и действий оппонентов и сложившейся общественной оценки – в социальном диалоге как и при диалогах на театральной сцене имеет место реакция аудитории на ход диалога. Однако в социальной действительности аудитория не только оценивает поведение участников диалога, но и, в зависимости от сложившейся ситуации, может существенно изменить сценарий действия. Это связано с тем, что в демократическом обществе без поддержки аудитории участники социального диалога не могут рассчитывать на достижение своих целей. Оценка общественностью состояния диалога может быть выявлена различными социологическими методами. Но в случаях острой социальной напряженности, связанной с предметом диалога, реакция аудитории проявляется активным образом: поддержкой ею одной из сторон диалога – например, выступлениями в прессе ее представителей (и/или журналистов как выразителей общественного мнения), участием в массовых мероприятиях, проводимых одной из сторон – митингах, собраниях, в бойкотировании продукции определенных фирм и т.д. Результатом социального диалога является выявление устремлений социальных групп, принимающих участие в диалоге, и достижение приемлемой для обеих сторон – насколько это возможно – ситуации, поддерживаемой общественностью. Общественность выступает своеобразным арбитром диалога – ее реакция принуждает (в демократическом обществе волю народа осуществляют властные структуры) участников изменить или скорректировать свои действия в связи с отношением к ним

общественности.

По этой причине партнеры социального диалога стремятся проводить его таким образом, чтобы, взаимодействуя с партнером, формировать общественное мнение в свою пользу. Фактически система общих методологических средств, предназначенных для реализации диалогического взаимодействия, образована рядом целенаправленных социальных технологий — средств такого, по определению Поппера, типа социальной инженерии, который состоит в последовательном — поэтапном, осуществлении социальных преобразований (воздействий) [10, стр.30,53-56].

Заметим, что когда мы говорим о разрешении (или предупреждении) конфликта ценностей путем социального диалога, при этом не предполагается некий конкретный результат. Он не ясен и самим участникам диалога, так как именно с помощью социального диалога его участники хотят выяснить, что они могут достичь во взаимодействии с партнером диалога при поддержке (или отсутствии сопротивления) общественности. Разрешение социального конфликта ценностей — это скорее процесс, и, зачастую, довольно неспешный. Важно то, что ходе социального диалога диалоговая система, составленная из двух оппонентов и аудитории, постепенно саморегулируется (самоусовершенствуется) на двух уровнях. Во-первых, как отмечалось, дискутируя, оппоненты в поиске консенсуса или компромисса и под давлением аудитории постепенно сглаживают свои противоречия — приспособляются друг к другу. Но, во-вторых, и аудитория не остается неизменной в процессе диалога. Общественность в той или иной мере воспринимает рациональные доводы, высказываемые в ходе диалога, принимая их как свои, что приводит к изменениям состояния общественного мнения. Эти изменения учитываются оппонентами, и их последующий диалог проходит уже на ином, более высоком уровне, опирающемся на достигнутое ранее сближение позиций и изменившееся — более адекватное ситуации, общественное мнение. Наличие постоянного информационного обмена в системе позволит ей эволюционным путем достичь консенсуса в диалоге.

Пожалуй, было бы уместно выделить отдельно социальные диалоги, вызванные экологическими проблемами. Отнеся их к специфическому типу диалога — диалогу социоэкологическому, следует осознать, что возникающие на экологической почве социальные напряженность в отдельных регионах или локальные социальные конфликты как бы разбивает глобальный социоэкологический диалог на социальные диалоги по отдельным экологическим проблемам или их аспектам. Однако это всегда столкновения по проблемам развития.

Объединенные общими целями в социоэкологическом диалоге

участвуют с одной стороны как специалисты – экологи, медики и др., так и активная (опирающаяся на инвайронментальное мировоззрение) часть населения, объединившаяся для природозащитной деятельности в различные негосударственные организации. Социальный состав их оппонентов в диалоге также довольно обширен. Это обычно люди (работники и члены их семей), чья жизнедеятельность связана с индустриальными объектами и другими предприятиями, чья работа обуславливает стойкие негативные изменения окружающей среде. Объектами давления “зеленых” зачастую бывают и представители властных и управляющих структур, стоящие на позициях главенства экономического над экологическим, поддерживающие “потребительские” взгляды на природопользование.

Заметим в заключение, что процесс социоз экологического диалога может быть заторможен или, до известной степени, ускорен. Ускорен с помощью социологов. Эта деятельность состоит в изучении социальных технологий, используемых в социальном диалоге, разработке новых и эффективных социальных технологий, в расширении информационного обмена для придания диалогу глобального и всестороннего характера.

Литература:

1. Баньковская С.П. Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991. – 173 с.
2. Василенко И.А. Политический консенсус в гуманитарном диалоге культур // Вопросы философии. – 1996. – N8. – С.42-54.
3. Васильева Е.И. Институализация социального конфликта: современный опыт США // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – 1994. Вып. 6 (Конфликты в политике и экономике: мониторинг и менеджмент). – С.128-151.
4. Дмитриев А.Г. О социальной дезинтеграции и конфликте // Социологические исследования. – 1992. – N10. – С.3-9.
5. Дэнлап Р.Э., Гэллуп Дж.Г., Гэллуп А.М. Здоровье планеты // Социологические исследования. – 1992. – N 12. – С. 11-32.
6. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 317 с.
7. Зенба С. Екологія-економіка-відповідальність... // Матеріали німецько-польсько-українського семінару “Екологія та ринкова економіка” (Люблін, 4-6.12.1994 р.). - К., СП “Інтер-Вокс”. – 1994. – С. 14-23.
8. Лейбин В.М. “Модели мира” и образ человека: Критический анализ идей “Римского клуба”. – М., Политиздат, 1982. – 232 с.
9. Папес Ж.П. Конфликты и общественное мнение // Социологические исследования. – 1991. – N7. – С.107-114.
10. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Феникс. Международный фонд “Культурная инициатива”. Т.1: Чары Платона. – 1992. – 448 с.
11. Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Изд-во “Новости”, 1991. – 704 с.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В КАЧЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Поле исследований

Применение биографического метода в истории "академической" психологии и социологии связано с обнаружением процессов когнитивной репрезентации определенных событий в жизни человека. Примером могут служить монографии о духовном развитии ребенка К. и У.Штерн, о психологии жизненного пути человека Ш.Бюлер, книга У.Томаса и Ф.Знанецки "Польский крестьянин в Америке" и т.д. Ренессанс биографических исследований во многих европейских странах с 60-х годов привел к переходу от чисто инструментального использования биографического материала к изучению Биографического как социального феномена. Как строятся биографии членов сообщества, какие социальные образцы заданы и какие социальные задачи выполняют биографии? Поле современных биографических исследований структурируют поиски смысла и значений биографий, их функций и структуры:

— смысловая перспектива связана с концепциями понимающей социологии и социального действия (М.Вебер, Г.Мид, А.Шютц). Здесь анализу подлежат процессы индивидуализации и обобществления, опосредуемые речью и интеракциями. На пересечении этих процессов история жизни строится как способ ориентации в мире повседневности. Биография понимается здесь как резервуар опыта и смысловой горизонт действия.

— функциональная перспектива ведет биографические исследования, затрагивающие определенные социальные проблемы. Здесь биографическое идентифицируется как выражение и функция общих социальных процессов. Социальные тенденции взрослой индивидуализации и институционализации влияют на потребность в новых образцах жизненных ориентаций. Возникает новое измерение биографии — биография как процессор интеграции личности (Фишер, Фукс, Циннекер).

— структурная перспектива наполняет биографические исследования не только объективированных процессов Биографического, но и структуры как производные правила социальности, например, структуры грамматики, логичности, моральности, разумности, которые открывают и ограничивают пространство действий человека (объективная герменевтика Овермана).

Методологические принципы

Исследование биографий подчинено общим методологическим принципам, которые распространены в качественной парадигме (Глэзер, Страус, Бергер, Лукман, и др.) Среди максим этого подхода вводный характер качественного исследования, преодоление дистанции между исследователем и предметом, описание как шаг от явления к структуре. В зависимости от субъектно-объектных отношений различают три вида качественной методологии:

- 1) направленная на изучаемого субъекта,
- 2) на исследуемый предмет,
- 3) на их взаимоотношение в развитии.

В отличие от количественной методологии, ориентированной на репрезентативность и типичность, качественная методология нацелена на поиск механизмов "социальной конструкции действительности", словами Бергера.

Каким образом можно перейти от биографической реальности к социальной конструкции действительности? События в жизни индивида не являются как чисто случайными, так и результатом воплощения только субъективных замыслов. Личностная активность определенным образом упорядочена, подчинена определенным правилам. В отдельных действиях эти правила не осознаваемы, сфера их влияния — жизненный путь в целом.

Неосознанность подчинения определенным социальным правилам, сценариям, биографическим схемам в повседневной жизни отражает парадоксальную структуру субъективных действий: человек выражает в своих действиях больше смысла, чем субъективно полагает. То есть понятие жизненной конструкции основано на скрытых способах выражения индивидуальной жизни (поступках, реальных жизненных пассажах, событиях), а не на субъективных взглядах, планах, комментариях субъекта жизненной истории. Жизненные конструкции лежат в основе повседневной активности индивида как "социально валидные правила когеренции" (Х.Буде). Благодаря им возникает чувство интуиции, дающей понимание взаимосвязи обозримой социальной жизни.

Исходя из максим качественного подхода, отношение исследователя к биографическому материалу колеблется в режиме диалектики аутентичности (приближения к объекту исследования) и структурированности (понимания происходящего в поле с точки зрения обобщенной теоретической перспективы). Теоретическое структурирование отодвигается, "предварительное знание" притормаживается, внимание к контексту — без предвзятости и выделения. По мере окончания полевой стадии вступают в действие процессы редукции и структурирования собранного материала как ограничение и формирование исследовательской перспективы. Здесь возможны следующие варианты качественной исследовательской

перспективы:

- охват субъективно полагаемого смысла,
- описание социального действия и социальной среды,
- реконструкция глубинных структур, генерирующих толкования и действия.

Модификация критериев валидности, надежности получаемых качественных данных связана с понятием триангуляции как сочетания структурного видения проблемы, реконструкции ее значения для участников социального действия и описания контекста. В этом смысле близко к критерию экологической валидности содержание теоремы У.Томаса: "Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительны по своим последствиям".

Роль исследователя в поле имеет свои методологические предписания – роль "профессионального чужого" (Агар) или "чужака" в духе Г.Зиммеля, имеющего установку на принципиальное сомнение в рутине, социальных банальностях. Именно последнее и представляет наибольший интерес, поскольку этнометодологически социальный порядок воспринимается как процесс приписывания значений и смысла, рационализации повседневной жизни. То есть осуществление разумных и эффективных действий в принципиально неясных условиях благодаря применению способов повседневного осмысления и целеполагания. Соответственно предмет анализа – банальная повседневность, непроблематичное социальное поведение, вызывающие доверие социальные сцены, интуитивно понимаемая коммуникация и т.д. Исследователь анализирует и выделяет из этого материала те формальные способы, с помощью которых в действиях актера формируются образы и стереотипы социального мира. Речь идет о генеративных структурах социальности: интерпретативной и интерактивной компетенциях членов общества как результате их участия в самовоспроизводстве социальных структур.

Методы сбора данных

В зависимости от решения исследователя относительно структурированности массива данных (полностью\частично или исследователем\субъектом\ситуацией) применяют либо интерпретативные методы: объективная герменевтика, разговорный анализ, где предмет анализа исследуется в его естественном дизайне, либо реконструктивные методы: все виды интервью, полевые заметки включенного наблюдателя, автобиографический рассказ.

Чаще всего в биографическом исследовании практикуется интервью, вопрос лишь в степени его структурированности. Преимущества лейтмотивного интервью очевидны, поскольку в рамках одной коллекции достаточно легко сравнить секвенции различных интервью, спровоцированные одними и теми же вопросами. Но из средства получения информации лейтмотивное интервью может

стать и средством ее блокирования ("бюрократия лейтмотива").

Этих недостатков лишено нарративное интервью в версии Ф.Шютце. Он исходит из предпосылки о гомологии пережитого опыта и рассказа о нем. Поэтому техника интервью направлена на стимуляцию рассказа о жизни по релевантным для рассказчика критериям, следуя происходящему по линейной временной логике. Лишь когда информант закончит свой рассказ, возможны вопросы, уточнения, просьба об оценке комментариев и т.д. Попытки образного заключения, конденсации пережитых событий, детализации в плане понятности и убедительности приводят, по Ф.Шютцу, даже к тому, о чем рассказчик предпочел бы умолчать.

Запись биографического рассказа на диктофон обычно трансформируется для облегчения интерпретации и групповой работы. В зависимости от требований экологической валидности варьирует степень фиксации всех побочных паралингвистических реакций информанта (смех, паузы, слезы, ударения, затруднения...).

Если же проект заинтересован в содержательной, предметной информации опрашиваемого, а не в роде и способе его коммуникативного поведения в интервью, то достаточно перевода на письменный язык.

Интерпретация и обобщение

В процессе интерпретации решаются вопросы:

- 1) как обходиться с полученными данными;
- 2) применима ли категоризация и как строятся категории;
- 3) как данные подчинены категориям (процесс кодирования);
- 4) какова цель интерпретации: редукция или контекстуализация.

Профильная оценка — метод оценки биографического материала, которым отбирают наиболее важные места из смысловой взаимосвязи отдельных интервью. Этот отбор производится по внешним критериям и неважно, являются ли упорядочивающие критерии/категории фазами жизненного цикла, квалификационным уровнем, принадлежностью к когорте, образцами толкования и т.д.

Другой метод — социологическое перефразирование — имеет целью реконструкцию образов, которые опрашиваемый имеет о себе, о полях своего жизненного мира. Этот метод интерпретации в возвратно-поступательном движении между материалом и теоретическими способами упорядочения сходен с процессом понимания в повседневности: перенимание перспективы другого.

Логика интерпретации нарративного текста членит текст на секвенции собственно рассказа, сообщения, аргументации и оценки. Опора аналитика на части текста, именно рассказывающие что-либо, помогает решить, какие лица, группы или институты были тогда для рассказчика действительно важны, как он их и они его оценивали, как возникали опорные, поворотные точки его истории. Следующий

анализ имеет целью выработку так называемых процессуальных структур в течение жизни и развитие идентификации в целом. Шютте различал среди процессуальных структур интенциональные (проекты в смысле жизненных целей, намерений), институциональные (правила, которые передаются социально) и кривые течения (собственно процессы происходящего). Ритмы этих процессов не гармоничны, искажены, а осмысление человеком своей биографии следует по мере медленной смены жизненных шагов.

Разумеется, это далеко не весь спектр возможных моделей интерпретации биографического материала. Биография как перформанс, как сеть коммуникации, как текстуальная реальность — эти ресурсы биографизирования еще не исчерпаны.

Литература:

1. Berger P.L., Luckmann T. (1969). Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Fischer, Frankfurt.
2. Buehler C., Masarik F. (1969) Lebenslauf und Lebensziele. Studien in humanistischer Psychologie. Fischer. Stuttgart.
3. Glaser B.G., Straus A.L. (1967) The Discovery of Grounded Theory. Strategies for qualitative research. Aldine.
4. Handbuch Qualitative Sozialforschung. Grundlagen, Konzepte, Methoden und Anwendungen (1995) (Yrsg. Von U.Flick, E.Kardoff et al.) bewltz Verlag, Weinheim.
5. Schuetze F. (1983) Biographieforschung und narrative Interview \ \ Neue Praxis, № 3, s. 283-293.
6. Thomas W.L., Znaniecki F. (1927) The polish Peasant in Europe anf America, A.Knopf, N.Y.
7. Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Мещеркиной Е.Ю., Семенов В.В. / — М.: ИС РАН, 1994.
8. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. Семенов В.В., Фотеевой / — М.: ИС РАН, 1996.

Голик В.И.

ЛОГИКА СМЕНЫ ПАРАДИГМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Управление хозяйственной деятельностью организаций в рыночной среде претерпело ряд качественных изменений, каждое из которых было продиктовано существенными изменениями социально-экономической среды.

Выживание и эффективная деятельность организации определяются прежде всего ее способностью обеспечить поступление ресурсов из внешней среды взамен потребленных, умения

Голик В.И. — соискатель кафедры прикладной социологии
Харьковского государственного университета

удовлетворять потребности окружения своим продуктом и постоянно поддерживать свой социальный статус.

Обладея на каждом этапе своего развития соответствующими пространственно-временными и количественно-качественными характеристиками, организация в целом, ее основные социотехнические подсистемы (управляющая и управляемая) и среда вступают в сложные субъектно-объектные отношения. При этом процесс преобразования входных величин в выходные и взаимодействия с окружением не носит строго однонаправленный характер, а представляет собой сложный контур с положительными и отрицательными обратными связями.

Управляющая система оперирует в двух режимах: стратегическом и оперативном. Деятельность по стратегическому управлению направляется на достижение ценностных ориентиров, которые последовательно выдвигает институциональный персонал под давлением внешней среды.

В начальный период промышленной революции благоприятные природные условия, наличие квалифицированной рабочей силы в сочетании с минимальным социальным и политическим контролем, бурно растущий рынок не побуждали организацию учитывать внешние факторы. Основные усилия организации сосредотачивались на совершенствовании технологий производства, выпуске продукта, получении своей доли рынка и тем самым — прибыли. Эта стратегическая цель выстраивала весь контур управления организацией в соответствии с производственной ориентацией. Возникали и развивались механизмы инжиниринга, объединявшего собственно работы по созданию нового производства с целью получения прибыли посредством удовлетворения спроса, превышающего предложение. Управление организацией при этом стремилось до отказа использовать все внутренние технические и социальные ресурсы эффективности производства. Рост масштабов хозяйственной деятельности организаций, углубление специализации и усиление кооперации требовали намного более сложного и компетентного, научно обеспеченного управления, привлечения лиц, специализирующихся на управленческих функциях — менеджеров. Деятельность организации по крупносерийному, массово-поточному, постоянно растущему производству в условиях гарантированного массового сбыта вполне обходилась управленческой стратегией менеджмента, не придававшей особого значения параметрам и характеристикам социально-экономической среды.

Насыщение рынка и сужение сферы обмена начали тормозить развитие производства. По этой причине стратегическое управление организации сконцентрировалось на сбытовой ориентации — удовлетворении потребности торговца в продажах, обусловленной его социальной ролью. Сбытовая ориентация разделилась на два

направления: продуктовую ориентацию и ориентацию на максимизацию продаж. Продуктовая ориентация предусматривала расширение ассортимента, улучшение функциональных характеристик изделия и организацию для каждого собственной сбытовой сети. Максимизация продаж предполагала активизацию в сфере стимулирования и сбыта. Сформулировалась управленческая парадигма, ориентированная на максимальное использование всех ресурсов системы сбыта, которая в значительной мере учитывала особенности некоторых сегментов среды и обеспечивала выживаемость и дальнейшее развитие организаций.

Следующий исторический этап взаимодействия организации и среды возникает, когда организация уже не может обходиться только учетом сложившихся потребительских предложений, а вынуждена их предугадывать, формировать и изменять, опережая и обыгрывая при этом множество конкурентов. Сердцевиной этой парадигмы становится маркетинг. Управление по маркетинговой парадигме означало: быстрее конкурента изучить нужды и потребности конечных пользователей, наладить производство разработанного на этой основе прототипа, сформировать готовность купить продукт и обеспечить его сбыт по приемлемой цене, в нужное время в нужном месте. Это позволяло вызывать потребительскую удовлетворенность, гарантируя повторную покупку. Разнообразие запросов давало множество сегментов и различные стратегии по отношению к ним: недифференцированного, дифференцированного и концентрированного маркетинга.

Достижение обществом высокого уровня материального благополучия, все больший отход от массового производства в пользу индивидуализированного, развитие и усиление институтов гражданского общества и повышение социальной требовательности населения снова заставили хозяйственные организации пересматривать стратегические принципы управления. Стратегический уровень управляющей системы организации был вынужден переместить ориентацию на соблюдение морально-этических норм, применять социально-этический маркетинг, поскольку игнорирование доминирующих ценностей общества могло повлечь дополнительные ограничения производства с его стороны.

Развитие постиндустриальных форм жизни привело к новым усложнениям взаимодействия организации и ее среды. Относительная устойчивость последней сменяется высоким динамизмом, турбулентностью: почти предельной подвижностью, сложностью, неопределенностью и непредсказуемостью. Дальнейшая дифференциация сегментов вела к минимизации числа потребителей в них, приближаясь в пределе к индивидуальному потребителю. Качество продукта в этом случае определяется уже не стандартами производителя, предпочтениями целевого рынка или социальным

контролем, а запросом каждого потребителя в отдельности. Организация должна учитывать эти факторы, и тогда ее стратегическое управление фокусируется на индивидуализированном турбомаркетинге.

Каждая новая парадигма не отменяла предыдущую, но дополняла ее. Поэтому жизнеспособность организации сегодня определяется тем, в какой мере она способна к ситуативной реализации всего спектра управленческих функций, диктуемых многослойным комплексом парадигм стратегического управления.

Лисица Н.М.

К ВОПРОСУ ОБ АУДИТОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (на основе анализа стоимости предмета рекламы)

Средства массовой информации сегодня позволяют людям не только установить, но и поддерживать связь с широкой социальной средой, границы которой находятся далеко за пределами их непосредственного окружения. Эта социальная среда представляет собой аудиторию, которая как объект коммуникативного воздействия имеет ряд особенностей: аудитории СМИ, как правило, не нужна особая подготовка, требующая специальных знаний, аудитория имеет повышенную ориентацию на определенный вид информации. Некоторые из этих видов информации передаются рекламой, которая занимает от 20% до 50% площади газет. Занимая вполне устойчивое место в средствах массовой информации, реклама (все ее разновидности — коммерческая, социальная, политическая) имеет и свою аудиторию потребителей. Аудитория потребителей рекламы только начинает привлекать внимание ученых, пытающихся найти ответ на вопросы о том, как она реагирует на рекламируемые продукты и, наоборот, насколько предмет рекламы, его отдельные особенности (например, стоимость) управляют процессом выбора потребителя рекламы, его сегментированием.

Предметом данной статьи является аудитория потребителей коммерческой рекламы, которую объединяет желание купить продукты питания и отличает отношение к рекламируемому продукту и возможности покупки последнего. Интересно отметить, что продукты питания признаны в результате социологического

*Лисица Н.М. — докторант кафедры прикладной социологии
Харьковского государственного университета*

исследования¹ самыми рекламируемыми в Украине — это отметили 36% респондентов, следующими наиболее рекламируемыми продуктами были названы: лекарственные средства (35% респондентов), предметы личной гигиены (29% респондентов). Заслуживает внимания тот факт, что 68% опрошенных покупают рекламируемые продукты питания для личного пользования, 22% — для подарка и лишь 10% — покупают рекламируемые продукты, так как это часть их работы. Важными факторами, оказывающими влияние на людей, являющихся потребителями рекламы продуктов питания, считаются: стоимость рекламируемого продукта (42% респондентов), престиж и функция рекламируемого продукта (21% респондентов), стремление познакомиться с новым продуктом под влиянием рекламы (20% респондентов), привычка к рекламируемому продукту (10% респондентов), массовое потребление рекламируемого продукта (7% респондентов).

При чтении рекламы с целью выбора продукта питания на стоимость рекламируемого продукта ориентируются 37% мужчин и 63% женщин. Это, видимо, объясняется тем, что женщины в основном делают покупки и занимаются домашним хозяйством. Анализ ответов респондентов показывает, что на стоимость обращают внимание 35% респондентов 26-45 лет, 34% респондентов 19-25 лет, 21% респондентов 46-60 лет и 10% респондентов 60 лет и старше. Эти данные позволяют предположить, что люди старшего поколения меньше читают рекламу с целью покупки продуктов питания и предпочитают основные традиционные продукты питания, которые в рекламе не нуждаются и стоимость которых им доступна.

Стоимость рекламируемого продукта является решающим фактором для принятия решения о покупке для респондентов с разными уровнями образования (со средним специальным образованием — 35%, с неполным высшим образованием — 34%, с высшим образованием — 31%).

Вышеназванное позволяет выделить стоимость рекламируемого продукта питания в качестве одного из основополагающих признаков привлечения внимания к рекламируемому продукту. Низкая или средняя стоимость рекламируемого продукта всегда расширяет круг потребителей рекламы наряду с другими критериями в пользу рекламируемого. Реклама дорогостоящих продуктов питания ориентируется, как правило, на такой демографический признак, как материальное положение. В таких случаях самой ценой продукта детерминируется

¹ Опрошено автором 800 респондентов в феврале - марте 1997 г. в Харьковской обл.

определенная социальная общность людей, выступающая целевой аудиторией. Для этой группы людей стоимость рекламируемого продукта питания выступает социально-признанной гарантией качества и включает пресуппозитивно такие характеристики продукта, как престиж (как символ социального благополучия) и универсальную функциональность (всегда уместно, сытно, вкусно, приятные ощущения после еды и др.)

Несмотря на одинаковое стремление приобрести дорогостоящий рекламируемый продукт питания, аудитория рекламы такого продукта достаточно гетерогенна и включает:

а) людей, покупающих рекламируемый дорогостоящий продукт периодически (реальная аудитория);

б) людей, покупающих рекламируемый дорогостоящий продукт постоянно (реальная аудитория);

в) людей, заинтересовавшихся продуктом и принявших решение накопить достаточное количество денег, чтобы купить продукт (потенциальная аудитория).

Самый большой сегмент аудитории рекламы дорогостоящего продукта составляют те, кто покупает его периодически. Эта группа потребителей неоднородна и составляет 74% (табл.1).

Таблица.1

**Реальная аудитория потребителей
(периодически потребляющих продукт)**

<i>Возраст</i>		<i>Образование</i>		<i>Пол</i>	
19-25 лет	10%	Среднее спец.	46%	Женщины	68%
26-45 лет	64%	Неполное высшее	14%	Мужчины	32%
46 лет и старше	26%	Высшее	40%		

Следующий сегмент аудитории рекламы дорогостоящего продукта питания — те, кто копят деньги, чтобы купить продукт — 16% (табл.2).

Таблица.2

**Потенциальная аудитория потребителей
(те, кто копят деньги, чтобы купить продукт)**

<i>Возраст</i>		<i>Образование</i>		<i>Пол</i>	
19-25 лет	20%	Среднее спец.	46%	Женщины	68%
26-45 лет	64%	Неполное высшее	14%	Мужчины	32%
46 лет и старше	16%	Высшее	40%		

И, наконец, последний сегмент аудитории рекламы дорогостоящего продукта питания это те, кто покупает постоянно — 10% (табл.3).

Таблица.3

**Реальная аудитория потребителей
(постоянно покупающих продукт)**

<i>Возраст</i>		<i>Образование</i>		<i>Пол</i>	
19-25 лет	43%	Среднее спец.	29%	Женщины	81%
26-45 лет	54%	Неполное высшее	27%	Мужчины	19%
46 лет и старше	3%	Высшее	44%		

Как видно из приведенных таблиц, стремление узнать новый дорогостоящий продукт питания у женщин явно преобладает, в то время как мужчин, постоянно покупающих дорогостоящие продукты значительно больше. Этот факт следует учитывать рекламодателю, разрабатывающему стратегию рекламной кампании, и рекламисту, который пишет текст рекламы. Такая информация поможет не только сохранить аудиторию рекламы дорогостоящего продукта, но и расширить ее состав.

Это еще раз подтверждает, что изучение аудитории рекламы стимулирует поиск новых рекламных технологий, популярных у аудитории рекламы, и способствует развитию не только рынка сбыта, но и рекламного бизнеса.

К ВОПРОСУ О РОЛИ РЕКЛАМЫ В ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Обращаясь к анализу факторов, формирующих молодёжную субкультуру, нельзя оставить без внимания один из самых значительных из них — средства массовой информации (СМИ). По расхожему выражению западных социологов, в современном обществе господствуют массовое общество, массовая культура и масс-медиа. Сегодня без СМИ не обходится ни производство знаний, ни коммуникационные процессы, где СМИ преобразуют, дополняют или же заменяют другие средства коммуникации. Очевидно, что СМИ составляют также важную часть современной массовой культуры, так как практически вся она так или иначе проходит через масс-медиа. Способность к быстрому и почти тотальному охвату самой широкой аудитории зрителей, слушателей и читателей превращает СМИ в важнейший фактор, трансформирующий всю систему духовного производства.

Анализируя молодёжную субкультуру в контексте массовой культуры, мы прежде всего пытаемся уяснить влияние транслирующих ее масс-медиа на систему ценностей, установок и стереотипов личности. Что бы ни говорили, но именно массовая культура помогает современному молодому человеку ориентироваться в столь быстро изменяющихся условиях социума, усваивать различные социальные роли, ценности и нормы общения, т.е. обеспечивает его социализацию в условиях изменчивой, неустойчивой социальной реальности. Благодаря СМИ и массовой культуре в целом, молодежь получает представление о достойном, с ее точки зрения, подражания стиле поведения, образе жизни, карьере, отношениях между людьми, возможных путях реализации своих стремлений.

Другая важная функция массовой культуры — удовлетворить потребность в рекреации. Поскольку молодёжь обладает достаточно большим резервом свободного времени, досуговая направленность массовой культуры в значительной мере ориентирована прежде всего на эту социально-демографическую группу. По данным опроса, проведённого в 1996 г. среди молодежи г. Харькова, исследование было проведено по репрезентативной выборке сотрудниками Восточноукраинского Фонда социальных исследований и социологического факультета ХГУ по заказу комитета по делам молодежи Харьковского горисполкома, 46% юношей и девушек предпочитают отдыхать у телевизора [1, 2], доставляющего нам

*Курячая М.А. — аспирантка социологического факультета
Харьковского государственного университета*

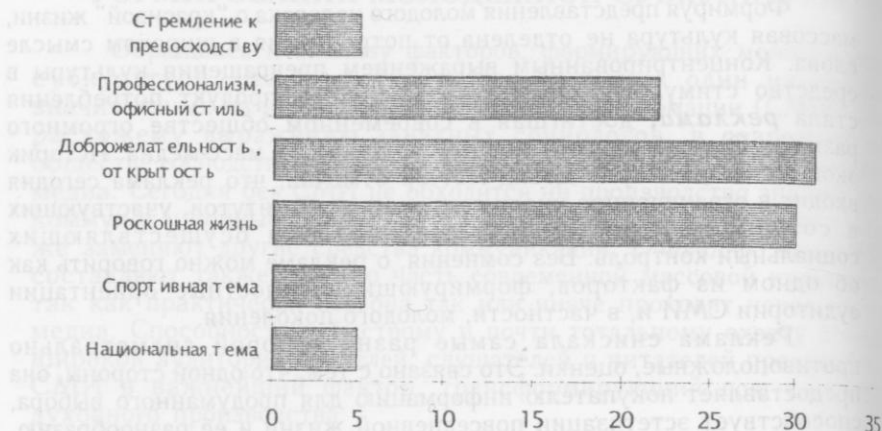
массовую культуру "на дом".

Формируя представления молодого человека о "красивой" жизни, массовая культура не отделена от потребления в широком смысле слова. Концентрированным выражением превращения культуры в средство стимуляции потребления и в сам продукт потребления стала **реклама**, достигшая в современном обществе огромного размаха. Она являет собой не просто придаток масс-медиа. Историк экономической науки Дэвид Поттер отмечал, что реклама сегодня входит в ограниченное число социальных институтов, участвующих в создании общепринятых стандартов и осуществляющих социальный контроль. Без сомнения, о рекламе можно говорить как об одном из факторов, формирующих ценностные ориентации аудитории СМИ и, в частности, молодого поколения.

Реклама снискала самые разные, порой диаметрально противоположные, оценки. Это связано с тем, что одной стороны, она предоставляет покупателю информацию для продуманного выбора, способствует эстетизации повседневной жизни и её разнообразию, обеспечивает потребителю независимость в принятии решений. Именно реклама зачастую принципиально меняет сложившиеся ценностные установки в сторону их осовременивания и адаптации к новому миру, вырабатывает у потребителей новые вкусы и желания. Тем самым реклама отражает насущные потребности массового общества. С другой стороны, информационная нагрузка рекламы всё больше сводится к минимуму в пользу манипулирования эмоциональными, подсознательными факторами. Она нацеливает человека на удовлетворение первичных материальных потребностей. Как отмечают культурологи, реклама утверждает почитание материального продукта, представление о материальном богатстве и расширенном потреблении как конечной цели человеческого бытия.

Интересными в этой связи представляются данные контент-анализа рекламных обращений, транслировавшихся наиболее популярными среди населения Украины телеканалами и периодическими изданиями. Контент-анализ был проведен в 1994г. издательством "Блиц-информ" и посвящённого исследованию методов воздействия рекламы на потребителей, а также ценностей, открыто пропагандируемых рекламой [3, с.16]. Анализируя ценности, пропагандируемые рекламой, исследователи выделили основные из них. Это ценность человеческих взаимоотношений (доброжелательности, открытости); материальный достаток (благополучие, роскошная жизнь); ценность здоровья, здорового образа жизни (спортивная тематика); профессионализм, деловая активность (так называемый "офис-стиль"), патриотизм, национальная тематика; стремление к превосходству. Удельный вес каждой из названных ценностей в рекламной продукции представлен на рис.1.

Ценности, пропагандируемые рекламой

Как видим, в рекламных объявлениях наиболее распространённой оказалась ценность доброжелательности, открытости (31,1%), причём наибольший вклад здесь сделала зарубежная реклама. Достаточно часто реклама пропагандирует роскошную жизнь (30%). Как ни странно, здесь лидирует отечественная реклама. Думается, не случайно в системе ценностей современного молодого человека материальное благополучие занимает ведущее место. Так, согласно данным ранее упомянутого исследования, материальный достаток ставят во главу угла 60% молодых харьковчан. Понятно желание человека жить хорошо. Однако это стремление всё больше становится единственной целью в жизни. Потребительская психология постепенно перерастает в потребительскую идеологию.

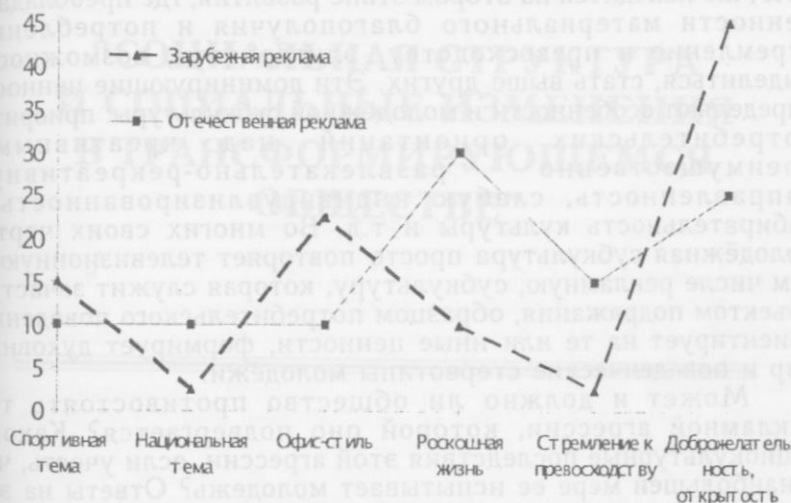
На третьем месте «офис-стиль» (21%), правда, в основном за счёт вклада зарубежной рекламы, пропагандирующей в качестве одной из главных ценностей профессионализма, деловой активности и компетентности. Это способствует внедрению в молодёжную среду ценностей «белых воротничков», прагматизма и отрицает социальное иждивенчество, стимулирует формирование у молодого человека активной жизненной позиции и стремления к самореализации. Реклама, использующая спортивную тематику, обращена прежде всего к молодёжи как к наиболее активной части населения. Такая реклама наверняка

найдет дорогу к сердцам молодых, тем более, что здоровье занимает ведущее место в системе ценностей современного молодого человека.

Сходства и различия ценностных приоритетов зарубежной и отечественной рекламы иллюстрирует рис.2.

Рисунок 2

Ценности зарубежной и отечественной рекламы

Анализ ценностных приоритетов отечественной и зарубежной рекламы позволяет сформулировать вывод о том, что аксиологическое содержание рекламной продукции, в том числе, детерминировано уровнем социально-экономического развития конкретного общества. К такому выводу приходят многие исследователи. Так, согласно теории американского социолога и культуролога Дэвида Рисмена, человечество в своём развитии должно пройти три этапа: первый, соответствующий "первичному сектору экономики" (охота, рыболовство), сегодня ещё господствует в некоторых обществах, но в целом уже пройден человечеством; второй — соответствует "вторичному сектору" (промышленность), преобладает сегодня в большинстве стран и характеризуется "ориентированным-на-себя" типом

социального характера (так называемый средний класс на Западе, не обладающий какими-либо едиными ценностными приоритетами; третий — соответствует “третичному” сектору экономики (торговля, коммуникации, сфера услуг) и “ориентированным-на-себя” типом характера (новый “средний класс” — “белые воротнички” — с его доминирующими ценностями профессионализма, деловой активности). В третью эпоху, по мнению Рисмена, только начинают вступать США и ориентированные на них страны. Украина, как и другие страны СНГ, же находится на втором этапе развития, где преобладают ценности материального благополучия и потребления, стремление к превосходству, элитарности, возможности выделяться, стать выше других. Эти доминирующие ценности определяют особенности и молодёжной субкультуры: приоритет потребительских ориентаций над креативными, преимущественно развлекательно-рекреативную направленность, слабую индивидуализированность и избирательность культуры и т.д. Во многих своих чертах молодёжная субкультура просто повторяет телевизионную, в том числе рекламную, субкультуру, которая служит зачастую объектом подражания, образцом потребительского поведения, ориентирует на те или иные ценности, формирует духовный мир и поведенческие стереотипы молодежи.

Может и должно ли общество противостоять той рекламной агрессии, которой оно подвергается? Каковы социокультурные последствия этой агрессии, если учесть, что в наибольшей мере ее испытывает молодежь? Ответы на эти вопросы, имеющие не только научную, но и большую практическую значимость, могут дать в том числе специальные социологические исследования по проблемам воздействия СМИ на массовое сознание.

Литература:

1. Архангельская Е. Чем живёшь, молодёжь? // Вечерний Харьков. — 1997 — №15. — с.1-2.
2. Ерасов Б. С. Социальная культурология: Пособие для студентов высших учебных заведений. - 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Зошук О. Методы воздействия рекламы на потребителей // Деловые новости — 1995. — № 37 (100). — с.16., № 38 (101). — С. 17.
4. Социология молодёжи: Учебник /Под. ред. проф. В. Т. Лисовского. — СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996.
5. Melvin L. DeFleur, Everett E. Dennis. Understanding mass communication. — Boston, 1990.